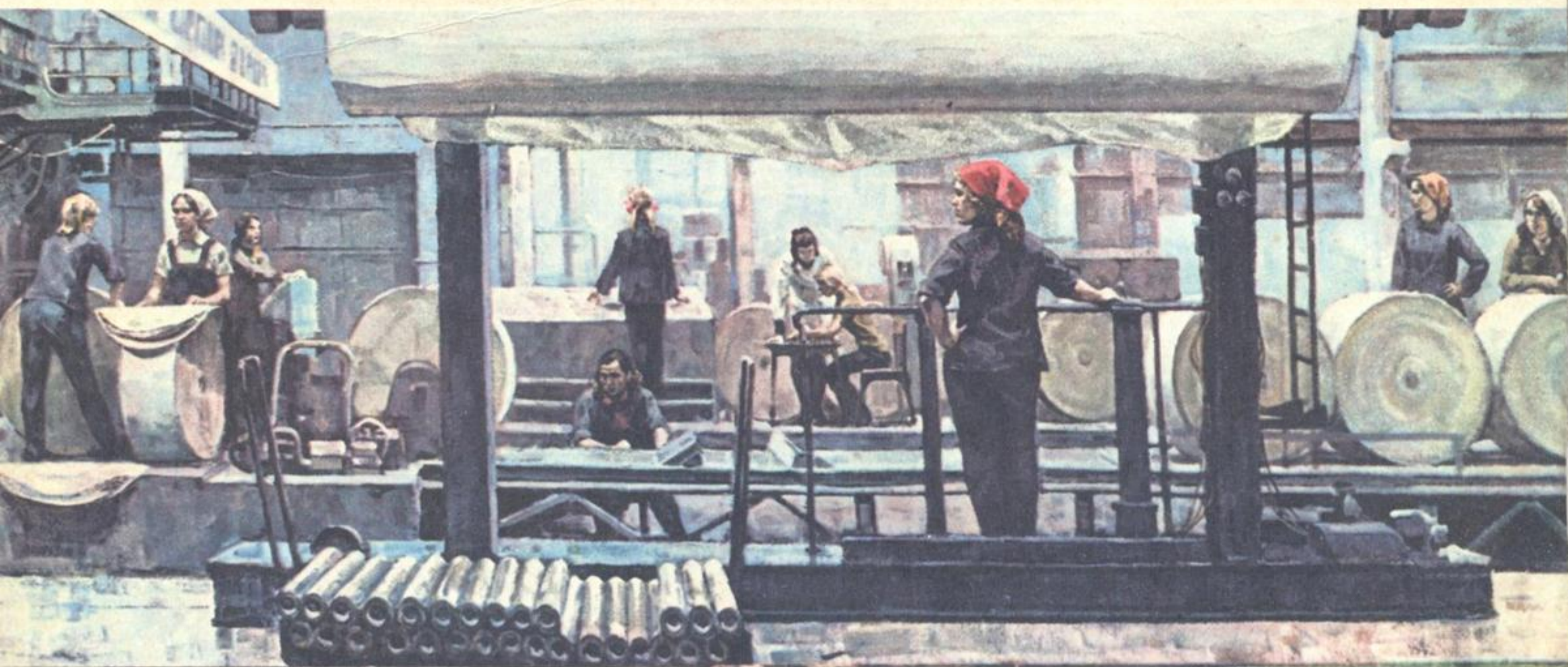

РАБОТНИЦА

№ 2 • 1977 • Издательство «ПРАВДА»

101

Р. ЕРМОЛИН. БУМАЖНЫЙ СЫКТЫВКАР.

„...И НЕМНОГО

П. СЕМЕНОВ. ИЖЕВСКИЕ МАШИНОСТРОИТЕЛИ.

В январе минувшего года журналистские дороги привели меня на Ижорский завод, в один из его цехов, где обрабатываются детали для атомных реакторов. И вот год спустя нежданно-негаданно получаю письмо от работницы этого завода Нины Меркурьевой. «Надеюсь,—пишет Нина,—письмо мое вас не огорчит, а, наоборот, поднимет настроение».

Так оно и было—радостно получать письма от счастливых людей. Нет, никаких особых событий в жизни Нины не произошло. Но наполненность ее дней, казалось бы, самых обычных (работа—дом), минутами радости неуклонно идет по восходящей. Об этом—каждая строчка безыскусного Нинино повествования. «Вы, наверное, помните нас, контролеров,—пишет она.—Так мы все и работаем, никто нашей профессии не изменил. Пришло новое пополнение из ПТУ, и им тоже работа нравится. Недавно об Ижорском заводе была по Ленинградскому телевидению передача, показывали наш цех и продукцию. Так что все мы гордимся. Хочу также сообщить вам о том, что у Люды Шубиной, о которой вы писали, скоро будет свадьба с Володей... Немного о себе. Дети, Ира и Сережа, растут, учатся хорошо, а Ира еще и рисует. Муж мой недавно вернулся из командировки, был в Армении, присутствовал на пуске Армянской атомной электростанции, увидел наш труд ижорцев, так сказать, в итоге».

Вот, собственно, и все письмо. Но столько в нем света! О чем бы ни писала Нина Меркурьева—о цехе ли, о свадьбе ли Люды Шубиной или о пуске Армянской атомной станции, она пишет «и немного о себе».

О СЕБЕ

Потому что вся жизнь ее с 1960 года связана с Ижорским заводом. Здесь она выросла в контролеры экстра-класса, здесь встретила Николая, и здесь же, как сейчас у Люды с Володей, была у них свадьба... Теперь вот растут дети. А в стране одна за другой вступают в строй атомные электростанции—детища второй половины XX века и немножечко ее, Нины Меркурьевой.

Славно чувствовать свою причастность к прогрессу, к делам страны. И ответственно.

Но ответственности нашим людям не занимать. Все мы помним, как своенравно вела себя погода в минувшем году, какие только каверзы не подстраивала она сельским труженикам. Жительница Туркмении водитель-механик совхоза «Путь ленинизма» А. Мухамедова одна из тех, кто в труднейших условиях боролся за урожай. Грозным соперником оказалась разбушевавшаяся природа: потоки воды, хлынувшие с неба, затопили поля, разрушили арыки, не раз и не два смывали посевы хлопка. Это было весной. А во время уборки на растения, взлелеянные руками человека, обрушился ветер, повалил неожиданный снег... Но опять победил человек. Его упорство, мужество, разум. 100 тонн хлопка по норме должна была собрать на своей двухрядной машине Мухамедова. Обязалась собрать 200. А собрала 217! Так

поклонимся же ей низко. Ей и всем труженикам полей—выдержавшим, выстоявшим, преодолевшим натиск стихии и собравшим не только замечательный урожай хлопка, но и небывалый за всю историю нашей страны урожай хлеба—224 миллиона тонн.

А разве не о новых гранях ответственности рабочего человека свидетельствует письмо Л. Титовой с Московского завода механической заводной игрушки? Она обеспокоена, что их продукция вместо радости приносит ребятишкам сплошное расстройство: «Не успеют донести игрушку до дома, как она сломалась». «Много всяких причин, почему мы делаем брак,—пишет Титова.—Нет нужной пружины, приходится ставить, какая в отверстие влезет, нет нужного металла, получаем распоряжение делать из того, какой есть. Очень бы нам хотелось поговорить обо всем этом с руководителями завода. Сколько раз обращались рабочие к директору с вопросом, когда будет нормальная пружина, но он отвечает: «Ваше дело работать». Но так работать нельзя—совестно и неинтересно».

Совестно рабочему человеку выпускать плохую продукцию, неинтересно ограничиваться ролью ожидателя и уповать на то, что начальство само ликвидирует неполадки. Он хочет, чтобы с ним советовались, в открытую говорили о трудностях и сообща, всем коллективом, решали, как с ними разделаться. Потому что чувствует свою ответственность не только за исполнение порученной ему операции, но и за дела всего производства.

Да, рабочий человек сегодня ценит в себе не только работника, но и творческую личность. И тем руководителям, которые почему-либо не желают принимать этот факт во внимание, в конце концов приходится пересматривать свои позиции или уступать свое место. Уступать тому, кто видит в высокой самооценке рабочего неисчерпаемый кладезь созидательной энергии, кто смело развивает формы производственной демократии. Плоды работы таких коллективов весомы. На их счету успех первого года десятой пятилетки. Успех, завоеванный в социалистическом соревновании, охватившем всю страну.

Помните? Декабрь 1976 года. Коллективы фабрик, заводов, объединений рапортуют о досрочном выполнении планов. Газеты печатают сообщения о рекордах текстильщиц, завершивших задание двух лет пятилетки. Обгоняя время, вводятся в действие первая очередь Ставропольской ГРЭС, комплекс по переработке нефти на Ново-Бакинском нефтеперерабатывающем заводе имени Владимира Ильича, завершается сооружение первой очереди КамАЗа...

Дороги сердцу рабочего человека эти праздники будней: он их творец. Они вершина его напряженных усилий и одновременно старт к новым дерзаниям. Сколько писем пришло в редакцию в связи с постановлением ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «О Всесоюзном социалистическом соревновании за повышение эффективности производства и качества работы, успешное выполнение заданий десятой пятилетки!» Писем, свидетельствующих о том, какой горячий отклик вызвал в душе советских людей призыв партии и правительства развернуть соревнование за достойную встречу 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции.

Они пишут о своих предприятиях, о встречных планах, об успехах своих товарищей.

Штамповщица производственного объединения «Кировский завод» Л. Ершова сообщает о решении кировцев выпустить сверх плана к 60-летию Великого Октября 25 тракторов, прославленная ткачиха из Иванова В. Голубева радуется тому, что вместе с ней перешла на повышенную зону уплотнения и стала обслуживать 28 станков (в три раза больше нормы) Светлана Гонзенко, которая только в прошлом году окончила ГПТУ... А Наташа Ширманова очень просит рассказать о своей наставнице Вере Федоровне Чирковой—старшем стрелочнике станции Патрикеево, которая работает здесь уже тридцать пять лет, «и не было такого дня, чтобы она сдавала дежурство с какими-то недоработками». Не удержалась Наташа, чтобы не написать «немного и о самой станции Патрикеево»: «Какая красивая здесь природа, со всех сторон лес, да так близко—рукой подать. Весной и осенью много грибов, а летом земляника с клубникой...»

Читала я эти письма о буднях пятилетки и думала, что все они, как и письмо Нины Меркурьевой, «и немного о себе»—о том, без чего не мыслят своей судьбы советские люди.

О. ВАСИЛЬЕВА

Ежемесячный общественно-политический
и литературно-художественный журнал

Основан 8 марта 1914 года

ФЕВРАЛЬ 1977 ● МОСКВА ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

то я, с бантиком. Да уж мне тут двадцать один. Не подумайте, бантик не от кокетства. Послетифозные кудри торчали во все стороны—вот и завязывала... Девушкой я была строгой. Никаких ухаживаний, никакой любви! Не время! А может, просто любовь меня тогда еще не настигла? А?

Екатерина Михайловна Дагаева показывает и другие снимки своей молодости. Все больше групповые: во втором ряду сидят на стульях, в первом все полулежат у ног сидящих в русалочьих позах, в третьем стоят... Композиция такая, видно, считалась в те времена весьма совершенной. Я стараюсь рассмотреть лица. Трудно. Они очень маленькие. А Екатерина Михайловна только кинет взгляд на фотографию: «Вот Володя, вот Лидочка...»—и уже рассказывает про тех, кто здесь с ней рядом.

Память у Екатерины Михайловны—кинематограф, все хранит в нетронутой ясности: события, голоса, детали, попавшие когда-то в поле зрения или в поле чувств. И ее родной город, ее Тулу, я смогла увидеть с разных временных точек, потому что рядом шла она.

Впрочем, «шла»—неточное слово. Спокойное оно, неторопливое. Не про нее это—«шла». Походка у нее легкая, кажется, несет эту маленькую, худенькую женщину стремительный ветер и она лишь для порядка касается ногами земли. Да я и не слышала никогда, чтобы кто-то говорил о Екатерине Михайловне: «приходила», «ушла». «Забегала», «прибегала»,—только так.

Попутру торопливый стук в мою дверь. Это она. Пальтишко с цигейковым воротничком застегнуто на одну верхнюю пуговицу: наверное, чтоб быстрее одеться-раздеться, шарф клетчатый, наскоро наброшенный на голову. Энергично тряхнула мою руку и сразу же, с порога распорядилась мной и мягко и твердо:

— Едем в типографию «Союзполиграфпрома».

И уже по дороге объясняла, почему я непременно должна увидеть, как директорствует Людмила Евграфовна Лебедева, какое у нее образцовое предприятие. И ведь смолоду, с девчонок, на руководящих должностях. С сорок первого, как только диплом защитила. Муж погиб... Одна сыновей подняла, оба они у нее полиграфисты, как сама.

— Лебедева Тулу в Комитете советских женщин представляет. Заслуженно? А! И хорошо, что мы к ней именно сегодня едем. Типография ведь на таком месте стоит! Рогожинский поселок...

В этот день в Туле был праздник. Он ворвался накануне вечером с сообщением Центрального радио: присвоить Туле почетное звание

«Город-герой»! Ночь многие не спали, чтобы утром улицы заалели флагами, красными полотнищами лозунгов...

Флаги и на площади Победы, где горит Вечный огонь. Да, теперь здесь торжественная площадь, памятник. Сейчас это почти центр города, а тогда, в сорок первом, был окраинный поселок Рогожинский, и проходил через него оборонительный рубеж: противотанковые рвы, окопы... Обрушивались на них гудериановские танки, лавина за лавиной... Сорок пять дней... Сколько советских солдат, сколько бойцов Тульского рабочего полка сложило здесь головы, чтобы остановить врага!

В типографии Екатерина Михайловна с восторгом рассматривала новенькие, «тепленькие» еще книги, которые раскладывала перед нами Людмила Евграфовна,—на русском, английском языке, французском, арабском, хинди... Изредка гордый взгляд в мою сторону:

— Какой свет несет наша Тула! Понимаете? А?

И вдруг... встала, пальтишко уже на плечах, верхняя пуговица в петле.

— Куда же вы, Екатерина Михайловна?

— Извините. Спешу... В народный контроль: дело одно, депутатское, сложное. Вдовы фронтовика касается...

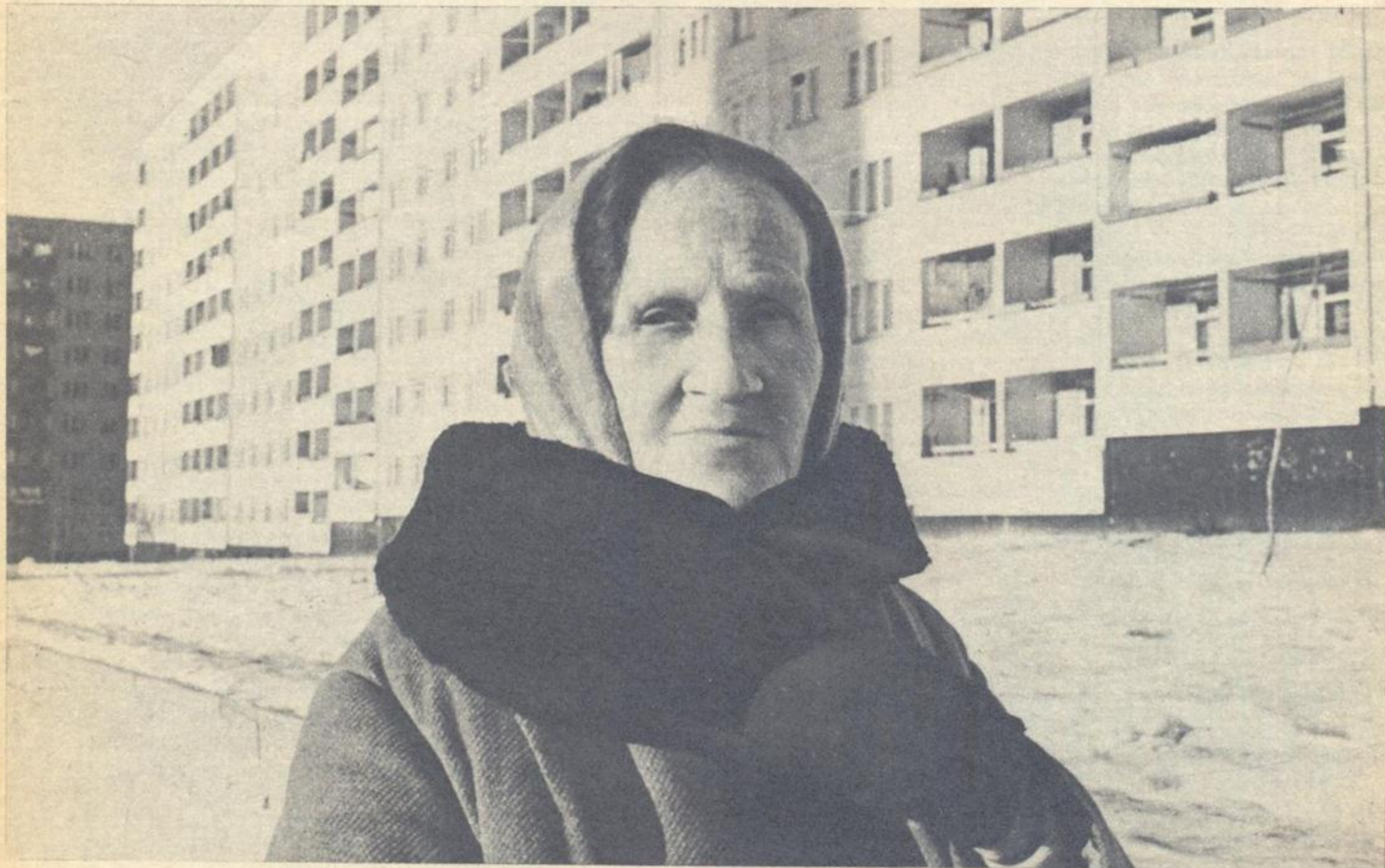
И только однажды я от нее услышала:

— Сегодня мы никуда спешить не будем. Вы ведь на Епифанскую хотели? Вот и прекрасно. Вот и поедем.

Да, я очень хочу побывать на Епифанской улице, но командует она и везет меня таким круглым путем, каким никто никогда и не поедет туда с площади Восстания. Через весь Красноармейский проспект. Недавно совсем возвели эту улицу в ранг проспекта, когда убрали трамвайные пути, выстроили новые дома, снеся все «развалюхи»... Мимо знаменитого Оружейного завода, с памятником Петру Первому, основателю, у проходной... По Октябрьской. Это уже в Заречье, за рекой Упой. Звалась когда-то эта улица Миллионной. Купцы здесь жили. Один особняк роскошнее другого. Поистине парад толстосумов. А в стороне—Дульная, Ствольная, Штыковая, Пороховая—улицы рабочих Оружейного завода, патронного. Но Октябрьская только разбег начинается с бывших особняков, а потом тянутся и тянутся многоэтажные новенькие дома. Сколько в Туле новых и обновленных улиц: Кутузова, Metallургов, Мичурина...

Улицу Кирова снимать бы сейчас для музея! Ловить момент! Одна сторона—девятиэтажная, другая—ей по щиколотку. Граница двух веков.

Здесь-то и лежит ее Епифанская, ее родная улица...

Екатерина Михайловна Дагаева.

МИГ, ДЕНЬ, ЖИЗНЬ

Снег идет тяжелый, липкий. Но даже сквозь слой снега чувствуешь под ногами старую мостовую, округлость камней. Екатерина Михайловна останавливается у домика в три окошка, выкрашенного коричневой масляной краской. И двустворчатые ворота коричневые. И калитка со щеколдой. Дерни за веревочку...

— Вот тут мы, Дагаевы, и жили. Тут я и родилась. И вот моя липа.—Она сняла старенькую варежку, прижала ладонь к стволу, словно неудобно ей было здороваться в варежке, и темные, набухшие жилки на ее руке, казалось, повторяли рисунок узловатых ветвей старого дерева.

...Катя часто просыпалась с заводским гудком, который будил все Чулково—так тогда называлось это место. Чулковская слобода. Отец собирался на завод. Мама завязывала ему в узелок хлеб, соленые огурцы, и он шел в свою штыковую мастерскую. Михаил Дагаев был оружейником, как и отец его, как дед.

С самого утра Катя бежала к бабушке, через дорогу. Бабушка брала на дом работу у кустарей: выпиливала лобзиком узорчатые сетки к гармошкам, чистила самовары—наждаком, песком, толченым мелом. Крышки, конфорки, краны... Катя ей помогала и потом долго отмывала руки, собираясь к дочери дьячка. У нее Катя училась грамоте. С пяти лет уже читала... Потом отдали ее в школу.

И сейчас стоит на углу Епифанской и бывшей Донской деревянный, в два этажа домик. Здесь-то и было 3-е Тульское начальное училище. Я видела похвальный лист, который получила Катя при его окончании. В нарядных медальонах—сцены Отечественной войны 1812 года—Россия как раз отмечала ее столетие,—наверху портреты героев...

В этот же дом по воскресеньям шли рабочие, и странно выглядели в их руках тетради и книги. В воскресной школе преподавали молоденькие учительницы. Однажды Катя увидела на углу Донской черную полицейскую карету. В нее посадили одну из учительниц, и лошади быстро зацокали по булыжнику. И еще раз так было и еще... Шла на Епифанской не всем видимая, тайная жизнь. И братья мамы, Михаил, Дмитрий и Иван Уваровы, прятали нередко у Дагаевых брошюры, листовки.

Катя пока еще и понятия не имела о смысле этой тайной жизни. Пока она училась шитью и вышиванию в профессиональном училище для девочек. Отличницы освобождались от платы за обучение, вот она и старалась. Но больше всего нажимала на общеобразовательные предметы: мечта у нее была одна...

Когда доводилось пробегать по центру города, по Посольской или

Киевской, она с завистью поглядывала на девочек в гимназических платьях. Вот если она сдаст экстерном за пять классов... Но все равно, разве сможет ее семья три года платить по 90 рублей за обучение? Тут еще такое горе: умер отец. А детей—пятеро!

Маме удалось устроиться на Оружейный, туда же приняли и Катю. Они шили дома пулеметные ленты. С утра до ночи. И Катя подсчитывала, сидя за машинкой: 90 рублей—сколько же это километров лент? Но неожиданно радостные новости: в некоторых гимназиях по требованию социал-демократов открываются дополнительные классы для детей рабочих, часть платы берет на себя страховое общество—этого добились проникшие туда большевики.

В классах основных и дополнительных частной гимназии Жесмин учили учениц одним и тем же предметам одни и те же преподаватели. Социальное равенство. Но в основных ели на завтрак булки с маслом, в дополнительных—родительский комитет раздавал по кусочку черного хлеба с заветренной селедочной икрой... И дома было совсем голодно. Война шла. Первая империалистическая. На уроках труда шили девочки повязки для госпиталей, резали марлю на бинты... Тогда у Кати был ясный план на всю дальнейшую жизнь. Видела она себя сельской учительницей.

Старые фотографии. Один миг жизни ловил объектив, но он теперь всегда, когда захочешь, возникнет перед тобой, сохранив аромат времени, заставит вспомнить, что было перед ним и после. У каждой фотографии есть свое предисловие и свое послесловие. Вернемся к снимку, где Екатерина Михайловна с бантиком. Всего четыре года прошло после гимназии, но столько событий...

— Вот, смотрите, Сергей Сергеевич Колесников! Тульский большевик, с 1902 года в партии.

С Колесниковым Катя встретила вскоре после Октябрьской революции. Он сказал ей тогда: до зарезу нужны грамотные люди. И началась ее работа. На много лет. Без отпусков и выходных. Была секретарем-машинисткой в губкоме партии, потом перевели ее в губернский совнархоз. Но секретарство было только частью ее дел. Она то помогает организовывать митинг, то ходит по кабинетам земской управы: «Земство ликвидировано. Я пришла записать тех, кто хочет работать с нами, с Советской властью!» Рекомендацию в партию ей дал Колесников...

Екатерина Дагаева (1921 г.).

В сентябре восемнадцатого года молодых коммунистов собрал председатель губкома партии и губисполкома Григорий Каминский. Грише было в ту пору 23 года. Он говорил как старший товарищ: «Мы должны завоевывать молодежь. Вам задание: организовать союзы рабочей молодежи во всех районах Тулы...»

Вскоре стала Катя Дагаева трижды секретарем—и в СНХ, и в районном комитете комсомола, в своем родном Чулково, и в общегородском. На I губернском съезде комсомола Катю, единственную из девушек, избрали членом губкома.

Ее голос звенел на многих митингах. А митинги—почти каждый день. Она, как все комсомолы, работала на разгрузке дров, встречала поезда с ранеными на вокзале, училась на курсах красных сеестер—Деникин ведь был на подступах к Туле!—осваивала в чоноском отряде винтовку и пулемет.

Шел октябрь 1919-го. В кармане у нее солидный мандат: оказывать данному товарищу содействие в передвижении. И она едет. Прижалась к Ане Родионовой, уткнула нос в шаль Клавдии Никитичны Бондариковой, но все равно кажется: вот-вот совсем застеленеешь. Уже много часов подряд трясутся они на открытой площадке товарного вагона. Губком командировал их на Всероссийское совещание губернских организаторов работы среди женщин.

К Москве подъехали рано утром, еще тьма на улицах. Куда деться? «А ну пошли к Александре Михайловне!»—скомандовала бойкая Аня. Она знает Москву, работала здесь на кондитерской фабрике. Это Александра Михайловна Коллонтай рекомендовала ее в Тулу заведовать губженотделом.

И отправились они пешком с Курского в гостиницу «Националь» Александра Михайловна тотчас же на стук распахнула дверь: «Тулячки! А вид какой! Быстро умываться, греться!»

На столе, заваленном бумагами, горела лампа. Видно, Коллонтай работала и совсем не ложилась. Она освободила край стола, поставила хлеб, сыр. Налила всем чаю.

Аня спросила, будет ли Ленин на совещании, ведь они привезли ему письма и резолюции рабочих собраний с тульских заводов. Целый сверток. Письма полуграмотные, на серой бумаге со следами машинного масла, но каждое слово—клятва: «Будем ковать оружие день и ночь!», «Ни за что не пустим Деникина в Тулу!», «Не отдадим белогвардейцам арсенал республики!».

Владимир Ильич прийти на совещание не смог, и письма передали ему через Надежду Константиновну.

Но познакомилась все-таки Катя с Лениным! Случайно, в кремлевской столовой, где кормили супом и чем-то еще, погуще супа, на второе...

Вдруг тулячек окликнула Надежда Константиновна, сидевшая за столиком неподалеку. Подошли. А она: «Знакомьтесь: Владимир Ильич».

Ленин встал из-за стола. Всем троим пожал руку— сначала пожилой работнице Бондариковой, потом Ане, потом ей, Кате... Владимир Ильич благодарил за письма, он уже их прочел. Стал спрашивать, что в Туле, как живут туляки.

Клавдия Никитична рассказывала, как героически трудятся сейчас рабочие и работницы, как защищают город. Заверила, что оружия туляки дадут, сколько нужно, и тихо добавила: «А живем мы, Владимир Ильич, тяжко. Голод замучил. Детей больше всего жалко...»

Вскоре прибыли в Тулу два вагона с мукой, крупой, сахаром, маслом с предписанием: раздать на питательных пунктах детям.

— Здесь я с ребятами из Детпролеткульта. Не найдете, наверное.— Всмотриваюсь в снимок. Все детские, детские лица, ни одного взрослого.— Приняли, небось, меня за мальчишку, юбки-то не видно, а голова стриженная. Это почти сразу после фронта. Сыпняк не дал довоевать, но Деникина уже погнало. Вернулась домой. Отвалилась— и за работу. Стала председателем Центрального райкома комсомола. Вот тут мы, женотделки. Посмотрите, как одеты. Скромненько, но аккуратно.

В двадцать один год назначили Катю заведующей губженотделом.

— Работы было столько, случалось, по несколько суток не выбиралась домой. Прикорнешь часок на столе— и снова за дела. Мама утром забежит. Живы? Живы! Поставит котелок с картошкой на стол— завтрак и обед для всего отдела.

Набивалась полная комната посетительниц: одну на работу не берут, другой платят меньше, чем мужчинам... Здесь же на столах отмеряли куски материи женделегаткам, чтоб шили они распашонки, платица для яслей. Да, уже открыли первые ясли на патронном заводе. Событие! Налаживалась понемногу жизнь. Но какие душераздирающие вести приходили из Поволжья!

Женотдел со своей армией делегатов включился в сбор средств для голодающих. Прямо на собраниях кто-нибудь шел с шапкой по рядам, и опускались в нее золотые или серебряные кольца, брошки, портсигары... Готовился к отъезду в Самарскую губернию тульский питательный отряд, и делегатки ходили по домам, собирали продукты: крупу, сухари, постельное белье, ведра, кастрюли... Все отдавала рабочая Тула.

Бойцы питательного отряда. Бойцы! А как их еще назовешь? В Самаре на улицах трупы. В деревне войдешь в дом— распухшие, синие дети, молодые люди, не поднимающиеся с постелей... Ложка бульона, ложка жидкой кашицы. Пока не больше, как бы ни умоляли голодные глаза.

В питательном отряде— врач, опытные медсестры... Люди, которых они выхаживали, начали подниматься, некоторые уже вышли работать в поле. Туляки остались в Поволжье на все лето, помогали убирать урожай...

Перед отъездом отряд решил сфотографироваться на память. Сколько вместе пережили, сколько сделали, так стали друг другу дороги! Держу в руках этот снимок. И нахожу комиссара отряда Екатерину Дагаеву.

Екатерина Михайловна задумалась, рассматривая вместе со мной памятный снимок.

Тульский отряд по борьбе с голодом в Поволжье. Комиссар отряда Е. Дагаева на снимке в центре, одета в темное. Ее младший брат Миша— на переднем плане (1921 г.).

— Что? Вы спросили, чей это мальчик с нами? Да мой младший братишка Миша. Когда уезжала, он заявил: «Не возьмешь меня бороться с голодом, по шпалам пойду!» Сейчас я вам всех своих покажу. Лиза... Сестренка. В семнадцать лет воевала с Деникиным. Мы встретились с ней на фронте. Потом она на рабфаке училась. Энергетический институт кончила. И Коля, старший из братьев, по тому же пути шел: Оружейный завод, раофак, институт.

Рабфак, институт... Вехи роста народа в судьбе одной рабочей семьи.

— И вот мой брат Сережа. Под Ленинградом погиб. Внуков своих не увидел. Я с ними живу.

...Ослепительно солнечный день. Лето. Парк. Черноголовая хорошенькая девочка в белом платьице грациозно, как бабочка, присела на дорожке. Надиночка. Дочка. А вот другой миг того же южного дня: на скамейке мама Екатерины Михайловны, сама она с Надиной на коленях. Улыбается, но какая-то очень осунувшаяся, как после тяжелой болезни.

— Когда это было? Через полгода после гибели Муссы...

С Муссой Кундуховым она познакомилась в Дагестане. Дагаева приехала туда, когда партия призвала коммунистов помочь национальным окраинам. И попала снова на «женский фронт», только куда более трудный, чем в родной Туле. Женщина-горянка не просто темна и неграмотна, она домашняя пленница, вся во власти диких обычаев, попирающих ее достоинство. И не подступиться к ней. Да еще языка не знаешь и не выучишь: языков и наречий, на которых говорит Дагестан, не счесть.

Когда-то Катя Дагаева была уверена: революционеру не до любви, он должен полностью отдаться делу. И вдруг открыла: это двойное счастье, когда в очень сложный момент жизни приходит любовь. Мусса, бывший командир партизанского отряда, отличался невероятным бесстрашием. И в тот роковой для него день он, партийный работник, сам вызвался поехать в дальний район, где шла сдача хлеба государству и где, по слухам, объявились бандиты...

Живет в Дагестане светлая память о Муссе Кундухове, помнят здесь и Екатерину Дагаеву.

...Потеряла она и дочь. Умерла Надина сразу после войны от тяжелой формы туберкулеза. А ведь в сорок первом ее девочка, студентка-отличница авиационного института, так просила направить ее на фронт. Врачи не пустили...

Екатерина Михайловна спрятала дочкины фотографии в конверт. Отвернулась и начала что-то поспешно искать в своем архиве. И не поднимая головы:

— Если вам еще интересно, то вот снова я. Когда училась в Институте красной профессуры. Куда же запропастились таджикские снимки? Я ведь потом в Таджикистане работала, преподавала в коммунистическом университете...

Выстроились в ряд почетные граждане Тулы. Торжественные ленты через плечо. Ордена.

— Взгляните-ка только, какие седовласые мужчины-богатые! Все бывшие директора заводов— «Красного Октября», Оружейного... И среди них я. Воробышек. Под лентой не видно.

На комсомольском празднике «50 лет с именем Ленина» шагает Екатерина Михайловна по стадиону рядом с Валей Савиной, велосипедисткой, трехкратной чемпионкой мира. Этот снимок ей нравится, как и многие другие, где она с молодежью. Она ведь и в горсовете входит в депутатскую комиссию по работе с молодежью. Часто выступает перед молодыми на заводах, в институтах, школах, рассказывая о друзьях своей юности.

И с избирателями встречается нередко. Как депутат горсовета нескольких созывов, не раз перед ними отчитывалась. И хоть все они живут, естественно, в Туле и знают, как рос город за последние годы, как молодец, приятно оглянуться вместе с ними на только что сделанный шаг: в житейской суете не все сразу оценишь. Вот и ведет она с земляками неторопливый разговор. Как вам работаете? Лучше, легче, быстрее? Ощутили, что такое техническое перевооружение? А, знаете, ведь почти полторы сотни цехов и участков полностью механизированы за прошедшую пятилетку. Туляки начали выпускать 248 новых видов машин, приборов... Немало. А?

Кто из вас переехал в новые квартиры? Поздравляю! За последний год девятой пятилетки город получил 249 тысяч квадратных метров жилья. Темпы строительства растут. В плане восьмидесятого года— уже другая цифра: свыше 300 тысяч...

А кому довелось повести ребенка в новый детский комбинат? Понравился? Больше десятка таких комбинатов построено за пятилетку. Точнее? Четырнадцать! Шесть школ открыли— в них учится семь с лишним тысяч детей, прекрасную областную больницу, несколько поликлиник, плавательный бассейн. Концертный зал филармонии. Дом быта. Важные жизненные вопросы мы решаем уже далеко не так, чтобы одно развивать, с другим подождать, а комплексно, всеохватно. Вот чего мы достигли!

И еще непременно напомним депутат своим избирателям, что все достижения— это труд тысяч и тысяч людей, болеющих за дело. Не новая, может, мысль... Но вся наша история, наша революция, наши победы— это не щадившие себя люди. И среди них— она, Дагаева Екатерина Михайловна.

На заводе железобетонных изделий самым популярным человеком стала библиотекарь Зина Конкина. «Зинину историю» знали все, хотя в ней нет ничего необыкновенного. Вполне житейская история. Попробую изложить ее, ничего не прибавляя и не приукрашивая.

Зина точно не помнит, откуда и как появился Сашка — ее однофамилец — в детдоме. Впервые заметила она его у «гигантских шагов», стоявших во дворе детского дома. Она только было попыталась раскататься, как рядом возник Сашка и, не говоря ни слова, начал сам катать ее. На двадцатый день после этого катания Сашу с группой старших ребят отправили учиться в какое-то ПТУ, то ли на арматурщика, то ли на бетонщика.

Это был ершистый, весь какой-то взбудораженный паренек, на год или на два старше ее. Скуластенький. Белесый. С густым, вечно всклокоченным чубом. Глаза серые и быстрые, как у зайчонка.

Уже с рюкзачком за плечами, напоминая маленького солдатика, он вдруг подошел к Зине и с хрипотцой, по-взрослому серьезно сказал:

— Если б знать, что не сеструха, может, когда-нибудь и поженились бы, а?

— Дурак ты, — очень тихо ответила Зина.

— Чего ты? — удивился Сашка. — Я ж говорю «когда-нибудь».

А через год-полтора и сама Зина училась уже в профессионально-техническом. Закончив училище, она стала работать плетельщицей на текстильно-галантерейной фабрике. Выпускали они разные шнурки, тесьму, декоративную резинку.

...Хорошо, просто и ясно жила в это время Зиночка Конкина. Недавняя тихоня и «мокроглазая бука», как ее дразнили в детдоме, стала вполне компанейской девчонкой.

Все она успевала: и работать на пятнадцати станках, и в вечернюю школу ходить, и книжки читать.

Рисунок О. ВУКОЛОВА

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Энергия, что называется, была через край. Временами было немного не по себе от избытка этой энергии; она даже ходить не могла нормальным шагом. Как увидит, что на улице никого нет,—мчится бегом.

Фабрика их находилась на отлете, почти за городом. А общежитие — в центре. «Нормальные» люди, конечно, на автобусах ездили. А она — подумаешь, шесть километров! — пешком. Мороз январский давит вовсю. Колочий ветер сметает жиденький снежок в кюветы. А девчата с текстильной в капроне домой бегут. Добегали до общежития, вихрем влетали на третий этаж в свою четырехкочную келью. Ага, тепленько! Отогрели руки у батарей, перекусили наскоро, и каждая за свое дело принялась.

Люба с Машей, похожие друг на дружку, как близнята, хотя одной шестнадцать, а другой уже восемнадцать — крепенькие, курносенькие, краснощекие, — помчались на подготовительные курсы в техникум.

Света, она уже учится в том же техникуме, ей почти девятнадцать, снимает со стены гитару и начинает тихо что-то мурлыкать. Светлана — красавица. Продолговатое белокожее лицо под темно-каштановой челкой. Тонкий, капризно вздернутый носик, полные, четко очерченные губы, зеленоватые, удлинненные глаза. Весьма запоминающаяся личность эта плетельщица Света. И если бы она была хоть чуть помягче, отбою бы от парней не было. И комната № 44 не знала бы в этом смысле конкурентов. Но Света не из тех. Она, как говорят в таких случаях, знает себе цену.

— Зинуль, ты его видела? — спросила Света, отложив гитару. — Видела?

Зина собиралась в школу и очень спешила дописать домашнее сочинение, но, сразу сообщив, о ком говорит Света, ответила:

— Видела.

— Ну и как? Смотрится? Честно скажи, красивый? А как поет!

Зина хотела ответить, что мне, мол, такие не нравятся, но, понимая, что Свету интересует не ее личное отношение к новому поклоннику, а объективная оценка его внешности, сказала:

— Красивый. Конечно, красивый.

Светлана засмеялась, вскочила с койки и бросилась к зеркалу, приговаривая:

— Идиотка! Ну, скажи, Зинуля, разве я не идиотка? — обрушилась она на себя с веселой бранью. — Через час у меня в гостях будет такой парень, а я растрепа растрепой!

И пока Зина дописывала последние абзацы сочинения, Светлана преобразилась в настоящую красавицу.

Забыв о своих книжках-тетрадках, как завороченная глядела на нее Зина Конкина.

— Светка! — воскликнула она. — Ну зачем ты поступила в этот текстильный техникум? Ты же художница! Тебе бы примером быть. Есть, наверное, такие заведения, где этому учат.

— Не знаю, не знаю, — немного польщенная, посмеиваясь, отозвалась Света. — Заведения вообще-то всякие есть. А жизнь, Зинуля, одна. Откуда я знаю: захочется ли мне раскрашивать что-нибудь другое, кроме своих губ и своих ресниц?..

II

Закончив десять классов в школе рабочей молодежи, Зина тем же летом поступила в библиотечный техникум. Это была ее давняя мечта: еще в детском доме она «бредила» книжками.

К этому времени Зина Конкина стала вполне интересной девушкой. Круглолицая, темноглазая, с пушистыми бровями, невысокая, чуть коренастая, она, конечно, не была красавицей. Но столько в ней было женственности, мягкой теплоты, что парни действительно стали проявлять особый интерес к комнате № 44,

хотя в ней и прежде жила красавица Света...

Отмечали Зинино поступление в библиотечный техникум в конце июля. Купили торт. Посторонних приглашать не стали. Сидели за столом своей четверкой.

— Ну, девы, — сказала Света, — теперь мы с вами все ученые, все грамотные, — и, помолчав, добавила, грустно усмехнувшись: — А вот беременная я, девы, одна.

Ошарашив подруг своей новостью, Света коротко всплакнула. Однако принимать соболезнования категорически отказалась.

— Прекратите! — быстро высушив платочком глаза, решительно сказала она. — Сама разберусь, как быть... Я еще спущу шкуру с этого новоявленного Карузо. Не на такую нарвался!

Что не на такую — это верно. Света устроила своему красавцу несколько скандалов. Даже жаловалась на него в местком. Но тот, окончательно убедившись в том, что «Светка с тюлькиной» (так называли местные жители текстильно-галантерейную фабрику) решила осчастливить его потомством, скрылся в неизвестном направлении.

А жизнь между тем шла своим чередом. Вскоре после октябрьских праздников в комнате № 44 появился новый жилец: красавец и богатырь четырех с половиной килограммов чистого веса.

Когда Света, похудевшая и побледневшая, вернувшись из больницы, стала перепеленывать малыша, жительницы сорок четвертой комнаты, хоть и ходили ее встречать, притихли, с боязливым любопытством поглядывая на нового человечка.

— Да-а... — покачала головой Света. — Между нами говоря, я до последнего дня, дура, надеялась... Черта с два, рванул, аж пыль столбом! Да ладно, — тут же махнула она рукой, — какой из него муж — балалаечник! Верно, девы?

И «девы», великодушно поддакнув, что, мол, все верно, дружно принялись переборов смущение, ухаживать за новым жителем своей комнаты.

Надо сказать, что биография маленького Саши с первых дней стала складываться не наилучшим образом. Как уже говорилось, исчез его родитель. Сама мама Света не на шутку переволновалась и начисто потеряла молоко. Пришлось Сане привыкать к магазинным харчам. К счастью, характер у парня выдался на редкость покладистым! Ел, что дадут, кричал голосом не противным и в меру.

Может, поэтому комната № 44 вскоре настолько к нему привыкла, что установила поочередное «дежурство по Сашке», в котором мама Света принимала участие на общих основаниях.

Зине Конкиной такие дежурства нравились, пожалуй, больше, чем другим. Саня «доставался» ей чаще всего в субботу и воскресенье.

Люба с Машей уезжали на эти дни в деревню к родителям, а маму Свету начинала с утра грызть тоска. К обеду она уже просто не находила себе места, надоедая Зине своими наставлениями.

— Этому Женьке длинному, — поучала ее Света, — который с тобой якобы лишь беседы душевные ведет, не верь. Никаких авансов, понятно? Женись, мол, и все!

— Ясно-ясно, — успокаивающе кивала Зина, хотя вовсе не собиралась «жениться» на Женьке. — А ты иди-ка, голубка, проветришься. Я подежурю.

От подобных предложений Света никогда не отказывалась.

Оставшись с Саней, Зина спокойно раскладывала на столе свои тетрадки и начинала заниматься.

В комнате тихо. Над кроватью Светы, рядом с гитарой на алом банте, портрет моряка: первая любовь. Фото и надпись золотой краской: «Светлячку от Гарри Фу. Смотри и помни!»

Светлана помнила. И сразу, как только сбежал певец, достала фото моряка торгового флота Гены Фурцева и повесила на освободившееся место.

Когда в деревянной, купленной в складчину кроватке начинал ворочаться Саша, Зина стремительно, будто всю жизнь только этим и занималась, меняла ему пеленки. И парнишка сразу затихал.

III

Перед Новым годом Светлана получила телеграмму: «Прибыл две недели Новороссийск континент ехать нельзя жду целую Гарри Фу».

— Девы... девочки! — взмолилась Света. — Это Генка... Отпустите, ради бога! Может, я как-нибудь его уговорю...

— Езжай, — кивнула Зина.

— Только честно объясни свою ошибку, — дружно посоветовали на прощание Люба и Маша. — Если любит, простит!

Неделя пролетела незаметно. Вторая и третья тожс. Никаких сигналов от Светы не было: видно, переговоры оказались не из легких. Впрочем, прямых доказательств этому не было, были лишь косвенные. Например, когда Люба и Маша оформляли необходимые для поездки на экзаменационную сессию документы, они неожиданно узнали, что Света, уезжая, рассчиталась.

— Как, совсем рассчиталась?! — опешили девушки.

— Сказала: «На всякий случай», — объяснили им. — Если, мол, вернусь, возьмете, никуда не денетесь. А если не вернусь — прощайте!

Не на шутку встревоженные этой вестью, девушки бросились к Зине.

— Светка рассчиталась! — с испугом закричали они с порога.

— Ну и что? — сразу уловив суть, резко прервала их Зина, купавшая перед сменой Саню. — Чего орете?

— Так рассчиталась ведь... — растерялись Люба с Машей. — Ты разве знала об этом?

— Конечно, — соврала Зина. — Чего ж тут особенного? Рассчиталась, чтобы потом меньше возиться с бумажками.

— А как же... мальчик?

— Эх, вы! — уже не скрывая непрошеного раздражения, сказала Зина. — Значит, считаете, что мать может взять и бросить своего ребенка?! Эх, вы-и!

— Но мы просто не видим выхода из положения: тебе же тоже на экзамены вызов пришел.

— Не видите, и не надо, — отпарировала Зина. — А я дитя не брошу.

...На другой день, собрав свои вещи в маленький чемоданчик, Зина стала заворачивать в одеяло хохочущего Саню, поджидая того самого Женю, о котором говорила Светлана.

Женя Сорокин был помощником мастера на фабрике. Довольно высокий и смуглолицый, он считал себя в душе мужчиной на уровне самых требовательных стандартов. Но, будучи человеком умным и осторожным, глубоко скрывал это. К тому же, устав от легких побед и готовясь к серьезной инженерно-хозяйственной карьере, решил начать семейную жизнь.

С его точки зрения, Зина Конкина была именно тем, что требовалось ему на данном этапе: скромная, тихая, безответная (так почему-то считал Женя). Единственно, что раздражало его в последние недели, — это странная Зина возня с чужим ребенком.

— Слушай, — стараясь не терять чувства юмора, но все-таки довольно сердито спросил помастера, зайдя, как и обещал, за Зиной, — ты действительно едешь на сессию с ребенком? На полном серьезе?

— Не на полном. Просто еду, и все, — ответила Зина, глянув в холодные глаза парня и не

(Окончание на стр. 18.)

ЗОЛОТО

И. КОШЕЛЕВА

Книга профессора доктора геолого-минералогических наук Нины Васильевны Петровской появилась в 1973 году. А в 1976 году автору «Самородного золота» была присуждена Государственная премия СССР. Три года — тот самый срок, который показал: книга — большое событие в геологии.

По сей день идут отклики на монографию со всех концов страны. Геологи пишут и лично Нине Васильевне и в Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии АН СССР, где работает Петровская, и в издательство «Наука».

«Помогите достать книгу, нужна для работы, а она мгновенно стала библиографической редкостью» — таких просьб немало. «По монографии можно обучать будущих специалистов», — считает заведующий кафедрой минералогии и петрографии Свердловского университета профессор Г. Н. Вертушков. А вот, пожалуй, самые веские оценки — оценки людей, разведывающих и добывающих золото: письма из геологических экспедиций, партий, управлений. «Проведенное автором исследование... позволяет в практических условиях использовать разработанные типоморфные признаки золота как критерии для оценки и поисков месторождений золота», — пишут начальник Приморского территориального геологического управления Н. И. Лаврик и главный геолог В. П. Василенко.

...Лаборатории, оборудованные новейшей техникой, в институте соседствовали с тесными комнатами отделов. Уголок между двумя книжными шкафами, цветы... Как многие люди «бездомных» профессий, Нина Васильевна ценит уют и даже эту выгородку, именуемую рабочим местом, обживает радостно и старательно.

— Что вас интересует? Что я могу рассказать? О своей работе? О себе?

Петровская хочет помочь мне и, найдя самый короткий путь, протягивает мне свою книгу:

— Вот... Здесь все...

Что ж, это, наверное, действительно «все». Хорошая книга всегда вбирает в себя всю жизнь создавшего ее. И только рабочая, напряженная жизнь итожится настоящей книгой.

Вступление

Фотографии той юной поры сохранились маленькие и пожелтевшие.

— Не умела еще снимать, — объясняет мне Нина Васильевна.

Но если взглянуть, на крохотных кадрах увидишь нечто величественное. Тайгу непроходимую. Реку могучую, неукротенную...

— Лена...

У костра на высоком скалистом берегу примостились молодые смеющиеся люди.

— Друзья...

А это барак, который геологи ставили, в котором зимовали. Север Иркутской области, Мамский район, 1700 километров от железной дороги...

Да, вступление в юность, в работу, в науку, а значит, и в книгу, о которой идет речь, начиналось круто. После вуза сразу сюда, в необжитый край, да еще начальником экспедиции — под началом было 80 человек. Что заменило опыт, хватку? Желание сделать дело как надо. Специалистов стране не хватало, ответственность легла на нее большая.

Когда в экспедицию не привозили продукты, вчерашняя столичная девица садилась на лошадь сама и за десятки километров ехала за хлебом. Намечала, где рыть шурфы (колодцы, дающие представление о положении и мощности месторождения), требовала, чтобы работа делалась на совесть. Требовать, правда, было для нее, самой молодой в экспедиции, труднее всего. Выручала подчас красная женсоветовская косынка. Один раз косыночка даже спасла. В буквальном смысле. Когда ранней весной на Лене лодка перевернулась от столкновения с крупной льдиной и Нину Васильевну понесло по течению, друзья, кинувшиеся на помощь, догоняли красное, яркое пятнышко.

...Рудник был разбит удачно. Слюдяное месторождение несколько десятилетий давало стране продукцию. Но какое отношение этот период имеет к монографии, к «Самородному золоту»? Не совсем прямое, но имеет. Здесь Петровская впервые хлебнула черновой и тяжелой работы, без которой нет исследователя-геолога. После Мамы она пройдет весь Енисейский край, будут Забайкалье, Приморье, Казахстан, Средняя Азия, Урал, Кавказ. И это ее снимки золотых самородков из россыпей и рудников будут публиковать в своих книгах другие ученые. Дело не в том, что она научилась фотографировать, просто нечасто теоретик видит золото в том тайнике, в том гнезде, который дала минералу земля.

И еще. Уже в Мамском районе Петровская осмысливала все именно как ученый: классифицировала, сопоставляла, искала закономерности. Она написала работу о пегматитах — породах, в которых содержится слюда. Работу заметил академик Ферсман. И не просто заметил, а включил в качестве приложения в свой всемирно известный труд «Пегматиты».

Постановка проблемы

Золото... Минерал как минерал. Нина Васильевна поначалу именно так относилась к объекту своих будущих изысканий. Но вскоре золото захватило ее своими парадоксами.

САМОРОДНОЕ

Разве не удивительно, скажем, такое? Еще в каменном веке люди пытались украшать золотом каменные ножи. Прекрасно древнеегипетское золото, скульптуры, маски фараонов — мир любуется ими до сих пор. В древних индийских храмах на серых стенах золотые светящиеся полосы: прося что-то у Будды, индусы оставляли свою «роспись», пользуясь мягкими золотыми самородками, как грифелями. Однако эстетические свойства золота затмеваются новым качеством, обретенным в товарно-денежных отношениях. Всемирный эквивалент... На золото можно купить все... Оно символ могущества... Золотая лихорадка трясла Аляску, проникла в Сибирь. Люди гибли за металл. А между тем... Между тем о золоте было известно меньше, чем о многих других минералах. «Солнечный» металл (языковеды предполагают, что «солнце» и «золото» — слова одного корня), как природное вещество, не вызвал и миллионной доли страстей, которые пали на его денежную функцию. Позже Петровская открывает свою книгу цитатой академика Вернадского: «...в спешной погоне за золотом человек мало тратил времени и средств на познание его свойств...»

Кто-то из геологов сказал, что золото — металл «всюдный». Действительно, 79-й элемент таблицы Менделеева есть в крови человека и животных, в растениях, в морской воде. Но добыть его трудно. Потому что в природе его мало, в тысячи раз меньше, чем меди, цинка, свинца. Люди пробовали выделять золото из морской воды. Получалось. Только добытое таким путем золото было дороже... самого себя.

А как выделяется самородное золото в природе? У многих других минералов легко улавливается единообразие в форме, отсюда шаг — и поймешь, в каких условиях они образуются. У золота все не так. Выделения его разнообразны по величине — от частиц в доли микрона до самородков в десятки килограммов. Двух одинаковых не найдешь. И даже типы не сразу перечислишь — октаэдр, проволочный, дендрит, а некоторые природные «слитки» золота ни на что не похожи, и им дают индивидуальные названия, прямо-таки имена: «Заячьи уши», «Кальцитовый» и т. д. Золото находят и на поверхности земли и на глубине до трех километров... Противоречивое, капризное, непонятное, загадок оно задает немало. А тут уникальная общественная функция золота, затенившая эти загадки для ученых, словно приучившая и их к мысли: на то ведь драгоценный металл, чтобы его искать, искать и искать, полагаясь на случай. Тяжелое, химически неактивное, вроде бы вечное золото. Таким, мол, его и создала природа, что именно оно стало у человечества мерилем ценности. У других минералов есть геохимическая история преобразований, этот казался неизменным от века, от того момента, как выделился из горячих водных растворов и магмы в земной коре.

Нет, так не могло быть. Все развитие науки доказывало: природа не оставляет в неподвижности даже малых своих островков. Вся история поисков полезных ископаемых говорила: искать надо со знанием закономерностей. Особенно в таких случаях, как этот. Ведь все золото, что «блестело», что было легко достижимо, уже взято человеком. Если до 1500 года было добыто около 31 тысячи тонн металла, то за последующие 460 лет — в два раза больше. НТР дала взрыв золотодобычи. Некоторые зарубежные ученые предсказывают истощение его запасов в мире к двухтысячному году.

Сегодня золото можно добыть, лишь зная его природу. К этой мысли приближала каждая новая экспедиция. На снимках той поры Нина Васильевна чаще всего в шахтерской робе. Не боясь мокрых подъемов и спусков с горизонта на горизонт, исследовала рудные тела, золотоносные породы. Изучала золото из россыпей. Мельчайшие частицы и крупные самородки.

Кстати, о самородках. Не так часто они попадали в руки ученым. Золотоискатели спешили переплавить находку в слитки, удобные для хранения. Так навсегда погиб для науки даже такой уникальный самородок, как «Плита Холтермана». Правда, владелец участка в Австралии Холтерман сфотографировался рядом с глыбой высотой почти в полтора метра... для рекламы какого-то лекарства. Другие золотопромышленники не делали и этого.

Наше государство хранит все интересные самородки, и сейчас Нина Васильевна их изучает. Но и в начале своей научной работы она могла, как говорится, держать золото в руках. И золото само рассказывало ей о себе, давало ту информацию, которую Петровская называет «генетической памятью», — информацию о происхождении, развитии, изменчивости. Да, да, изменчивости. Потому что золото не было неизменным — оно жило своей сложной геохимической жизнью.

Вместе с коллегой Александром Иосифовичем Фасталовичем они изучали формы мелких частиц и самородков золота, на поверхности которых были отпечатки кристаллов кварца и других минералов. Породы разрушились, выветрились. И вот золотые частицы, вымытые на берег сильной рекой, найденные на поверхности, несут на своих боках следы прошлого. Путешественники...

В другой раз под микроскопом на срезе частицы золота они увидели остов первичного образования — древовидного по форме зародыша кристалла. Со временем на старом золотеросло новое, просветы между веточками заполнились.

Еще до войны была сформулирована проблема — доказать изменчивую природу самородного золота, изучить ее. Война отняла Алексан-

дра Иосифовича Фасталовича — единомышленника, друга, мужа. Проблема осталась...

Главы и годы

И пошли годы. Жизнь в седле, в маршрутах, в командировках. Вот и прошедшее лето провела не дома — на Урале. Профессиональные дела не раз звали ее и за пределы Родины — в Чехословакию, Болгарию, Румынию, Китай, Индию.

Да и когда Петровская на месте, в институте, дни ее ломятся от забот. Нина Васильевна — заместитель заведующего отделом минералогии, у нее масса учеников, многие из них уже защитили кандидатские и докторские диссертации. Она член трех ученых советов: в ее опыте нуждаются. Редактирует серию сборников в издательстве «Недра». Прибавьте общественные обязанности: член партийного бюро, член одной из комиссий парткома.

Но ни на день не прекращалась и не прекращается ее исследовательская, творческая работа. Я пыталась найти в ее творческой жизни периоды. Ну, скажем, время рождения гипотез, сбора фактов, потом их осмысливания.

— Нет, гипотезы возникают и формируются, когда собираешь факты, — говорит Нина Васильевна.

Всегда, постоянно — поисковое напряжение, пронизывающее всю жизнь. И возникает «насыщенный раствор» идей, из него рождается отстоявшееся, весомое, точное, способное к дальнейшему неожиданным ростам. В чем-то книга похожа на кристалл, на самородок.

...Вот она, большая, прекрасно изданная, доступная и неспециалисту (еще раз убеждаюсь, когда есть что сказать, не изобретают терминов, обходятся теми, что легко найдешь в обычном словаре).

Если сказать о книге совсем коротко, то это будет так: все о самородном золоте. Энциклопедия удивительного минерала. И энциклопедия удивительная. Нет пассивно изложенных фактов (хотя и факты, собранные Петровской, бесценны для науки), принцип историзма делает книгу поистине «золотоносной».

«Общепринятых классификаций золоторудных месторождений нет» — это цитата из Большой Советской Энциклопедии издания 1949 года. Петровская в книге предлагает свою классификацию. В основе ее — различия в происхождении руд золота. Одни возникли в зоне господства режима серы, другие — кремнезема. И прямой выход в практику золотоискателям: по составу, форме, строению «золотин» и золотоносных минеральных агрегатов пород можно предугадать, где искать руды, чего ждать от того или иного месторождения.

Петровская в своем труде подробно рассматривает строение всех типов частиц самородного золота, и тоже это не простое описание, и сюда вносится диалектическая идея. Вот одно из исследований автора — о «возрасте» самородков. Микроскопия показала, что в металле постоянно происходит перекристаллизация, меняется внутреннее строение частиц. С годами (а вернее, с тысячелетиями) золото облагораживается, повышается его проба, и примеси серебра и меди вытесняются. Как правило, чистые самородки старые, они выходцы из глубинных руд. Кстати, Петровская убедительно доказывает узость взглядов — искать скопления металла лишь близ поверхности земли. Ориентация ученого: надо разрабатывать глубокие горизонты.

...Итак, все о золоте. Все — с объективностью и скрупулезностью ученого, отдавшего изучению металла десятилетия жизни. Все — с горячим пристрастием мыслителя, построившего свою концепцию природы минерала. Все — с заинтересованностью гражданина своей страны. Все — с нацеленностью геолога-практика.

Не познакомься я с Ниной Васильевной, каким человеком я представила бы автора книги?

Куда более суровым, чем есть она на самом деле. В суровые условия наука ставила ученого, и это угадывается за книжными строками. А Нина Васильевна — человек мягкий, негромкий. Мне кажется, и в трудные минуты не проявляется в ней неженская, напряженная сила. Оттого и в трудностях с ней спокойно и легко. Прекрасный вид мужественности, незаметной, но помогающей жить и делать дело.

Книга написана философом и романтиком. Монография уводит за рамки узкого исследования к грозной и бурной жизни нашей планеты. В жизни этот романтизм приглушен, укрощен, как укрощены камни, попавшие в квартиру Петровской со всех концов света. Распилены и отшлифованы кварцевые жеоды, легла на полированную поверхность полки гроздь кристаллов аметиста, уютным, глубоким внутренним светом светятся на столе лазуриты. Дальние путешествия втиснуты в небольшие аккуратные альбомы. Всему свое место. Скорее всего этот четкий порядок уже выработан — от экономии времени, от привычки к системе. В этом виден кропотливый, честный труженик. Таков автор книги, накопитель фактов, систематик, исследователь...

В представлении на Государственную премию ученый совет института дал книге такую аннотацию: «Подобных работ не было известно в СССР и за рубежом... Петровская — основоположник учения о типоморфизме золота, о природной изменчивости этого минерала».

Нина Васильевна Петровская.

Фото Н. МАТОРИНА.

ОЛИМПИЙСКИЕ СТАРТЫ МОСКОВСКИХ СТРОИТЕЛЕЙ

Для московских строителей Олимпиада-80 уже стартовала: в Лужниках и на Юго-Западе, в Измайлове и Крылатском, у станции метро «Каширская» и на проспекте Мира возводятся спортивные сооружения и гостиницы, предназначенные для участников и гостей Олимпийских игр.

Одна только Олимпийская деревня, что будет построена в Гагаринском районе столицы, займет площадь в 107 гектаров. Здесь вырастут восемнадцать 16-этажных домов, культурно-бытовой центр, зона спортивных сооружений с водоемом и тремя плавательными бассейнами. Около двенадцати тысяч спортсменов из ста стран мира будут жить и тренироваться в Олимпийской деревне. Авторский коллектив проекта во главе с лауреатом Ленинской премии, заслуженным архитектором РСФСР Е. Н. Стамо решил весь этот комплекс в едином архитектурном ключе, с учетом того, что после окончания Игр Олимпийская деревня станет одним из жилых микрорайонов столицы.

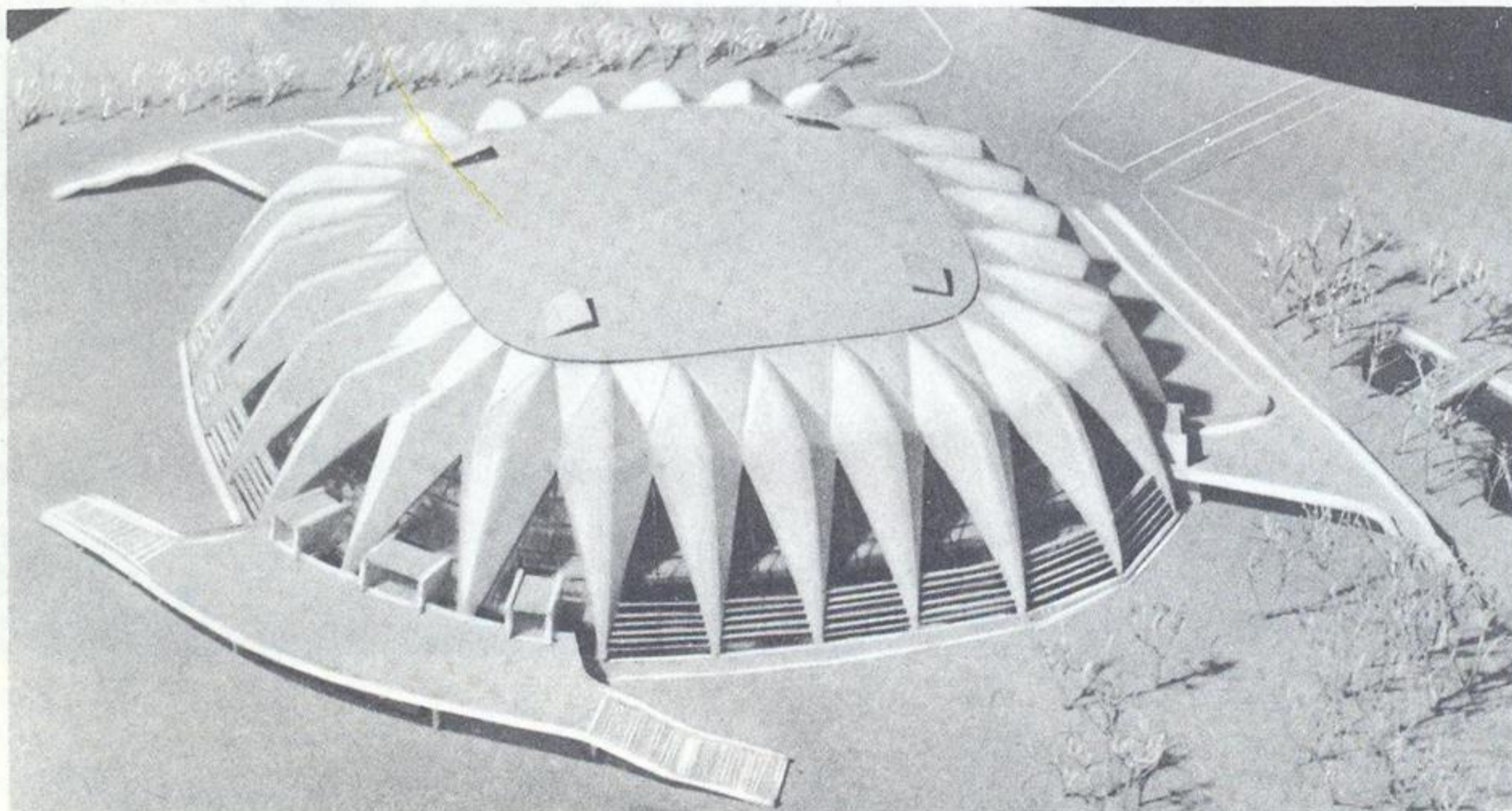
Очень интересен по архитектурной мысли и смелому инженерно-

му решению универсальный зал для ручных игр с выдвижными трибунами в Лужниках, который, как вы видите здесь на макете, напоминает цветок, перевернутый чашей вниз.

В сооружении олимпийских объектов участвуют тысячи московских строителей. Среди них комсомолка Татьяна Смирнова (ее вы видите на этой вкладке), прораб строительного управления № 202 треста Мосстрой № 31. Она возводит одну из пяти гостиниц, что поднимут свои тридцать два этажа на берегу живописного озера в лесопарковой зоне Измайлово. Это первая самостоятельная работа выпускницы Московского инженерно-строительного института. И, по отзывам руководителей треста и рабочих, она хорошо с ней справляется.

Олимпийские сооружения, несомненно, украсят столицу и в дальнейшем будут служить ее труженикам и гостям.

Б. МЕХАНОШИН
Фото Г. ЗАПЕКЛОГО.

В начале января 1943 года я на денек заехал к знакомому генералу В. В. Крюкову, командиру кавалерийского корпуса, входившего в состав войск Западного фронта.

В моем фронтовом блокноте сохранилась небольшая запись о встрече с двадцатилетним бойцом этого корпуса.

...Таких девушек я много раз видел на рисунках и фотографиях: человек-шарик, укутанный в огромный меховой полушубок, из-под которого торчат ватные шаровары. Ушанка лихо заломлена на затылок, по башлыку сбегает пряди светлых волос. На круглом лице чуть вздернутый носик, пухлые губы и задорные голубые глаза.

Здороваясь со мной, она сказала:

— Аня. Санинструктор пулеметного эскадрона одиннадцатого гвардейского кавалерийского полка.

— Аня? А полностью как? Имя, отчество, фамилия?

С простодушной улыбкой ответила:

— Меня всю жизнь зовут Аней. А по документам — Анна Александровна Михайлова. Родилась, училась и работала в Москве.

— А как на фронт попала?

— Убежали мы с подругой, Тамарой Юдиной. Служили в войсках МПВО. Я была физоргом роты. Сидим мы раз на дневном спектакле «Русские люди». Помните, там Валя есть, такая храбрая девушка. Мне даже обидно стало, почему я не Валя... Чуть не расплакалась. Со мной рядом какой-то лейтенант сидел. Заметил мое настроение и спрашивает: «Что пригорюнилась, девушка?» Я отвечаю: «На фронт хочу, на самый передний край...»

То ли поверил мне лейтенант, то ли успокоить хотел, то ли подшутить. Но только серьезно сказал: «Сегодня в 19 часов я со Ржевского вокзала как раз еду на фронт. Могу отвезти».

Обрадовались мы с Тамарой. Вещей, конечно, с собой никаких не взяли, только еды на дорогу прихватили, а под подушками в общежитии записочки оставили: «Простите нас. Мы уехали на фронт». Знаю, знаю, что так нельзя... Но рассказываю, как было. Прибежали мы на вокзал... Все залы осмотрели, по перрону три раза прошли, но нигде этого лейтенанта не нашли. Тогда мы решили без него на передовую ехать. Смотрим, у одного вагона стоит старший лейтенант, как потом выяснилось, командир артиллерийского дивизиона. Мы к нему:

— Разрешите доложить...

— Что ж, — говорит, — поехали, только я до Волоколамска.

Так и поехали. В Волоколамске подзаправились, а оттуда до Погорелого Городища добрались. А там бомбежка. Страшно.

Кругом военные люди, машины со снарядами едут, тягачи тянут пушки, танки грохочут. Первую ночь мы провели в лесочке около костра. А утром отправились искать какую-нибудь часть. Набредли на блиндаж. Там лейтенант. Мы ему — так и так, мол, хотим служить на передовой санитарками. А он строго отвечает:

— Я вас не приглашал. Заберем да вот в Москву как дезертиров и отправим.

Перепугались мы с Тамарой. Тихонько из блиндажа юркнули и спрятались. Сидим, думаем, куда податься. А тут боец:

— Лейтенант вас зовет!

Решили: теперь все, в Москву под стражей повезут. Но лейтенант этот, фамилия у него такая смешная, Цвиркун, запомнила я эту фамилию, говорит:

— Собирайтесь, девушки, в путь. Помпоз командира полка майор Сидельников приказал вас к себе забрать.

Нас прикомандировали к санчасти. Перевязка для нас дело знакомое.

Восемь дней и ночей полк на передовой дрался, а мы с Тамарой раненых перевязывали.

Все это Аня-шарик рассказывала мне, как говорится, не переводя дыхания. Она комично, в лицах изображала разговоры с лейтенантами и майорами, широко раскрывала глаза и замирала, показывая, как им вначале было боязно...

Когда полк вышел из боя и перебазировался во второй эшелон, подруг-москвичек вызвали в особый отдел дивизии. Выслушав их объяснения, поверили в искренность намерений, но все же сказали:

— Придется обратно в Москву отправить.

Тамара разревелась. Аня твердо решила: обратно? Ни за что! Если будут отправлять, они убегут в другую часть и пойдут сразу к командиру дивизии, расскажут ему все как есть, и уж он-то, конечно, их поймает.

Но дивизия получила задание — прорвать линию обороны гитлеровцев, оседлать железную дорогу и лишить крупный вражеский гарнизон всех путей связи со своими базами. К выполнению этой боевой задачи дивизия тщательно готовилась: укомплектовывались все службы, в том числе и санитарная. Москвички Аня и Тамара приказом («Совсем по-настоящему», — вспоминала Аня) были переведены в кавалерийский полк Аристовой санинструкторами: Аня — в пулеметный эскадрон, а Тамара — в полковую батарею.

Полк Аристовой в спешенном строю, пользуясь разыгравшимся бураном, неожиданным рывком прорвал линию фашистской обороны и вместе с соседними танковыми и стрелковыми частями, обойдя первую линию гитлеровских укреплений, ударил по ближним тылам врага. Санитарная часть полка разместилась в только что освобожденной от немцев деревне Аристово (Аня запомнилось примечательное совпадение названия деревни с фамилией командира полка).

Деревня эта была расположена так, что со всех участков боя ее видно. По оврагам и ложбинам — кто при помощи санитаров, а кто и самостоятельно — туда добирались раненые.

Рядом с санчастью кавалерийского полка в соседних домах разместились санчасти других подразделений. Немцы скоро заметили большое движение на улицах деревни и накрыли ее мощным артиллерийским и минометным огнем. Но раненые, переждав обстрел, снова пробирались к хатам.

Аня-шарик быстро накладывала повязки, бежала то к одному раненому, то к другому, и для каждого находилось доброе слово. Раненые, услышав близкий взрыв мины или снаряда, порой тревожно озирались, но Аня ни одним движением не показывала беспокойства. Она была настолько поглощена делом, что неумолчный гром боя как бы не доходил до ее сознания.

Она не заметила, как доктор Марголин, раненный залетевшим в окно осколком,

схватился за руку и неловко присел на скамейку. Не видела, как загорелся соседний дом и вспыхнула стоящая через дорогу грузовая машина.

Кто-то приполз в избу, громко крикнул:

— Крыша! Солома на крыше загорелась!

Раненые заметались. Но Аня приказала:

— Без паники! Слышите! — И выскочила на крыльцо.

Многие дома в деревне горели. Она снова вернулась в избу и стала по одному выводить во двор тех, кто мог ходить. А потом вместе с врачом Марголиным, превозмогшим боль в руке, выносили из горящей избы тяжелораненых.

Спасли всех до одного. А с поля боя все приходили и приходили новые раненые. Приполз командир второго эскадрона капитан Масленников. Прошептал: «Анечка, нога...» И потерял сознание.

Ане удалось перехватить первую же попавшуюся машину, она уложила в нее тяжелораненых и вывезла всех из деревни.

Обратно в Аристово Аня добиралась пешком. На дороге совсем рядом с нею разорвался снаряд. Взрывной волной девушку отбросило к кустарнику, засыпало снегом и землей. В ушах звенело, голова кружилась, но Аня поднялась и, пошатываясь, пошла к деревне.

К полудню бой стал еще ожесточеннее. Подтянув резервы, гитлеровцы отчаянно оборонялись. В хате, где теперь разместились санчасти, раненые ожидали первой помощи. На крыльце Аня увидела алый башлык доктора Марголина, а около крыльца седло его лошади. Она поняла: доктор ранен вторично или убит. Значит, теперь ей самой все решать и делать. В хате было много раненых. Аня накладывала повязки. Выбегала на улицу, останавливала проходящие машины и отправляла раненых в тыл.

...Под вечер над деревней появились немецкие бомбардировщики. Казалось, все смешалось с землей. В хате, где работала Аня, вылетели рамы и двери. Потом бомба упала рядом с санчастью. У избы оторвало угол. Аня подтащила раненых к печке. Сбившись в тесный кружок, они молчаливо переживали ад бомбежки. Когда над деревней установилась относительная тишина, стали слышны стоны:

— Пить... Пить, сестричка...

Аня разыскала котелок, привязала к нему шпигат и побежала к ближнему, не засыпанному землей колодцу. Много раз она бегала к этому колодцу, много котелков со студеной водой принесла в дом, чтобы утолить жажду людей.

Сорок часов боя прославили двадцатилетнюю москвичку не только на весь полк. О ней узнали и в корпусе. Более ста раненых перевязала она и отправила в тыл. После того боя Аня стала комсомолкой.

Когда я встретился с Аней в пулеметном эскадроне, она ждала возвращения в полк из госпиталя Тамары (та была ранена) — тогда они вместе опять пойдут в бой.

— Искупила я свое преступление, ну, что самовольно ушла на фронт, как вы думаете? — спросила Аня.

Вот и вся запись во фронтовой тетради. Где вы ныне, Анна Александровна Михайлова и Тамара Юдина? Где вы, если живы, врач Марголин и командир полка Аристов? Откликнитесь! Может, кто-то еще помнит Аню-шарик, расскажет о ее судьбе.

Мельник из Жанатаса

Г. ГОЛОВИНА

Вера машинально взглянула на часы, хотя в этом не было необходимости: она и так знала, что до конца смены минут 10 осталось. Улыбнулась, вспомнив, что дома ее ждут муж и детишки.

— Вера Гавриловна! Авария! — Крик пробилсь сквозь яростный грохот мельниц и оборвался на высокой ноте. Вера узнала голос Люды Самохваловой, своей ученицы.

...Все, кажется, продумано, все предусмотрено в цехе. Руда на конвейер поступает по питателям. Один из них работает, другие стоят наготове. Простое нажатие кнопки — и остановившийся питатель мгновенно заменит другой, резервный. Но на этот раз произошло непредвиденное: разладились контакты в автомате пуска. Сразу заработали все три питателя. Руда хлынула на конвейер в таком количестве, что он, не выдержав тяжести, остановился. А питатели, выйдя из повиновения, гнали и гнали руду в цех. Камни с грохотом сыпались на пол.

Вера посмотрела на растерянные лица дежурят и приказала остановить мельницы. Для того, чтобы пустить производство вновь, надо ликвидировать завал. Не скоро тут управиться.

— Формально я не могла приказывать работникам остаться помочь сменщикам, — вспоминает об этом случае Вера Мурашкина. — Мы свое отработали. План даже перевыполнили. Авария не по нашей вине. У меня в смене все женщины, всех дома ждут дети. И каждая с полным правом могла бы сесть в служебный автобус — он, как всегда, ждал нас у ворот фабрики, чтобы отвезти в город. Но никто и не подумал уходить: взялись за лопаты и три часа помогали расчищать завал. Разве мы не понимали: обкатка нового оборудования. Всякое может случиться.

Сейчас трудности освоения позади. Смена Веры Мурашкиной первой заставила новые мельницы работать на полную мощность.

Рудник и обогатительная фабрика Жанатаса находятся на юге Казахстана, в Джамбулской области.

«Ландшафт гор удручающий», — писал знаменитый геолог Обручев, побывавший в этих местах в начале века. «Угрюмой и безжизненной» называл эту каменную долину с горной грядой и путешественник Семенов-Тянь-Шанский.

Вплоть до середины шестидесятых годов пейзаж здесь не менялся.

А потом оказалось, что этим угрюмым, черным горам цены нет. В хребтах Малого Каратау были обнаружены залежи фосфоритов — хлебного камня, столь необходимого для плодородия земли. Мертвая долина стала истоком плодородия. Месторождению фосфоритов и руднику дали название Жанатас, что по-казахски значит «светлый камень». В 1977 году производственное объединение «Каратау», в которое входят рудник и фабрика Жанатаса, даст стране 1788 тысяч тонн фосфоритной муки.

...Вера Мурашкина — старший мельник шаровых мельниц. Профессия вроде бы чисто мужская, как может показаться на первый взгляд. Однако все мельники — женщины, потому что процесс размола фосфоритной муки полностью механизирован. Стоят в цехе тысячетонные громадины высотой с пятиэтажный дом. Пульты управления на одном этаже, на втором, на третьем... Сотни кнопок, рычагов, рукояток. Десятки приборов. Лестницы, спуски, переходы... И каждый час надо обходить все

эти этажи, постоянно контролировать питание мельниц, следить, чтобы они не перегрузились рудой, которую не смогут тогда пережевать, и мука пойдет крупная, некачественная.

Одновременно осваивается новое оборудование, вводятся дополнительные мощности. Проходя обкатку в работе, а не на холостом ходу, машины часто капризничают, выявляются огрехи монтажников, конструкторов, наладчиков. И все эти специалисты, командированные разными организациями на период освоения, пекутся каждый о своем. За смену несколько раз остановят то одну, то другую мельницу, и не спросив у хозяев-эксплуатационников. Только включились, начали работу — стоп, то электрик в щитке своем ковыряется, то сапоги механика у станины торчат.

— Так не пойдет! — заявила Вера на планерке. — Вчера у нас конвейер встал, электрики устраняли неполадки. Сорок минут мы не работали! И только пустили конвейер, прибегает механик. Этому, видите ли, надо свое проверить. «А где ты раньше был?» — спрашиваю. «Не твое дело!» «Как это не мое? Каждая минута простоя — это десятки центнеров недоданной фосфоритной муки...»

Вера настояла на своем: останавливать мельницы решили только раз в смену. К этому времени обязали всех специалистов находиться на своих местах. Будьте любезны уложиться в те минуты, которые вам отпущены! И оказалось, что это вполне возможно. Мельницы стали давать план еще в пусковой период.

Мурашкина учит и подчиненных своих мыслить по-государственному, смело выходить за рамки должностных обязанностей в интересах производства. Освоение новой техники потребовало новых знаний. Все работники смены учились не только на специальных курсах, но и, когда монтировалось оборудование, стремились собственными руками ощупать каждый механизм, постичь взаимодействие его частей, заглянуть в нутро машины. Вера часто повторяла: «Не упускайте золотое время, старайтесь вытянуть у монтажников и наладчиков побольше, вникайте во все».

Теперь на фабрике считают, что не только сама Мурашкина, но и многие рабочие ее смены мыслят, как инженеры. В первые дни пуска новой техники всех измотал нижний шнек, из которого мука забирается в емкости пневматическими насосами. Он постоянно задыхался, мука сыпалась на пол. Вера часами от него не отходила, как от больного дитя. Все охотно помогали ей выяснять причину неполадок. Вместе с другими мельниками, сообща нашли решение, усовершенствовали механизм. А потом инженеры-наладчики по чертежам мельников перестроили и автоматику транспортировки муки в элеваторы.

Старший мельник — это как бы второй начальник смены. Он в ответе не только за технологический цикл, но и за людей. Пять мельников в подчинении у Веры, и все они ее ученицы. Каждой она верит, как себе, знает их возможности. Как по звуку она определяет, в каком ритме работает мельница, так и по одному взгляду видит, в каком настроении пришла на смену работница, не нужно ли ей в чем помочь... К каждой найдет подход. Если надо, ободрит, развеселит, бывает, и пожалует по-матерински, хотя по возрасту Вера недалеко ушла от своих молодых подруг: ей нет и тридцати.

Прошлой зимой сильнейший снежный заряд

обрушился на Жанатас. За какие-то минуты все забило снегом. Ураган был такой силы, что столкнул с дороги тяжелый самосвал, как спички, ломались телеграфные столбы. Связь с фабрикой оборвалась (она находится в пяти километрах от города). Было это вечером, на мельницах работала смена Веры Мурашкиной. Дикий вой ветра заглушил даже грохот мельниц.

— Ой, девчонки, наши дома не повалило бы! — встревожилась не на шутку Вера Руссу. Мурашкина успокоила:

— Дома-то выстоят. А вот сумеет ли мы выстоять...

Все знали, что она имеет в виду: сменщики не смогут пробиться на фабрику в такой ураган. Сколько же будет бушевать вьюга?

Проработали одну смену, вторую. К счастью, в буфете нашлась еда. Вот уж и четвертая смена к концу подходит. Все с ног валяется от усталости. Правда, Вера находит возможность по очереди давать мельникам отдых хоть на полчаса. Ураган выбился из сил к концу суток, снежная круговерть стала утихать.

Первым вошел в цех начальник фабрики Амангельды Сансербин.

— Работаете?!

— А вы как думали? — улыбнулась Вера.

— Мы же сюда не на танцы пришли! — озорно добавила Люба Стрельцова.

Проверили выработку: суточный план перевыполнен!

Сознание того, что их труд необходим людям, — килограмм фосфоритной муки, внесенный в землю, дает дополнительно около двух килограммов зерна! — помогло мельникам выстоять в эти напряженные сутки.

Процесс освоения новой техники ускорил в смене Веры Мурашкиной другой процесс — чисто нравственный. Процесс самовоспитания. Люди растут прямо на глазах: ударниками стали Вера Руссу, Валя Софронова, Люба Стрельцова, молодой мельник Люда Самохвалова.

...С некоторых пор партийная и комсомольская организации, профсоюзный комитет стали направлять к Вере людей не только повышать квалификацию. Эта смена стала и школой нравственного воспитания.

Загулял дежурный слесарь Аркадий Жуков. Хороший специалист, золотые руки, но кто будет держать на работе выпивоху, у которого прогул за прогулом? Какие только меры не принимали администрация и профком! Все напрасно. Уволили.

Приходит к Мурашкиной вся в слезах Галина, жена Аркадия.

— Помогите, умоляет, детей пожалей. Уедет — совсем сохнет...

— Ладно, — сказала Вера. — Попробую с начальством договориться. Пусть завтра приходит в мою смену.

Директор отменил приказ. Да только у Аркадия хватило сил продержаться до первого аванса.

Много горьких минут пережили из-за него мельники: добровольно взяли вместо хорошего, дисциплинированного слесаря выпивоху и прогульщика. По сути дела, взвалили на свои плечи чужую работу. А это отражалось, разумеется, и на плане и на зарплате. Но коллектив упорно боролся за Жукова. Подвел — попадает в жесткую «прокрутку». А если хорошо сработал — все заметят: пришло время, когда стали Жукова на планерках отмечать, благодарностью вынесли. Потом ценное рационализаторское предложение он сделал... А тот день, когда фотография его появилась на Доске почета, стал праздником не только для семьи Жукова, но и для всей смены Мурашкиной.

Недавно у Жуковых родилась третья дочка. Поздравлять Галину и Аркадия ходили всей сменой.

О Мурашкиной нередко говорят: «Осокинская закваска». Первая Верина наставница — депутат Верховного Совета СССР Фаина

Алексеевна Осокина была старшим мельником на такой же фабрике в Каратау, где Мурашкина начинала свою рабочую биографию. В 1970 году, когда пускали жанатасский рудник, Фаину Алексеевну и Веру посылали помогать молодым мельникам осваивать профессии. А позднее Веру перевели в Жанатас на постоянную работу. Она вспоминает, как мастерство Осокиной, ее умение находить выход из самых сложных рабочих ситуаций помогли освоить первые восемь мельниц (сегодня их на фабрике тринадцать).

И сейчас у Веры нередко ситуации, когда она думает: а как поступила бы Осокина? Вопросы, при разрешении которых надо иметь и мужество и такт, не побояться пойти на конфликт с товарищами по работе, возникает немало. Вера умело разрешала их — и когда была профоргом, когда работала в женсовете и теперь, когда люди избрали ее депутатом Верховного Совета Казахской ССР. Воспитанница депутата сама стала депутатом.

Избиратели идут к своему депутату за советом и с просьбами, с предложениями и обидами. Каждый человек приносит Вере кусочек своей жизни, своей судьбы. И всех она выслушает внимательно, постарается помочь чем только возможно. А сколько острых вопросов поднимет сама!

Однажды вместе с секретарем горкома партии Алевтиной Павловной Солдатовой проходила Мурашкина мимо кинотеатра и увидела своих работниц.

— Погляди, какие красавицы! — невольно залюбовалась девушками Вера. — А одеваются с каким вкусом!

И нахмурилась, вспомнив что-то свое, поинтересовалась, когда Солдатова заглянет на фабрику. Попросила обязательно зайти к ним в цех.

Встретились в цехе через несколько дней. Вера подозвала двух девушек в уродливых, мешковатых спецовках.

— Узнаешь красавиц, товарищ секретарь?

Алевтина Павловна отрицательно покачала головой.

— И не мудрено! В этих балахонах их родные мамы не узнают. Да разве это спецодежда? А из какой материи пошиты! Легонькая хлопчатка. Фосфоритная мука насквозь просачивается...

Прямо из цеха пошла Мурашкина с секретарем горкома к начальнику фабрики и добилась, чтобы спецодежду мельникам стали выдавать удобную, нужного размера. Лучше стали снабжать работниц защищающими от пыли респираторами.

Каждый день рождает новые заботы. Одни тут же и уходят, гасятся, другие давят на плечи почти физически на протяжении месяцев. Так было с прокладкой телефонной сети для жителей города. Строители затянули дело, и Вера добилась, чтобы подряд передали другой организации, которая сумела выполнить его значительно скорее.

Много у Веры и других неотложных дел и по благоустройству Жанатаса, который растет не по дням, а по часам. Жанатас, как всякий новый город, не имеет окраин. Дома будто в один день родились — свежие, нарядные. На улицах кокетливо приосанились толстушки липы, протянулись ровные аллеи пирамидальных тополей. Население города за пять лет увеличилось вдвое. Сейчас в Жанатасе живет уже около тридцати тысяч человек. (Средний возраст жителей — 27 лет.) Скоро будет у жанатасцев свой большой аэропорт, на 27 гектарах раскинется парк, по двум рукотворным озерам помчатся байдарки, моторные лодки, яхты распустят белые паруса.

Все это будет. За строительство своего города жанатасцы берутся так же горячо, как и за освоение новых мощностей. Освоение новых мощностей — ключевая проблема десятой пятилетки — записано в решениях съезда. Здесь этот ключ в надежных руках.

Первое знакомство. Фото ТАСС

ФОТОКОНКУРС «СЕМЕЙНЫХ СТРАНИЦ»

...Привозаешь к друзьям, с которыми не виделись годы, или оказываешься в доме людей малознакомых... После бесед, после чаепитий перед тобою нередко распахивают альбом фотографий: «Посмотрите!» И вся семья будет дружно комментировать, как бы заново возвращаясь в запечатленные фотокамерой мгновения: «Это мы в отпуске на Байкале», «А это Лешку провожали первый раз в первый класс», «Это новоселье!»...

Но это снимки, что называется, для узкого круга.

ФАКТОМ ИСКУССТВА ФОТОГРАФИЯ МОЖЕТ СТАТЬ ЛИШЬ В ТОМ СЛУЧАЕ, КОГДА ФОТОКАМЕРА — В РУКАХ МАСТЕРА, УМЕЮЩЕГО ПОДМЕТИТЬ ТОНЧАЙШИЕ ДВИЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ, ВЫРАЗИТЬ САМУЮ СУТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ.

ИМЕННО ТАКИЕ ФОТОГРАФИИ ХОТЕЛОСЬ БЫ УВИДЕТЬ НА «СЕМЕЙНЫХ СТРАНИЦАХ» НАШЕГО ЖУРНАЛА.

Мы обращаемся к фотомастерам, фотокорреспондентам газет и журналов: расска-

жите в своих работах о советской семье, о счастье взаимопонимания и чуткости супругов друг к другу, о воспитании детей — наследников всех наших дел и наших идей. Расскажите о богатстве духовного мира нашего современника, о наполненности всей его жизни.

Для победителей конкурса установлены премии:

одна первая — 150 рублей,
две вторые — по 100 рублей,
три третьих — по 75 рублей.

Каждый участник конкурса может прислать в редакцию любое количество фоторабот. Наиболее интересные из них будут публиковаться в журнале.

В редакцию следует присылать негатив и контрольный отпечаток размером 9×12 с краткой подписью и указанием фамилии автора и его адреса.

Последний срок поступления работ 20 октября 1977 года.

На конверте помечайте: «На фотоконкурс». Фотографии не рецензируются и не возвращаются.

Со Знаком качества

Пятидесяти изделиям Таллинского швейно-производственного объединения имени В. Клементи в минувшем году был присвоен государственный Знак качества. И вот опять с очередной победой из Москвы вернулась инженер по аттестации продукции Валли Саами: на этот раз Знак качества получили платье и костюм из так называемой смесовой, немнущейся ткани.

— Наши художники-модельеры, — рассказывает Валли, — умеют предугадать завтрашний вкус покупателей, а конструкторы, технологи и организаторы производства не затягивают расставание с устаревшей моделью и быстро внедряют новинки. В общем, все делается, чтобы изделие не успело наскучить, разонравиться покупателю: восемьдесят процентов моделей в нашей фирме обновляется ежегодно.

О борьбе за качество на всех этапах швейного производства Валли Саами знает не понаслышке: за восемнадцать лет работы в объединении имени В. Клементи она прошла путь от ученицы швеи до инженера. Саами чувствует свою причастность ко всем делам родного производства. Она считает себя ответственной за то, чтобы в швейном цехе ровно строчили машины, а в раскройном — мастера не спешили в ущерб качеству.

Она готова вместе с рационализатором «пробовать» его идею в БРИЗе и на техсовете. Внедрение ЭВМ для раскроя было также и ее заботой. Теперь вся ткань на фирме идет в дело. До последнего сантиметра! Из маломерных лоскутов, которые «раскраивает» ЭВМ, шьют прекрасные изделия для малышей. И как радовалась Валли, когда плащу для дошкольников, сшитому из таких лоскутов, был присвоен государственный Знак качества.

Сегодня этим желанным пятиугольником отмечено каждое третье изделие швейно-производственного объединения.

Л. КОРСУНСКИЙ
Фото Д. ПРАНЦА.

г. Таллин.

Наша Информация

Навстречу юбилею

«Пятилетке качества — наш вдохновенный труд!» — под таким девизом проходил слет женщин Саратовского ордена Ленина завода приемоусилительных ламп. В зале лучшие работники, инженеры, лаборанты. Среди них В. П. Поляницына, заготовщица цеха 15, кавалер ордена Трудовой Славы III степени. Она дает продукцию уже в счет второго полугодия 1977 года. Здесь же О. Т. Филимонова, бригадир из того же цеха, награжденная орденами Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени. Ее бригада выполнила план прошлого года еще в сентябре. И многие другие, кто давно работает в счет юбилейного года.

О женщинах завода рассказывает заместитель секретаря парткома Л. А. Баскакова. Ее сменяют на трибуне представители цехов. Они рапортуют о достижениях, делятся планами. Оглашается приказ директора о присвоении 25 работ-

ницам звания «Отличник качества».

В конце встречи собравшиеся приняли обращение ко всем женщинам завода. «Продукция, сделанная нашими женскими руками, должна быть самого высокого качества!» — говорилось в нем».

И. ИВАНОВА,
председатель
женсовета завода

г. Саратов.

НА СМЕНУ КАПРОНУ

Изделия из синтетических тканей красивые, отлично стираются, но по своим гигиеническим свойствам уступают блузкам и сорочкам из натуральных волокон: в них жарко летом, холодно в прохладную погоду, они быстро «наэлектризуются»...

Вот почему к текстильщикам, работникам легкой промышленности со всех сторон неслись запросы: дайте такую ткань, которая по своему качеству и гигиеническим показателям была бы близка к натуральной.

На помощь пришли ученые. Группой сотрудников Всесоюзного научно-исследовательского института по переработке химических волокон (ВНИИПХВ) во главе с доктором технических наук М. Н. Белициным было разработано новое волокно, получившее название шелон. Из этого волокна старшие инженеры ВНИИПХВ К. П. Никитина, Т. П. Свешникова и Н. И. Селезнева сумели создать ткань, которая по совокупности физических свойств почти не уступает натуральному шелку, а по механи-

ческим качествам и в особенности по прочности значительно его превосходит.

Ткани из шелона по внешнему виду ничем не отличаются от шелковых. Благодаря особой пористой структуре волокна ткань практически не затрудняет теплообмен человеческого тела с окружающей средой, обладает хорошей влажностью, а степень ее «электризации» меньше, чем у капрона.

Производство нити шелон начато на клинском объединении «Химволокно», а выпуск новых видов тканей из этого волокна налажен на московской фабрике «Пролетарский труд». Киржачком объединении, Бендерском комбинате и других предприятиях.

Г. НИКОЛАЕВ

На снимке: создатели новой ткани старшие инженеры ВНИИПХВ К. П. Никитина, Н. И. Селезнева и Т. П. Свешникова отбирают образцы для массового производства.

Фото автора.

«ЛАНА, СЛЕД!»

Поздно ночью у деревянного домика на одной из пустынных улиц подмосковного поселка Клязьма остановилась милицейская машина. «Елизавета Григорьевна, — обратился молодой лейтенант милиции к женщине, открывшей на его стук дверь. — Нужна ваша помощь: только что обокрали промпалатку...»

Через несколько минут машина резко рванулась с места. Рядом с милиционерами — Е. Г. Зарецкая, у ее ног — огромная овчарка.

Вот и палатка. «Лана, след!» — тихим, властным голосом дает Зарецкая команду. Лана принюхалась, взглянула на хозяйку и, натягивая поводок, рванулась вперед. Елизавете Григорьевне нелегко поспевать за собакой: годы немолодые.

В тот раз преступников нашли. Впрочем, когда работают Елизавета Григорьевна и Лана, неудачи случаются редко. На счету Зарецкой и ее четвероногих питомцев более 30 раскрытых преступлений. Зарецкая — единственная

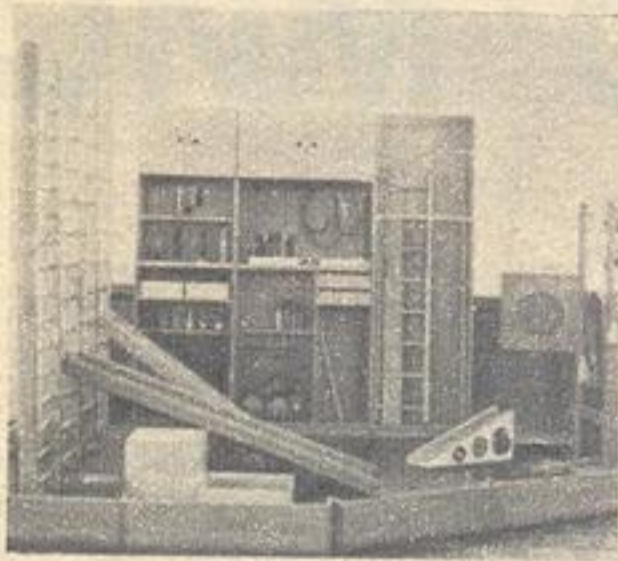
женщина в Московской области, которая в совершенстве освоила метод дрессировки собак по розыску преступников.

По профессии Елизавета Григорьевна — переводчик, работала в Министерстве внешней торговли СССР, а когда вышла на пенсию, всерьез занялась дрессировкой собак. Опыт у нее большой: еще во время войны она по заданию командования Советской Армии занималась отбором и подготовкой служебных собак для нужд армии.

Сейчас Зарецкая — инструктор в Московском областном клубе служебного собаководства ДОСААФ. Она судья республиканской категории и — уже по собственной склонности — внештатный сотрудник уголовного розыска Пушкинского райотдела внутренних дел. Недавно она получила Почетную грамоту и знак «Почетный дружинник» за активное участие в охране общественного порядка.

М. ПСАЛМОВ
Фото В. БУЧКИНА

Для здоровья детей

Более двухсот детских врачей, ученых, работников просвещения, воспитателей яслей приехали на ВДНХ СССР на Всесоюзную научно-практическую конференцию,

посвященную проблеме охраны здоровья детей в дошкольных учреждениях.

Для участников конференции в павильоне «Народное образование» была организована выставка: универсальная детская мебель, физкультурное и медицинское оборудование для детских садов, яслей. Один из экспонатов — комплекс физкультурного оборудования. В него входит 20 предметов: стойка для прыжков, стенка, гимнастические снаряды, игровые пособия. Эти сборные конструкции легко применимы в любом помещении. Комплекс создали конструкторы «Ленпроекта».

Многие детские сады РСФСР, Белоруссии, Армении, Украины, Таджикистана уже используют это новое оборудование.

И. СЕРЕГИН

Фото И. КОНСТАНТИНОВА.

ВЫГОДНАЯ ЗАМЕНА

Не все знают, что так называемое «ворсование» ткани — сложный и трудоемкий процесс. Некоторые артикулы ткани ворсуют с помощью растительных шишек, чем-то напоминающих репейник. Они-то и «скрежут» ткань. Покупают шишки за границей. А служат они день-два.

Производственники обратились к ученым с просьбой найти способ заменить растительные шишки чем-то более дешевым и одновременно более долговечным.

— Задача состояла в том, — рассказывает старший инженер ЦНИИмашдеталь Галина Константиновна Зайцева, — чтобы найти подходящий полимер. Наши поиски увенчались успехом. Совместно с Московским заводом технических изделий мы разработали технологию производства ворсальных гарнитур из сополимера полиформальдегида. Кандидату технических наук В. К. Пейсахову, научным сотрудникам В. В. Воронину, Н. Г. Евлановой и мне было выдано в 1975 году авторское

свидетельство на изобретение. На ВДНХ наша работа была удостоена серебряной медали.

Теперь позвольте привести несколько цифр. Если шишка выходила из строя уже через 40—60 часов, то теперь ворсальное оборудование служит 8—12 месяцев. Экономия от внедрения составит более миллиона рублей в год.

А. СУХОТСКАЯ

На снимке: Г. К. Зайцева (слева) проверяет первую партию новых ворсальных гарнитур на заводе.

Фото Г. ПОЛЬСКОГО.

Концерт в старинном соборе

Общество охраны памятников истории и культуры открыло в Москве новый концертно-лекционный зал, для которого впервые в столичной практике использовано помещение старинного собора с его своеобразной акустикой. Реставрированное здание Знаменского собора (XVII в.) — самое крупное среди церковных строений Зарядья.

Новый зал предоставляется для выступлений не только профессиональных, но и самодеятельных коллективов из самых разных краев и областей. Здесь выступали хоровая капелла имени А. Юрлова, камерный хор под управлением В. Минина, фольклорный ансамбль под руководством В. Шу-

рова. Впереди — разнообразные программы, популяризирующие богатства классики и фольклора, народной музыки и хореографии.

В. ЛЬВОВ

Фото В. БУЧКИНА.

СЕМЬЯ РАСТЕТ

Двадцать лет назад в «Работнице» был опубликован снимок четырех близнецов: девочки Вали и трех ее братишек — Бори, Саши и Вити, родившихся в семье дежурного по станции Марьяновка Одесско-Кишиневской железной дороги Георгия Аксентьевича Шерепера и его жены Степаниды Семеновны. В то время детям было по шесть лет.

Прошли годы. Как сложилась судьба близнецов? Об этом нередко спрашивают нас в письмах читательницы журнала. Могу сообщить: близнецы здоровы, живут и работают в городе Бендеры.

Валентина — продавец, Александр — экспедитор в объедине-

нии «Молдплодоовощпром». Борис пошел по стопам отца, стал железнодорожником. Виктор закончил в Кишиневе институт искусств, работает во Дворце культуры.

Кроме близнецов, у супругов Шерепер родилось еще трое детей, и они уже стали взрослыми, трудятся в разных городах Молдавии.

Что сказать о самих родителях? Они неплохо себя чувствуют. По-прежнему живут на станции Марьяновка, в доме, который был построен для них железной дорогой. Здесь по праздникам собираются дружная семья, которая, кстати, продолжает увеличиваться. Но теперь уже... за счет внуков.

П. ВОЛОДИН,

председатель дорпрофсожа

г. Одесса.

Куклы-отличники

Помните? «Если кто-нибудь... увидит старичка в твердой соломенной шляпе-канотье и вышитых золотом и серебром розовых туфлях, — это Хоттабыч, который, несмотря на все старания, никак не может устроиться радистом на какую-нибудь полярную станцию...» Да, старик Хоттабыч — герой замечательной сказки Л. Лагина. Точно такого Хоттабыча можно увидеть в ассортиментном кабинете объединения «Роспромгрушка» Министерства легкой промышленности РСФСР. Разница только в том, что к груди куклы прикреплен

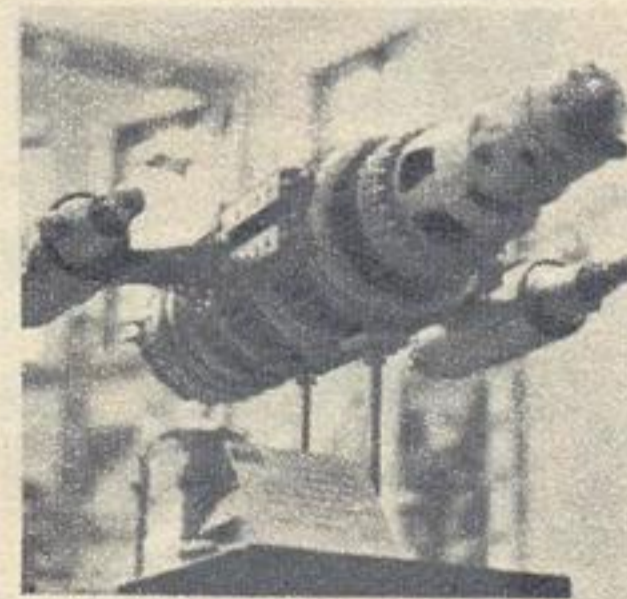
ярлычок с почетным пятиугольником: государственным Знаком качества.

— Сколько лет вашему Хоттабычу? — спрашиваю я у одного из создателей знаменитой куклы, главного художника Московской фабрики сувенирных и подарочных игрушек Зои Васильевны Пудриковой.

— Эту куклу мы выпускаем 25 лет, но Знак качества получила она в прошлом году. Кроме Хоттабыча, почетного знака удостоено еще около ста изделий «Роспромгрушки». Как видите, игрушек-отличников немного: отбор строгий, придирчивый. Бывает, что члены научно-художественного совета никак не могут решить, кому отдать предпочтение. Какой Карлсон лучше: созданный на московской фабрике игрушек имени 8 Марта или ленинградский, из производственного объединения «Игрушка»? Оба получили почетный пятиугольник, потому что оба отменно хороши.

Э. ГУСЕВА

РОБОТ ГОВОРИТ: «БОНЖУР!»

В Шарлеруа (Бельгия) состоялась выставка «Детское техническое творчество в СССР».

В залах Университета труда бельгийцев встречал робот, который на французском языке кратко знакомил посетителей с экспози-

цией. Этого «механического гида» создали школьники Москвы.

Наши ребята прислали в Шарлеруа сто действующих экспонатов: макет стыковки космических кораблей «Союз—Аполлон», межпланетную станцию «Покорение орбит», орбитальную станцию «Юрий Гагарин» и другие. Космические экспонаты пользовались большим успехом.

Работы на выставку были присланы из Свердловска, Тбилиси, Магнитогорска, Кишинева, Москвы...

Выставка творчества советских детей в Бельгии не единственная в 1976 году. Юные умельцы нашей страны — участники выставок в ФРГ, Японии, Индии, ЧССР, Монголии.

Н. КУВАНОВА

Фото автора.

ЧТО ПРОИСХОДИТ С МИСС

Э. ЧЕРЕПАХОВА

В шуточных историях на международные темы Англию, как известно, представляет некий мистер (или миссис) Смит—имя нарицательное, вроде русского Иванова. И лишь прожив в Англии какой-то срок, можно обнаружить, что стереотип этот неверный. Не говоря уж о том, что Смит не самая распространенная английская фамилия. По условному «кодексу профессий», а такой бытует в английской журналистике и современном фольклоре, миссис Смит—это маленький клерк типа машинистки, стенографистки... Есть еще миссис Грин—тоже тип собирательный (в учебных текстах для иностранцев фигурирует как «миссис Грин, сидящая в своей гостиной»). Это своеобразная модель домохозяйки, чья жизнь—постоянный повод для карикатур в газетах на тему о нелепых покупках в рассрочку и душевной депрессии, вызванной диссонансом между большой семьей и малыми доходами. Дает пищу юмористам газет и журналов также миссис Моп (моп—по-английски швабра)—символ огромного племени «клиннинглэдис»—уборщиц или тех таинственных и, как правило, пожилых дам с маленькими чемоданчиками, которые являются в учреждение в разгар рабочего дня и отбирают у вас столь необходимый телефон, чтобы «попшикать» на него из пластмассового флакона и размазать по аппарату едко пахнущую жидкость,—это одна из разновидностей миссис Моп—мойщица телефонов.

А вот для фабричных или заводских работниц почему-то в «кодексе профессий» места не нашлось. Интересная деталь: после долгих десятилетий изнурительной борьбы англичанок за равные с мужчинами права изобретательное британское законодательство решило заменить названия «трудящийся мужчина» и «трудящаяся женщина» единым бесполом, чем-то вроде «трудящаяся единица». Так что в конце концов английская работница оказалась не только вне условного, расхожего «кода», но как бы вообще стерта с социальной карты. Зато любимой героиней социологической литературы и разного рода исследований стала некая миссис Эвиридж.

По-английски «эвиридж» значит средний, статистически средний. В эту миссис искусственно, как одна матрешка в другую, вставлены, вмонтированы самые разные социальные типы. По принципу: кто-то живет немножко лучше, кто-то хуже, но если взять в общем, в среднем...

Женские колонки в газетах и журналах постоянно обращаются к миссис Эвиридж, давая ей советы по проблемам косметическим, романтическим, кулинарным и педагогическим. К ней обращены мода и реклама, на нее рассчитаны определенные виды искусства, на нее ссылаются в своих речах иные политики, уверяя, что то или иное преобразование будет совершено прежде всего в ее интересах и интересах ее семьи.

Английское телевидение воссоздало даже зримый облик миссис

Эвиридж, и нередко она улыбается зрителям с телеэкрана—говорливая дама в претенциозных очках-бабочках, с рыжеватыми волосами, выложенными на голове аккуратным, как из-под детской формочки, куличиком, с ярко накрашенным ртом, в безвкусном платье с какими-то бантиками. Уверенным сипловатым баском она говорит смешные нелепости о политике, воспитании детей, модах, сексе, ценах. Конечно, это только «дружеский шарж», но сделанный не без злой наблюдательности. В конце выступления миссис Эвиридж усталый актер (Бэри Хамфрис) «деконструирует» свою героиню, снимая постепенно парик, смешные очки и платье с бантиками.

Говорят: есть ложка большая, ложка маленькая и статистика. Статистическая ложка порой кроется не в самих цифрах, но в приемах, принципах исследования и расчетов. Миссис Эвиридж, которая выступает по английскому телевидению,—это шарж на определенный тип женщин из мидл-класса (среднего класса) английского общества. Представить себе проблемы и облик современной англичанки по этому портрету невозможно: исследователь, если бы он предложил это, уподобился бы тому герою Свифта, который, желая продать дом, показывал прохожим обломок кирпича, помещавшийся у него в кармане.

Сделав небольшое отступление, я добавлю, что составить настоящий портрет средней англичанки, опираясь на сходство внешних и внутренних черт,—задача, мне кажется, непосильная. И если есть у этих женщин что общее, так это «траблс»—их повседневные трудности и неприятности.

Ржавчина инфляции сильно разъела благополучие среднего класса английского общества, бедные же стали еще бедней. А если попытаться составить портрет миссис Эвиридж в современных условиях постоянных нехваток, судорожных попыток найти работу (в сегодняшней Англии 1,5 миллиона здоровых мужчин вынуждены жить на пособие по безработице, поскольку хромающая экономика вытолкнула их за дверь), удержать работу, если она есть, сколотить сколь угодно сносный бюджет семьи...

Лет 5—6 назад английская женщина, мать семейства также рассчитывала свои средства надолго вперед. Большинство женщин, особенно среднего класса, оставались дома, с детьми. На работу уходил только муж. Она же, убрав дом, отправлялась с детьми в ближайшую лавку за продуктами—покупки делались экономно. Но покупались они тогда небольшими порциями—не больше чем на день-два, чтобы не забивать холодильник и не кормить семью перемороженной едой. Тогда еще не было такой пляски цен, как сейчас: с утра одни, а к вечеру другие, и много выше... Я помню одну мартовскую неделю прошлого года, когда цены подпрыгнули сразу на 128 различных продуктов.

Естественно, что инфляционная трясина, шоковые удары дороговизны и стремительное падение того, что англичане называют «качеством жизни», во многом изменило уклад средней семьи. Живущие под постоянным страхом перед сюрпризами завтрашнего дня хозяйки стараются сделать заготовки впрок. Те, кто могут позволить себе это, закладывают в сундук для заморозки продукты и овощи. И уже не раз в судебной хронике английских газет сообщалось о драматических ограблениях нового типа, ограблениях этих самых «продуктовых копилочек».

Те, кто не в состоянии делать заготовки, наиболее открытые инфляционной бомбежке жертвы, все меньше и меньше кладут продуктов в свою сумку для покупок. В семье, где отец работает полный день и подрастает не меньше троих детей, мать может потратить не больше 3,5 фунта стерлингов в неделю на каждого члена семьи. Я могу познакомить читателя с тем, что едят в такой семье. Завтрак: манная каша; ленч (нечто среднее между завтраком и обедом): чипсы (жаренный в растительном масле картофель), вареные бобы, хлеб с маргарином и чашка чая. На полдник—поджаренный хлеб с дешевой колбасой или бобами. На ужин—ничего. Такова диета... 700 тысяч родителей в Англии ежевечерне принимают снотворное, чтобы уснуть, поборов забытым голодные спазмы в желудке, а скудный ужин оставить детям. Это официальная статистика. На меню, которое я описала как типичное (это также официальная статистика), сидит 5 миллионов английских семей.

Обесценивание английского фунта и замораживание зарплаты «трудящихся единиц» приводят к тому, что они на практике получают все меньше денег и все больше советов, как их лучше потратить. Со страниц газет и журналов, в специально написанных брошюрах эксперты учат живущих на границе голода «маленьким хитростям жизни». Приведу некоторые из этих советов: «Оставляйте детей дома, когда идете в магазин. Дети всегда хотят чего-то, чего вы не можете

Массовые демонстрации против сокращения правительством Англии расходов на социальные нужды состоялись в ряде городов страны. На снимке: демонстрация в Лондоне.

Фото ТАСС.

ИС ЭВИРИДЖ

себе позволить в данный момент. А если уж детей нельзя по какой-то причине оставить дома, протаскивайте их мимо полки со сладостями как можно быстрее. Не надевайте тесных туфель. Если ноги устанут, вы заторопитесь домой вместо того, чтобы ходить по магазинам и сравнивать цены. Делайте покупки с соседкой: например, покупайте пакет картофеля на двоих».

На памяти англичан надолго останется выигравший 10-фунтовый приз совет миссис Джонс из графства Сюррей, принявшей несколько лет назад участие в национальной кампании по экономии топлива в стране; она предложила экономить газ и электричество так: мыться всей семьей в одной ванне, не меняя воду. Если семья большая, хотя бы по двое-трое... Миссис Джонс нечего было стесняться этой рационализаторской идеи, ведь еще раньше английский министр энергетики Патрик Дженкинс призвал Англию в целях национальной экономии электричества мыться и чистить зубы в темноте. (За что и вошел в политическую историю Англии, как «Дженкинс, который чистит зубы в темноте».) Может быть, такое выглядело бы забавным, если бы рядом с этими в прямом смысле слова смехотворными советами не соседствовала судебная хроника, все чаще фиксирующая самоубийства на почве неплатежеспособности. Больше, чем холодная, мертвящая сырость английского февраля, убивают людей чудовищные счета за отопление. Отсоединение газа или электричества сулит не только «неудобства», но и дополнительные расходы: за новое включение взимается непомерная пеня.

Как отметил не без юмора один из членов английского парламента, В. Хамилтон, понижение жизненного уровня и дискриминация обошли стороной только одну женщину в Англии — королеву. Принятый в муках шесть лет назад Закон о равной оплате труда женщин остается во многом сводом формальных правил и дает возможность большому числу нанимателей обходить его установления. «У нас есть Закон о равной оплате, но у нас нет равной оплаты» — это можно услышать от многих трудящихся женщин. На практике женщина не имеет равных с мужчиной прав ни в чем — ни в оплате труда, ни в обучении профессии, ни в получении пенсии, ни в продвижении по «карьерной лестнице».

В исследовании, проведенном под руководством Национального совета учителей, было отмечено, что истоки неравенства искусственно закладываются еще в школе. Даже если школа смешанная, на уроках профессионального обучения мальчики учатся всяким премудростям механики и прикладной математики, девочки же — кулинарии и основам торговли. Вот почему с самого начала для юношей относительно больше шансов получить на производстве лучше оплачиваемую, более квалифицированную работу, чем для девушек.

Очень многие наниматели, явно обходя закон, устраивают на производстве чисто «женские участки», так что там невозможно сравнивать оплату женского и мужского труда. Существует много видов работ, которые требуют малой квалификации и оплачиваются по самым низким расценкам. На них-то и набирают женщин. В законе нигде не оговорено, что женщина в пределах производства может настаивать на повышении своей квалификации. Если она обращается с такой просьбой к нанимателю, то чаще всего получает отказ. Мотив: незачем тратить средства на обучение женщины, которая в случае замужества, беременности все равно покинет производство. К тому же, повысив квалификацию, она начнет претендовать на повышение зарплаты.

Но даже имея какую-то квалификацию, женщина-работница приносит домой конверт с более тощей недельной зарплатой, чем самый неквалифицированный мужчина-работчик.

Экономический спад в Англии нарушил еще одну английскую традицию — многодетность. Сравнительно молодая мать, окруженная пятеркой детишек и ожидающая шестого, не была редкостью в Англии десять лет назад. Недавнее обследование 11 тысяч семей в различных частях Англии показало, что в каждой третьей семье из этих 11 тысяч замужняя женщина работает, и у 47 процентов работающих женщин нет детей вообще. Как говорится в комментариях к этому обследованию: они еле могут позволить себе телефон и отопление — не то что детей...

В беседах официальные лица всегда указывают на прогресс в области женского равноправия, ссылаясь на то, что на многих мясоперерабатывающих заводах или, допустим, на промышленных предприятиях «Форд Мотор компани» или «Мобил Ойл» женщины получают равную с мужчинами оплату, умалчивая, что это равенство лишь с наиболее низкооплачиваемыми мужчинами. Известен случай массовой демонстрации стюардесс одной из крупных английских авиакомпаний, возмущившихся странным поведением боссов: в случае катастрофы в воздухе и потери глаза, руки, ноги или других увечий

женщина получает компенсацию в полтора раза меньшую, чем мужчина.

Протестует ли женщина против эксплуатации и дискриминации, против молота экономических тягот, все ниже опускающегося над ее семьей? Да! Это и поступки отчаявшихся одиночек, таких, как 76-летняя Кетлин Карни, которая в знак протеста против очередного повышения квартплаты демонстративно пошла в «долговую яму» лондонской тюрьмы Холловэй, отказавшись платить за жилье. Или самоубийство двух восемнадцатилетних девушек из Бирмингама, лишившихся работы.

Но, разумеется, не в частных попытках свести счеты с обществом выход из социального и экономического тупика. Мне довелось разговаривать с одной из активных коммунисток — Джин Стайлс, участницей женского движения против дискриминации. Она инициатор распространения листовок среди женщин-работниц с объяснением, как бороться с нанимателем за свои права, она активный участник женских рабочих групп, член редколлегии женского коммунистического журнала «Линк». «Английская женщина — традиционная домоседка. Ей с детства вбивают в голову дома и в школе, что женщина не создана принимать решения, что она существо «второго сорта» и что она стоит чего-то лишь до тех пор, пока ею доволен муж, пока она возле детей. Поэтому так нелегко выманить женщин за дверь, убедить, что женский коллектив, как и мужской, — это сила. Сила, которая в конце концов поможет побороть несправедливость». Оптимизм Джин Стайлс имеет под собой твердую почву. Демонстрации женщин в Кардиффе и Лондоне, в Шотландии, женские пикеты, куда работницы приходят с плакатами: «Работу! Хлеба! Равноправия!» — свидетельство крепнущей солидарности трудящихся женщин и мужчин Англии.

На разных меридианах

ФРГ. После длительной работы комиссия «Женщина и общество» (в ее составе были депутаты из всех фракций западногерманского парламента, а также многочисленные эксперты) пришла к выводу, что в Федеративной Республике Германии женщины по-прежнему подвергаются дискриминации в различных областях жизни.

В опубликованном докладе этой комиссии говорится, что в промышленности, на транспорте и в учреждениях страны женщины, выполняя с мужчинами равноценную работу, получают заработную плату в среднем на 15—30 процентов меньше. Указывается также, что безработица среди женщин значительно выше, чем среди мужчин. Женщины в большей степени ограничены в выборе профессии.

США. Здесь по-прежнему сохраняется позорная система дискриминации в оплате труда. По подсчетам бюро переписи, «средней американке» приходится трудиться девять дней, чтобы получить зарплату мужчины, проработавшего всего пять дней. При этом, как отмечает журнал «Ю. С. Ньюс энд Уорлд рипорт», не помогает и диплом о высшем образовании.

АВСТРИЯ. В конце минувшего года здесь состоялась конференция организации Союза демократических женщин Нижней Австрии. Делегаты конференции осудили политику австрийских концернов и монополий, которые в погоне за прибылями постоянно взвинчивают цены на продукты питания и промышленные товары. Они единодушно высказались за снижение военных расходов и потребовали, чтобы эти средства были направлены на строительство больниц, поликлиник, школ, детских садов и яслей.

Рабочие «Игл Электрик компани» в Нью-Йорке требуют повышения заработной платы и улучшения условий труда.

Фото ТАСС.

ИТАЛИЯ. Недавно газеты сообщили о судебном процессе в сицилийском городке Санта-Катарина, который издавна славится мастерством своих вышивальщиц. Расшитые ими скатерти, полотенца, простыни продаются в самых дорогих магазинах Италии. Однако за эти произведения искусства мастерицы получали жалкие гроши, которых едва хватало на нищенскую жизнь. На процессе вскрылась ужасающая картина рабского труда сотен вышивальщиц, за счет которых наживалась кучка предпринимателей, получающая баснословные прибыли.

При содействии левых политических партий и демократических профсоюзов «женщины с золотыми руками» добились права создать свой профсоюз, чтобы вести борьбу против махинаций спекулянтов.

РАБОЧЕЕ САМОЧУВСТВИЕ

В этот день работница московского объединения обувных предприятий «Заря» Валентина Николаевна Шубина должна была работать во вторую смену. Но встала все равно рано: надо было собрать и отвести дочку в детский сад, затем сходить в магазин за продуктами, приготовить обед. Потом Валентина стирала. Только повесила сушить, глянула на часы — где уж тут отдыхать: час остался до начала смены. Скорей одеваться — автобус, метро, от Чертанова путь неблизкий. В 15.45, как всегда, она сидела на своем месте у конвейера, за машиной. Вот подплыла к ней по ленте корзина с заготовками для замшевых сапог типа «Аляска», Валентина Николаевна взяла в руки черную замшу, прижала серую меховую подкладку, привычно подставила их под иглу, нога нажала педаль — и строчка побежала. Одна пара, другая, третья. Руки, как всегда, на весу: колоночка швейной машины, на которой строчится заготовка, высокая, и локти до машины не достают, опереться им не на что, мышцы сразу напряглись, заныли...

И тут у машины Валентины Шубиной появилась молодая женщина в белом халате: «Шубина, пожалуйста, на медицинские замеры...»

Сотрудницу лаборатории гигиены женского труда Института гигиены труда и профзаболеваний Елену Борисовну Гурвич Валентина Шубина видела в цехе много раз и потому не удивлялась ни вопросам, ни измерениям, ни хитрым медицинским аппаратам, установленным теперь в бывшей комнате мастеров, куда ее пригласили. Ей измерили кровяное давление, потом — после 20 приседаний — еще раз: как-то ее сердце и сосуды сегодня выдерживают нагрузку? Затем на динамометре — величину мышечного усилия. На специальном аппарате проверили рефлексы — зрительный, двигательный, слуховой, какова у нее быстрота реакции, насколько она устала... Устала? Но ведь смена только началась? А то, что пришлось переделать дома, до рабочей смены, — разве это не прибавляет усталости, не входит в общую ее сумму?

«Верно, я ведь сегодня и стирала и готовила», — вспоминает Валентина Николаевна. Возможно, что на качестве ее работы это не отразится — качество у нее всегда хорошее, но вот усилий придется приложить больше, чем отдохнувшему человеку. Значит, напряжение отразится на ее самочувствии, на организме?

Чтобы подобраться к ответу на этот вопрос, медики замерят «величину усталости» у работницы Шубиной в эти сутки еще дважды — в середине смены и перед самым ее концом.

Карты измерений, бланки тестов — все это предстоит изучить и сопоставить с ответами, которые Валентина Шубина дала в анкетно-интервью на тему «Социально-бытовые условия жизни и бюджет времени». Кажется, за всю свою жизнь не ответила Валентина Николаевна Шубина и ее подруги по заготовочному цеху на столько вопросов. Причем рядом с вопросами привычными: о составе семьи, образовании, зарплате, учебе, жилищных условиях — стояли другие, на которые многим из женщин никогда не приходилось отвечать, а иным — и задумываться.

«С каким самочувствием вы приступаете к работе в первую смену — отдохнувшей или усталой? А во вторую? В чем выражается чувство усталости после смены — болит голова, руки, устают глаза, есть ли тяжесть и неприятные ощущения в ногах, раздражительность, трудно ли вам поддерживать рабочую позу? С чем связаны у вас трудности в работе — с большой физической нагрузкой? С нервным напряжением? С двухсменным характером работы? Со сверхурочной работой? С работой в позе «стоя»? С трудностями совмещения работы с воспитанием детей? С отдаленностью места жительства? Хотели бы вы работать неполный рабочий день или неполную рабочую неделю с соответствующей оплатой? Читали ли вы книги за последний месяц? Бывали ли за это время в кино? Бывали ли за последний год в театре? Если бы в вашем распоряжении было бы больше свободного времени, на что вы стали бы его расходовать — на домашнее хозяйство, чтение, отдых, спорт?..»

— Зачем нужны эти анкеты, измерения? — задаю я вопрос руководителю работы доктору медицинских наук профессору Заре Александровне Волковой, заведующей лабораторией гигиены женского труда Института гигиены труда и профзаболеваний Академии медицинских наук СССР.

З. А. Волкова. Исследования на обувном объединении «Заря» мы ведем по просьбе руководителей и общественных организаций объединения. В последние годы здесь немало сделано для улучшения условий труда работниц. Реконструированы цехи, установлено новое оборудование, стало светлее, чище, введена производственная гимнастика, проводится курс самомассажа... И все же велика «утечка» кадров, работников с «Зари» уходят на другие предприятия. В чем причины? Что их не устраивает? В поисках ответов на эти вопросы, составляя план социального развития объединения, обувщики обратились за помощью к ученым. Так возник «Договор о научно-практическом содружестве НИИ гигиены труда и профзаболеваний АМН СССР с московским объединением обувных предприятий «Заря». И наша лаборатория занялась темой «Изучение функционального состояния работниц некоторых профессий обувного производства в связи с комплексным воздействием производственной и бытовой нагрузки».

В ходе исследований, которые мы ведем вместе с социологами из Института международного рабочего движения Академии наук СССР, 900 работниц «Зари» заполнили не только анкеты, но и лист «Бюджета времени» с точностью до 10 минут за два дня недели — один выходной, один рабочий. Иногда очень полезно остановиться в спешке будней и задуматься: куда ушли 24 часа? Целый выходной день, вроде бы так много... Но где он? «Готовила завтрак, обед, ужин, стирала, смотрела передачу по телевизору...» Конечно, есть и другие ответы — «читала», «гуляла по лесу», «занималась с сыном»... Вариантов тысячи. Но

Каково оно? Ответ на этот вопрос ищут ученые из лаборатории гигиены женского труда ордена Трудового Красного Знамени Института гигиены труда и профзаболеваний Академии медицинских наук СССР.

когда электронно-счетная машина «обсчитает» все эти ответы и мы сопоставим их с результатами медицинских измерений, можно будет сделать точные выводы — каков типичный бюджет времени женщины-работницы, сколько часов тратит она в неделю на домашние дела, на отдых.

Сейчас, когда исследования еще ведутся, трудно говорить об окончательных выводах. Но кое-какие предположения уже можно сделать. Быть может, для женщин, у которых несколько детей дошкольников и младших школьников, стоит выделить специальный участок, где желающие могли бы работать неполный рабочий день или неполную рабочую неделю, как им удобнее. Ведь есть же такие участки на некоторых предприятиях. Надо детально продумать, как облегчить «вторую», домашнюю смену работниц — создать на фабриках объединения больше приемных пунктов службы быта и т. д.

Мы знаем: результаты исследований будут обсуждаться «треугольником» объединения «Заря», в соответствии с ними будет корректироваться план социального развития коллектива. Некоторые рекомендации гигиенического характера — и наши и кафедры гигиены труда 1-го Московского медицинского института, которая тоже ведет эту работу, — внедряются сейчас, в ходе исследований: колонковые машины оборудуются подлокотниками, раскройщицам выдается профилактическая обувь.

Но результаты этого исследования будут иметь значение отнюдь не только для «Зари». На многих предприятиях во многих городах страны в соответствии с указаниями XXV съезда КПСС — улучшить условия труда работниц, создать для желающих возможность работать неполный рабочий день или неполную неделю — сейчас ищут практические пути их реализации. И тут рекомендации, основанные на изучении бюджета времени работниц «Зари», необходимы.

— Скажите, пожалуйста, Заря Александровна, давно ли существует ваша лаборатория? Каковы ее задачи?

З. А. Волкова. Наша лаборатория молода, она была организована менее чем три года назад. Конечно, вопросы гигиены женского труда изучались и прежде, но темы, связанные с нею, были рассредоточены во многих отделах института. Существовало даже такое мнение, что, мол, не стоит выделять эти темы отдельно. Женщины — такие же равноправные трудящиеся, как и мужчины, и надо в равной степени охранять труд, улучшать его условия для всех. Но ведь еще Владимир Ильич Ленин предупреждал, что, когда мы говорим о равенстве мужчины и женщины, «речь идет не о том, чтобы уравнивать женщину в производительности труда, размере труда, длительности его, в условиях труда...». И при равенстве по закону к женщине необходим особый подход — она несет важнейшую для общества социальную функцию материнства. И потому задачи, которые поставлены перед нашей лабораторией, я бы определила следующим образом. Мы долж-

ны давать рекомендации о рациональном использовании женских трудовых ресурсов, то есть чтоб женщин ориентировали на выбор тех профессий, которые наиболее полно отвечают анатомо-физиологическим и психическим особенностям женского организма.

Научно-технический прогресс позволил женщинам с успехом и без ущерба для здоровья овладеть многими профессиями, которые прежде были им не под силу.

Вместе с тем введено в обращение много новых химических веществ, и некоторые из них вредно влияют на организм женщины.

В связи с этим мы определяем вредные работы, на которых должно быть запрещено применять труд женщин.

В последние годы открылись новые, более широкие возможности механизации тяжелых работ. Вместе с институтами охраны труда ВЦСПС наша лаборатория участвует в разработке определения максимальной величины груза, который работница может поднять за один раз и суммарно — за целую смену — без ущерба для здоровья. При этом принимается в расчет и то расстояние, на которое этот груз приходится перемещать. Наши проекты рассматриваются в Государственном комитете Совета Министров СССР по труду и социальным вопросам, а затем будут представлены на утверждение в правительство...

— Заря Александровна, в своих письмах в редакцию работницы иногда жалуются на неудобную конструкцию оборудования — к станкам приходится нагибаться, к ручкам управления тянуться и т. д. Занимается ли ваш институт этой проблемой?

З. А. Волкова. Конечно, у нас есть ученые-эргономисты (они изучают вопросы приспособления машин к человеку). Чтоб женщине было удобно, сподручно работать на том или ином станке, при его конструировании должны быть учтены антропометрические данные женщины — средний рост, длина руки, величина возможного усилия. К сожалению, до последнего времени эти данные не всегда принимались в расчет даже при конструировании оборудования, на котором работают только женщины. На том же обувном объединении «Заря» в закройном цехе установлены прессы орловского машиностроительного завода имени Медведева, на которых приходится всю смену работать стоя, и, если устроить сиденья (цех их оборудовал сам), женщине «некуда деть ноги». Обувщики неоднократно обращались к машиностроителям, требуя изменить конструкцию прессы, — пока безрезультатно. Теперь эти требования подкреплены детальными исследованиями медиков. И надо думать, Министерство машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов обратит, наконец, на них внимание.

Наша лаборатория заключила договор с Центральным проектно-конструкторским и технологическим бюро Министерства легкой промышленности РСФСР. Вместе с конструкторами и технологами мы придирчиво рассматриваем вновь выпускаемые машины и новые клеи и другие вещества с такой точки зрения: удобно ли с ними работать женщинам, какая система дополнительной вентиляции, защиты необходима, чтоб условия труда были, как мы, гигиенисты, говорим, комфортными.

Особенно тщательно надо следить за удобством оборудования, дозировать нагрузки, учитывать степень нервно-эмоционального напряжения, когда речь идет о работе женщин, готовящихся стать матерями. Согласно статье 70 Основ законодательства о труде, женщина в период беременности, если она в этом нуждается, переводится на легкие работы. Но точного ответа на вопрос, какой труд является легким, в большинстве отраслей промышленности пока нет.

Младший научный сотрудник лаборатории гигиены женского труда Елена Гурвич исследует степень утомляемости у работницы Татьяны Крахотиной.

— Заря Александровна, могу подтвердить, что и к нам, в редакцию «Работницы», нередко приходят письма с этими вопросами. Беременные сообщают, что, придя на работу со справкой врача о переводе на легкий труд, они слышат в ответ от мастера или прораба: «А где у нас легкий труд?» Иногда их переводят на другую работу, которая тем, кто переводит, кажется более легкой, а работниц утомляет больше прежней.

З. А. Волкова. Да, нужно учитывать все неблагоприятные факторы на новом рабочем месте беременной женщины. Формулировка закона «легкая работа» обязательно предполагает, что она и безвредная. А точные рекомендации, какая именно работа в данной отрасли является легкой и безвредной, должны разработать те НИИ и кафедры, которые ведут исследования по данному профилю производств. Так, ВНИИ охраны труда ВЦСПС в Иванове уже разработал такие рекомендации для текстильной промышленности. Сейчас этот же институт вместе с нами разрабатывает рекомендации по другим отраслям легкой промышленности — обувной, трикотажной, вальшно-войлочной и т. д.

Для работниц черной металлургии подобные рекомендации будет разрабатывать ВНИИ техники безопасности и охраны труда в черной металлургии, Днепропетровский мединститут, Криворожский институт гигиены труда и профзаболеваний; для женщин, работающих в машиностроении, — Харьковский институт гигиены труда и профзаболеваний, Всесоюзный Центральный НИИ охраны труда ВЦСПС, Куйбышевский НИИ гигиены, Ижевский мединститут.

После того, как рекомендации будут выработаны и утверждены, на любом производстве появится четкий список рабочих мест, куда

можно перевести женщину на время беременности без ущерба для ее здоровья и здоровья ребенка.

— Кто координирует усилия научных коллективов, вовлеченных в эту работу?

З. А. Волкова. При Министерстве здравоохранения СССР в составе проблемной комиссии «Научные основы гигиены труда и профпатологии» организована секция «Гигиена труда женщин», которая объединяет сотрудников не только нашего института. Здесь есть представители многих институтов страны — ученые Ленинграда, Харькова, Киева, Уфы, Казани, Средней Азии. Все они занимаются проблемами гигиены женского труда.

Наш институт координирует работу всех институтов и кафедр гигиены и охраны труда, чтобы не было дублирования тематики, чтоб изучение велось по единой методике.

Исследования многих ученых — членов нашей секции — опубликованы в недавно вышедшем из печати сборнике «Оздоровление условий труда женщин». К сожалению, тираж этого сборника — всего 500 экземпляров: он издан на правах трудов института. Познакомиться с ним при таком тираже смогут немногие. А хотелось бы, чтобы с результатами исследований ученых широко знакомились женская общественность, члены профсоюзных комиссий по работе среди женщин, женсоветов. Там они найдут немало полезных рекомендаций и помогут ускорить их внедрение в практику. Думается, что литературу об оздоровлении условий труда женщин следовало бы шире издавать и «Медгизу» и «Профиздату». Наша цель — добиться, чтоб, работая, женщина дольше сохраняла здоровье, бодрость, радостное удовлетворение жизнью.

Беседу вела А. ЛЕВИНА.

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

(Окончание. Начало на стр. 5)

испытав никаких иных чувств, кроме вины, что зря отнимает у него время.

Женя пожал плечами и тоже ничего, кроме жалости о потерянном на ухаживания времени, не ощутил.

IV

На сессии Зиночке Конкиной пришлось покрутиться, бедняге. И незнакомых людей просила, чтобы с мальчишкой посидели, и ночи три совсем не спала: болел малыш. Можно сказать, одной рукой экзаменационный билет держала, другой — Сашку.

— Твое, что ли, создание? — интересовались, глядя на нее, заочники.

— Мое-мое, — чтобы долго не объяснять, отвечала Зина. — Мое родненькое!

— Рано пташечка запела... Ну, ничего! Зато глазенки хорошие, карие — в маму.

— Да и в папу тоже, — уточняла Зина. — У папы тоже карие.

После сессии и особенно после того, как на тайный запрос Любы Новороссийск коротко ответил, что моряк Геннадий Фурцев вновь ушел в дальний рейс, а о его подруге под указанной выше фамилией пароходству вообще ничего не известно, ситуация в комнате № 44 значительно обострилась.

— Зина, — виновато, но довольно решительно сказали подруги, — это очень благородно. Но... Короче: наши ребята вот-вот возвратятся из армии, и мы наверняка с ними уедем. А как же ты?! Ты думаешь, почему перестал ходить такой прекрасный человек, как Женя Сорочкин? Разлюбил? Нет, он по-прежнему тебя безумно любит. Но зачем ему чужой детский сад? Ты не обижайся, пожалуйста. Просто посмотри правде в глаза.

— Не знаю, что ему нужно, а чего не нужно, — ответила Зина. — Это его личное дело. А я знаю одно: ребенка не брошу!

— Да его и не нужно бросать, просто отдать в детдом. Временно, появится же наконец та шальная дура!

«Там, в детдомах, все есть, — горько усмехнулась Зина. — Все, даже «гигантские шаги». Там нет только меня — его матери!»

Об этом Зина подумала, а вслух попросила:

— Девочки, хотите остаться моими подругами? Тогда давайте разговаривать на другие темы... Ну, сколько тут вам осталось потерпеть: месяц? Недели три? Потерпите, девочки!

И они терпели: уговор дорожке денег. А потом обе вышли замуж, вернулись в родное село.

Зина же Конкина осталась с Саней. Фабрика пошла навстречу этой необычной семье: не стала никого подселять, мальчишка устроила в ясли.

Первые слова, которые научился говорить Саша, были «мама Зина». Получилось у него что-то вроде «ма-зи». Рос он веселым, крепким. Исключительно добродушным парнем.

Зина между тем окончила техникум, перешла работать в библиотеку на соседний завод ЖБИ, поскольку текстильная фабрика своей библиотеки пока не имела.

V

Больше всего на свете Зина Конкина стала бояться телеграмм, особенно одной: «Еду за Александром. Света».

Ей, конечно, говорили, что все это, мол, ерунда, что «такие не возвращаются». Но страх не проходил, даже в почтовый ящик она боялась заглядывать. И от каждого стука в дверь вздрагивала. Правда, стучать стали совсем редко.

Поммастера Женя уже давно «выяснял мировоззрение» совсем в другом месте. Да и других поклонников зычный Санин голос отпугнул начисто. Что же касается мифической телеграммы от Светы, то ее не было уже три с половиной года. Ни телеграмм, ни других вестей...

Зато совсем недавно в Зиной судьбе произошло другое важное событие. Дело было в субботу. Завод ЖБИ ждал делегацию предприятия, с которым соревновались. Зина увидела в окно, как к проходной завода подъехал автобус, полный народа. Накинув мохеровый платочек (была ранняя весна) и подхватив на руки тяжеленного Саню, Зина тоже вышла встречать гостей.

Она медленно подходила к группе по-праздничному одетых гостей, и сердце ее ни с того ни с сего стало биться так гулко, такими медленными толчками, что Зина даже испугалась.

— Ножками, сынуля, — попросила она Саню. — Пойди, пожалуйста, ножками. — И, опустив мальчика на землю, не спеша распрямилась.

В это время от толпы прибывших отделился среднего роста, худой парень и решительно направился в ее сторону, неотрывно глядя на нее своими серыми глазами.

По дороге он зачем-то снял кепку. Машинально поправил густой светло-русый чуб.

— Конкин! — крикнули ему. — Ишь ты, ухарь-купец, сразу к девчатам. Разве такой пример должен показывать мастер.

Но парень, казалось, и не слышал.

— Вы знаете, как вас зовут? — улыбаясь (хотя было видно, что он боится ошибиться), спросил парень. — Нет, не говорите, я сам: вас зовут Зиной. Вы Зина Конкина!

— Да, — кивнула она, — да-а! — И широкая улыбка, которой она в последнее время редко улыбалась, осветила ее лицо. — Меня зовут Зиной. А вас Сашей. Вы мой однофамилец. Саша Конкин! Тот самый, который когда-то катал меня на «гигантских шагах»!

Кажется, им и вспомнить-то было нечего. Но они, не думая о почти фантастической необычности этой встречи, так обрадовались друг другу, что им захотелось крепко обняться, будто они были однополчане, союз которых скреплен и клятвой, и огнем, и кровью.

Они даже не заметили, куда исчезла делегация. Стояли и смотрели друг на друга. И улыбались. Улыбались, ничуть не стесняясь своих улыбок и не пряча их.

— Так ты... замужем? — заметив наконец малыша, который уже раз десять прошелся по его ботинкам, спросил Саша Конкин.

— Нет! — выпалила Зина и лишь потом запоздало покраснела.

— Значит, не замужем? Совсем?!

— Совершенно! — засмеялась Зина. — Сына вот имею, а не замужем. Представляешь такую ситуацию? Ужас, да?

Саня Конкин покраснел.

— Ты это оставь. Ясно?

Зина крепко-крепко зажмурила глаза и улыбнулась, то ли благодарно, то ли растерянно.

— Значит, прощаешь? — чуть насмешливо спросила она. — Что ж, ты всегда был рыцарем. А жена твоя мне тоже готова все простить?

— Не веришь? — серьезно сказал Саня Конкин. — А ведь я тебя ни на день не забывал. И все боялся: не дай бог, выскочит «сестричка» замуж — придется ее у какого-нибудь гражданина отбивать...

Поженились они месяца через два.

Пока Саня Конкин свои дела сдавал новому мастеру, пока на Зиной предприятие переводился, время и пролетело...

Сперва, когда встречались-переписывались, он не хотел верить Зиной истории, вернее, первой ее части, которую, кстати сказать,

рассказала она ему полуиронически-полушутливо.

— Да кончай ты, ей-богу! — отмахивался он. — Я бы тебя и с пятерыми взял!

Но потом понял, что это не шутка. И возгордился своей женой до высшей степени.

Через год у них родилась дочь, и завод выделил Конкиным квартиру.

Постепенно Зина начала забывать о своем не слишком щедром на радости детстве и за спиной Сани-старшего перестала бояться за Саню-младшего, которого любила ничуть не меньше дочки.

— И вообще я теперь понимаю, — не раз говорил ей Саня-старший, — почему ты его взяла: меня вспомнила, пожалела — и взяла. Не спорь. Точно!

Но в тот момент, когда все, казалось, сложилось как нельзя лучше, приехала Светлана...

— Там вас какая-то дама разыскивает, — сказали Зине. — Расфуфыренная в пух и прах.

Зина сразу все поняла. В глазах у нее потемнело. Сердце качнулось, как лодка на крутой волне.

Накинув пальтишко (была осень, шестая для Сани-младшего), Зина выскочила из библиотеки. А потом будто время остановилось: осторожно, медленно побрела к заводскому забору.

Там, за проходной, действительно стояла Света. И какой-то мужчина рядом. Немолодой, солидный, в зеленой велюровой шляпе и тяжелом драповом пальто.

— Светка! — на мгновение забыв о том, что за разговор пойдет у них дальше, бросилась к ней Зина.

— Здравствуй, Зинуля, — ответила она. — Я за Александром...

VI

Первый день суда не дал «ни одной из сторон» какого-нибудь перевеса. Между прочим, нанятый Светланой адвокат сказал, что права Зины в этом процессе выглядят «юридически эфемерными».

Сама же Света заявила сразу, будто ринулась в атаку:

— Вот документы на Александра! Она у меня его украла... Украла у меня сына!

Надо сказать, что это заявление произвело на присутствующих впечатление. Тем более что аргументы Зины Конкиной на первых порах вообще выглядели беспомощными. «Не отдам... Ни за что не отдам!» И только.

Пока вызывали и опрашивали свидетелей (даже Любу с Машей из деревни затребовали!), пока суд да дело, Саня-старший заперся с детворой в своей отдельной квартире и настроен был, надо сказать, просто яростно.

Опрос свидетелей постепенно прояснил картину.

Чувствуя это, Светлана во время одного из перерывов отозвала Зину в дальний угол темного и узкого судейского коридора и, опустившись на колени, взмолилась:

— Зинка, отдай! У меня же нет детей, понимаешь? И никогда больше не будет...

Зина не чувствовала зла к этой совсем чужой женщине. Пусть живет, как может. Как хочет. Но почему она должна отдать ей своего сына?! Это было нелепо, чудовищно. И невыполнимо.

...Суд принял окончательное решение лишь к полудню третьего дня. Его приговор был юридически сложен. Но поскольку важнее здесь не юридическая терминология, а суть дела, то, пожалуй, лучше всего сослаться на слова Сани-младшего, который выразил эту суть так:

— Мама Зина — настоящая мама. А эта чужая. К чужой не хочу!

Вот и вся «история» Зины Конкиной — библиотекари завода железобетонных изделий.

БЕССМЕРТИЕ

ПОДЛИННОЕ

И МНИМОЕ

Не столь давно довелось мне выступать с лекцией на атеистическую тему в Центральном лектории столицы. Как всегда, после лекции было много записок, самых разных по содержанию. Но особое внимание привлекла одна из них. Вот она. «Вы, атеисты, выступаете против религиозного представления о вечной жизни, о человеческом бессмертии, заявляете, будто со смертью человека навсегда прекращается его существование, давая тем самым людям безрадостную перспективу. А ведь согласитесь, что идея личного бессмертия греет людей, делает их жизнь осмысленней. Если человек убежден, что с каждым днем он приближается к вечному небытию, то жизнь его теряет всякий смысл: все равно, что ни делай — один конец. А вот когда перед людьми открывается возможность заслужить бессмертие, они по-иному смотрят на свое земное существование. И, если говорить начистоту, не очень-то важно, есть ли на самом деле загробная жизнь или нет ее, важно то, что вера в нее вселяет в человека оптимизм, дает ему перспективу. Так гуманно ли отнимать эту веру, как пытаетесь сделать вы?»

Мне не раз приходилось вести разговор с людьми, которые верят в потустороннее существование. Как правило, они не прибегали к каким-то разумным доводам, отстаивая свои взгляды. Они просто хотели верить в это и верили, не желая взглянуть на вещи с точки зрения здравого смысла. На сей же раз я столкнулся с попыткой обосновать правомерность религиозного представления о бессмертии тем, что оно, дескать, греет людей, а отсюда — с выводом: если даже это представление ложно, не следует отнимать его у людей, пусть живут в плену заблуждений, раз им так хочется.

Личное бессмертие... В далекие от нас времена сложилось наивное представление, будто человек состоит из двух самостоятельных сущностей — тела и души, что со смертью тела душа не умирает, а продолжает жить вечно. Эти примитивные представления и легли в основу верования древних религий.

Служители религии столетиями поддерживали наивную веру, помогавшую им властвовать над умами людей, держать под своим влиянием массы верующих. Проповедуя необходимость смирения перед тяготами жизни, терпения, безропотного примирения со своей участью, они обещали за это вечную жизнь в царствии небесном, а грешникам сулили такие же вечные мучения в аду. Так превращали они людей в покорных рабов, выполнявших все требования церкви, основная задача которой, по словам М. Горького, состояла в том, чтобы «внушать бедным холопам, что для них нет счастья на земле, оно уготовано для них на небесах, и что каторжный труд на чужого дядю — дело богоугодное».

Наука давно опровергла религиозное представление о том, что человек состоит из смертного тела и бессмертной души. Однако церковь не отказалась от него. И по сей день ее служители продолжают внушать людям, что потусторонняя жизнь существует,

прививать им ложные, антинаучные представления. Ведь без них религия потеряет свою привлекательность для тех, кто связывает с ней мечту о бессмертии. Потому-то в церквях и в наши дни звучат проповеди о загробной жизни, настойчивые призывы посвятить свои мысли достижению райского блаженства.

Делает ли вера в личное бессмертие человеческую жизнь осмысленней? Напротив, эта вера обесценивает ее. Земная жизнь представляется верующим кратковременным, преходящим моментом, который люди должны использовать для того, чтобы подготовиться к жизни загробной. Для тех, кто находится во власти религиозных представлений, в этом состоит цель и смысл существования. А заботясь лишь о личном спасении на небесах, подчиняя все достижению личного бессмертия, человек, естественно, уходит от насущных жизненных проблем, его меньше всего интересуют «мирские дела».

Выдающийся французский философ-материалист XVIII века Клод Адриан Гельвеций остроумно заметил, что верующие, рассматривающие земную жизнь как нечто временное, преходящее, напоминают путников, останавливающихся на ночлег в гостинице. Они ни о чем здесь не заботятся, ибо чувствуют себя временными постояльцами в чужом доме. Это сравнение очень точное.

Совсем по-иному понимают жизнь люди, которые реально смотрят на вещи, не тешат себя несбыточными иллюзиями и фантазиями. Они отдают себе отчет в том, что земная жизнь представляет исключительную ценность, и ценят каждое ее мгновение, каждый час, каждый прожитый день, которые неповторимы, и стремятся прожить их со смыслом, с пользой для общества, для окружающих. Они властно вторгаются в самые труднодоступные области знания, покоряют природу, создают удивительные машины, облегчающие человеческий труд, строят новое общество. Это они, обгоняя время, превращают в реальность самые дерзновенные замыслы и мечты. Можно ли считать, что их жизнь не имеет смысла?

Отрицая личное бессмертие, люди, придерживающиеся научных материалистических взглядов, исходят из того, что бессмертно человечество в целом. Жизнь прекращается для отдельного человека, но продолжается в человеческом роде. Жизнь каждого заключена в целом, а жизнь целого в каждом. В этом и состоит истинное бессмертие.

Человек оставляет о себе память своими делами, своими свершениями. Столетиями живут творения людей, отмеченные печатью неповторимого таланта, и по прошествии веков не перестают восхищать потомков. Переживают своих творцов выдающиеся произведения литературы и искусства, замечательные памятники зодчества, работы искусных умельцев. Живут в памяти человечества величайшие деяния предков, их подвиги. Это и есть подлинное бессмертие.

Когда в День Победы мы отмечаем минутой молчания павших смертью храбрых защитников Родины, мы вспоминаем тех, чьи имена свято чтит вся страна. Мы вспоминаем родных и близких, не вернувшихся в свой дом, зримо представляем их рядом. Жизнью своей они заплатили за счастье грядущих поколений, за мирное небо над землей. И это не сотрется в памяти потомков никогда.

Оставить свой след в жизни... А доступно ли это простым людям? Или это удел избранных? Помню, как-то после обсуждения фильма «Все остается людям» в клубе одной из московских фабрик попросила слова немолодая женщина, молчаливо сидевшая до той минуты в стороне. Она сказала, что картина ей понравилась, но основная идея фильма приемлема далеко не для всех. «Конечно, — заявила она, — многое могут оставить после себя видные ученые, писатели, композиторы, зодчие, артисты. Но какой след может оставить в жизни человек незаметный, у которого и профессия скромная и вся работа проходит в тени? Как бы ни старался какой-нибудь бухгалтер или агент по снабжению, а оставить-то ему людям практически нечего».

Однажды мне довелось беседовать с убежденным верующим, который пытался доказывать примерно то же самое. Он утверждал, что религия нужна прежде всего тем, кто ничем не выделяется среди других, занимает скромное положение в обществе и не может при всем своем желании рассчитывать на что-то большее. А религия дает им веру в то, что они никогда не уйдут в небытие и, хотя не способны совершить какой-то подвиг, все же получают бессмертие, если будут вести праведную жизнь.

Нет, не только избранные, не только выдающиеся люди оставляют свой след. Можно не быть большим ученым, а быть скромным тружеником и оставить о себе память. Не изобретениями и открытиями, а добрыми делами, душевной щедростью, теплотой сердечной. Разве это только удел избранных? Вовсе нет.

Я, да, наверное, и не только я, часто вспоминаю Ольгу Власьевну Куркину, маленькую женщину с сумкой писмоносца за плечами. Во время войны она разносила письма в доме, где я жил. А ждали тогда писем с особым нетерпением. Почтальон совсем не героическая профессия. Но женщина эта оставила добрую память о себе у всех, кто ее знал. Столько было в ней душевности и сердечности, доброжелательного отношения к людям, что от каждой встречи с ней становилось как-то теплее в те суровые дни. Для всех у нее было доброе слово, приветливая улыбка. Как это было нужно людям в ту пору! И вот прошло много лет, а память о скромном писмоносце продолжает жить среди тех, кто ее знал.

Евгению Ивановну Минаеву, нашего школьного библиотекаря, я

тоже помню. Она не только помогла нам полюбить литературу, она старалась приобщить нас к сокровищам мировой культуры, научить понимать прекрасное. Не считаясь со временем, после уроков, в выходные дни она водила нас в музеи, устраивала литературные вечера, встречи с писателями и поэтами. И разве можно все это забыть?

Свой след в жизни оставляют строители, возводящие здания, в которых мы живем и работаем, и цветоводы, украшающие наши города и села, и врачи, и учителя. Люди всяких профессий, если они любят свое дело.

А мать и отец, воспитавшие своего ребенка, давшие обществу доброго человека, честного труженика! Разве они не оставляют тем самым свой след в жизни?

Совсем с иными мерками подходят к жизни верующие люди. Та цель, которую они ставят перед собой, эгоистична сама по себе: достичь личного бессмертия, вымолить для себя место в царствии небесном. Все остальное отодвигается на второй план. А это ли не откровенный эгоизм?

В качестве примера, образца для подражания богословы и религиозные проповедники выдвигают так называемых «святых», которые будто бы вели праведную жизнь, особо угодили богу, за что тот удостоил их своего внимания, сделал своего рода посредниками между собой и людьми. Значительная часть христианских «святых», которым поклоняются верующие, вообще никогда не существовала, это персонажи мифические, но некоторые из них жили на самом деле. Чем же они прославились? Что послужило причиной причисления этих праведников к сонму «святых»?

Когда знакомишься с «Житиями святых», жизнеописаниями «божьих угодников», невольно поражаешься, какие деяния церковь относит к числу подвигов, достойных прославления. Подавляющее большинство «святых» отличилось лишь «ревностью в вере». Для того, чтобы показать силу своего духа, убедить окружающих, что религиозная вера для них важнее «мирских соблазнов», «земных интересов», они подвергали себя поражающим своей нелепостью испытаниям, занимались самоистязаниями, вели отшельническую жизнь, принимали поистине чудовищные обеты. И все это преподносится церковью как «подвиг благочестия».

Вот, например, «святой» Феодосий Печерский, большую часть жизни проведший в пещерах Киево-Печерской лавры в беспрестанных молитвах. Он укрощал «плоть» тем, что в местах скопления комаров обнажал свое тело и «отдавал себя им в пищу». Нелепость? Конечно. Но вопреки здравому смыслу это выдается церковниками за своеобразный «подвиг».

На добровольные лишения обрек себя «божий угодник» Тихон Медынский, много лет проживший в дупле исполинского дуба, зачистив неделю питаясь только травой и родниковой водой. Были и такие фанатики, которые брали на себя обет молчания, годами отказываясь от всякого общения с окружающими. Вот какими путями добивались они места в пантеоне «святых».

В этот пантеон вошло немало женщин. Ведь и для верующих женщин нужны свои образцы поведения. Церковь позаботилась о том, чтобы их дать. Основные добродетели «святых» женщин сводятся опять-таки к преданности богу, ревности в вере, к преодолению «мирских соблазнов» и крайнему аскетизму.

В молитвах провела много лет Ефросинья Полоцкая, жалкое существование влачила в своей келье Меланья Затворница, бежавшая от «мира», от людей, а некая пустыница Сильвания перецеголяла всех тем, что не мылась 60 лет, выказав тем самым пренебрежение к своей плоти.

Можно лишь поражаться, что эти бесцельно прожитые жизни церковники преподносят как «добродетельные», а нелепые поступки именуют богоугодными.

Разумеется, что в наши дни с подобными «подвигами» встречаться практически не приходится. Не так уж много религиозных фанатиков. Но и те верующие, которые отдают дань церковной традиции — посещают богослужения, участвуют в обрядах, отмечают религиозные праздники, проводят долгие часы в молитвах, — разве не растрачивают они бесцельно свое время? Разве не обкрадывают сами себя? Что оставят они людям?

«Как больно сознавать, что ушли дни, месяцы и годы, бездумно растерянные на ниве религии, — пишет бывшая верующая О. П. Рузавина. — Сколько полезного я могла бы сделать за это время! А вместо этого теряла время на то, чтобы выслушивать проповеди о бренности человеческой жизни, замаливать грехи перед богом, испрашивать у него для себя милостей. Зачем все это? Ведь потерянных лет не вернуть. И безумно больно, что есть люди, которые пока не поняли этого и так же бесцельно растрачивают жизнь, как это делала я».

Я вновь обращаюсь к записке, полученной мною в Центральном лектории, к вопросу, гуманно ли отнимать у людей веру в личное бессмертие. Да, гуманно. Потому что, отвергая эту ложную веру, мы поднимаем в глазах людей ценность земной жизни, указываем им путь, где следует искать свое подлинное счастье, помогаем им выбраться из мира несбыточных иллюзий, приобщиться к истинному бессмертию, бессмертию человечества.

А. БЕЛОВ,
кандидат философских наук

ПОЭТИЧЕСКАЯ ТЕТРАДЬ

Елена НИКОЛАЕВСКАЯ

* * *

А дни идут, как им положено:
То осиянны, то мрачны,
То мягким снегом припорошены,
То ливнями иссечены.
То вдруг поманят вольной волею,
То в тьму швыряют тьму...
Но тем не менее —
Тем более! —
Живи и радуйся тому,
Что в этом ливне, в этом пламени
В один попали переплет,
Что мы в одно пустились плаванье,
В один отправились полет...
И, глядя на звезду падучую,
Завидуй самому себе...
Расположенью звезд ли, случаю
Обязаны — или судьбе,
Но так уж выверено, велено
В великом странствии Земли,
Что ни в пространстве,
Ни во времени
Мы разминуться не смогли!
И жизнь нам видится
Все праздником,
Всем испытаньям вопреки,
Хоть встретит то кнутом,
То пряником,
То не протянет вдруг руки,
То вдруг поманит вольной волею,
То в тьму швыряет тьму...
Но тем не менее —
Тем более! —
Живи и радуйся
Всеми!

* * *

Все кому-то что-то должен —
Так уж повелось.
Должен... Долг...
Ты с этим дожил
До седых волос.

Оплетен ты и обязан —
Тут пенька и шелк...
Все обязан ты, обязан
Выполнять свой долг.

Не разрубишь — лишь
ослабишь
Связи да узлы...
Не разлюбишь, но устанешь
Биться об углы.

Путь еще не подытожен —
Как узнать его?
Знай одно:
Ты мне не должен —
Слышишь? — ничего!

Жизнь — кто знает? — явит
чудо
Иль согнет в дугу, —
Но пожизненно я буду
У тебя в долгу.

* * *

Покупка впрок:
Я покупаю кеды.
Что ж, минет срок, —
Глядишь —
И вновь приеду.
Сюда вернусь —
И снова к перевалу
Я вверх пушусь,
Как сотни раз бывало —
По брошенной мне под ноги
Дороге,
По брошенной, оставленной...
Двурогий
Холодный месяц
В вышине лиловой
Сверкнет серпом
И заблестит подковой
Над тишиной
Хребтов
И сном ущелий
Во мгле сквозной,
Где я сейчас без цели
Бреду,
Забыв про тягости и беды...
Вот для чего
Впрок покупаю кеды.

Рисунок Н. ДОБРОВОЛЬСКОЙ.

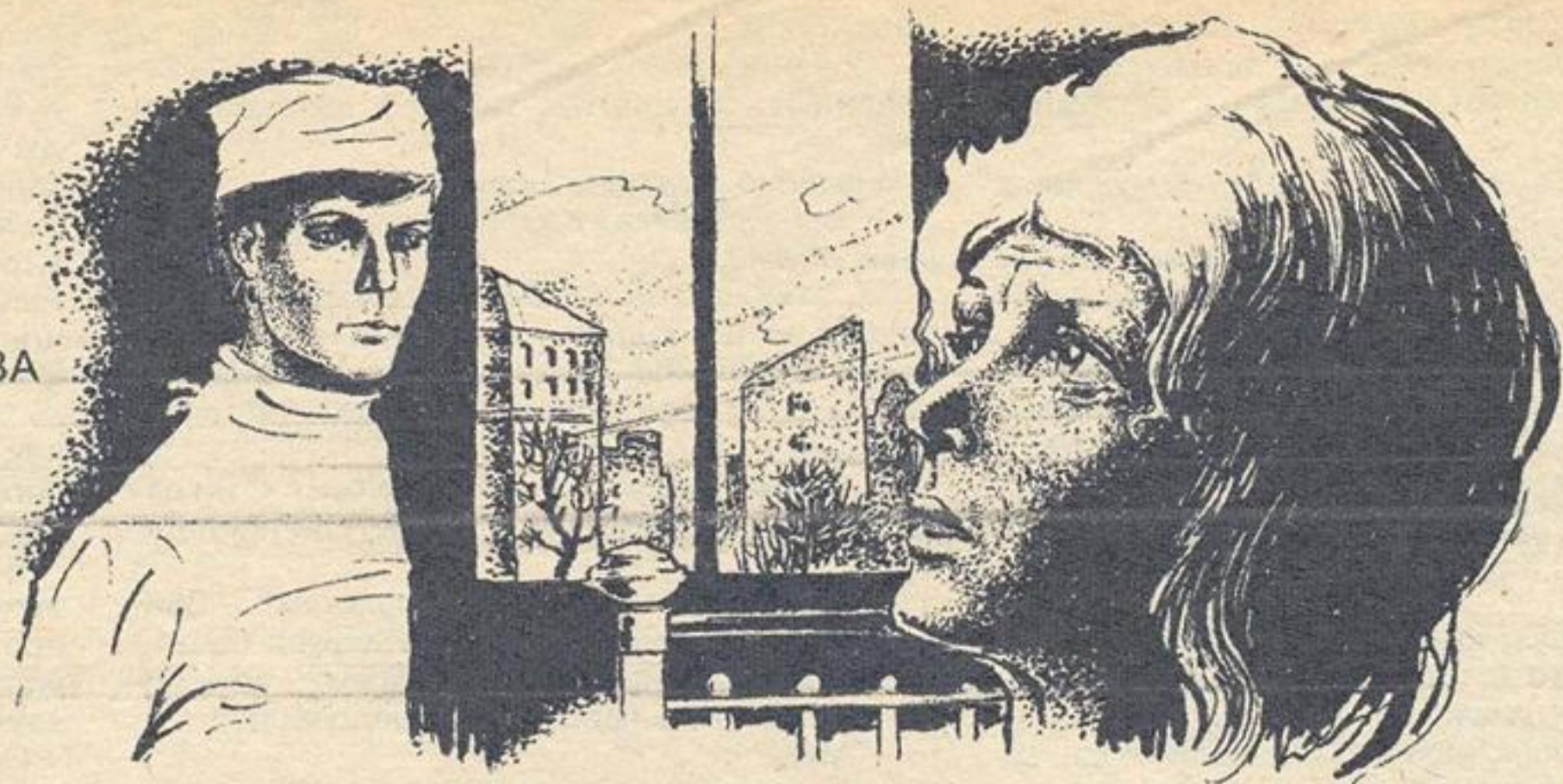
Лилия БЕЛЯЕВА

ВРАЧ ИЗ „НЕОТЛОЖКИ“

Марии Станиславовне
Слежановской

Рассказ

Рисунок Т. АВДОНИНОЙ

...Сапогом в живот, гадина!

Ужалась, пытаюсь руками придавить боль. Но ее легкое, жалкое тело, заряженное страданием и ужасом перед новым страданием, уже летит в противоположный угол камеры.

Там в позе футболиста, готового принять мяч, ждет вторая сволочь: нога на отлете, весь внимание. Не промахнулся: мысок сапога пробил ее насквозь. Она подавилась собственной кровью и... проснулась.

На обычный приступ печени похоже не было. Боль возникает словно оттого, что чьи-то проворные, свирепые пальцы тискают ее внутренности и скручивают в жгут, как мокрое белье.

Бросилась в уборную. Хватаясь за косяки дрожащими пальцами, вернулась в комнату, упала на кровать. Лоб был липким от пота. Но вроде отпустило.

Глянула на часы: три с четвертью. «Глухая ночь. Отравилась», — успела подумать, и тотчас где-то там, в недоступной глубине, в потемках, опять рванули больное, незащитное, перекутили, стянули узлом. Хоть криком кричи!

Не закричала. Хотя кто б мог услышать? В отдельной, угловой квартире? А услышали б — что ж? Что ж такого?

Так, на всякий случай не закричала. Старые тормоза сработали, что ли? Неужели они все еще начеку, старые тормоза?

...Очнулась она лежа на спине, в коридорчике. Кое-как дотянулась до телефона, вызвала «неотложку». И сейчас же подумала: «Зачем? Надо просто выпить соды или марганцовки. Добраться до кухни и...»

Но с кухней не вышло. Ноги подломились и отказались служить.

Оставалось одно — облегчить работу чужого человека, который вот-вот придет и увидит...

Что увидит? Старуху с раскосмаченными волосами, в мятой ночной рубашке с полуотворванной кружевной оборкой. Сколько раз собиралась пришить, да все как-то... «Неряха! Рохля!» — обзывает себя, торопливо ладонями приглаживая волосы. Завязала кое-как тесемки у ворота, приотворила входную дверь.

«Старая дура! Идиотка! Сжевать кусок лежалой колбасы! Леня в магазин сходить! На холодильник понадеялась! Вот тебе и холодильник! Вот тебе! Вот тебе! — мстительно приговаривала она, ползком добираясь до кровати. — Что у тебя за холодильник? Он давным-давно оброс льдом и перестал холодить нор-

мально. Когда ты чистила его в последний раз? Давным-давно. И вообще ты давным-давно для себя ничего нормально не делаешь! Вот и втянула в свою никчемную безалаберную жизнь посторонних людей!

А все эти бесконечные ведомости, кредиты-дебеты, накладные, табуляграммы. Вон они, весь стол завалили... ни начала им нет, ни конца. Табуляграммы, а попросту «обработки» с электронно-счетной станции, где сидят легкомысленные девицы, которые только и делают, что хихикают и путают цифры. Разбирайтесь после них!

Ну разве это жизнь? Разве можно наваливать на себя столько работы? Ну, ясно, и характер виноват. Дурацкий. С таким характером не жить, а подышать надо. И чем скорее, тем лучше. Нет, не желает. Ишь ты, за жизнь цепляется. В колокола бьет! «Неотложку» себе требует!

Видали ее? А?»

Не видали. Такой, чтоб о себе вдруг обеспокоилась, особого внимания потребовала. Ни один сослуживец легко поверить в это не смог бы. Как она жила? Тихо, малозаметно, словно бы и не за себя, за другого кого, словно по необходимости. Вот тоже в гости ходить. Кто не любит? Ну, почему б, в самом деле, не сходить в гости, если зовут добрые, веселые люди!

Она же никак не любительница. Разве что пристанут — не отвязаться. Придет, посидит молчком, поковыряет вилкой в винегрете и шыг на кухню помогать хозяйке мыть посуду.

И на работе (она бухгалтер на торговой базе) от нее слова лишнего не добьешься. Как пришла, так и сгорбилась над столом. В обед сбегает в столовку через дорогу, сжует наскоро все, что там дадут, и опять сидит, шуршит накладными, щелкает счетами, трещит арифмометром.

Не случайно все новички в бухгалтерии под ее началом проходят курс наук. С ней начальству проще простого. Она никогда ни от каких поручений не отказывается. Ей предлагают — она только кивнет — и вся процедура. Ну ясно, и самая муторная, путаная, заведомо неблагодарная работа неизменно попадает в ее руки.

...Вечером все из конторы по домам бегом бегут, а она сидит. Уборщица метет, а она сидит, шуршит, щелкает. Уйдет, когда сторож на ночное дежурство заступит: сигналит, мол, хватит, дольше не положено. Ну, а дома сейчас

же — бумаги из сумки на стол, чайник — на электроплитку. Потом наденет наушники, слушает музыку, пьет чай и разбирается в своих кредитах-дебетах до той поры, пока самая последняя радиопрограмма не выдохнется.

«А чем ей еще заниматься, если подумать? Какие особенные заботы у одинокой? Детишки не ревут, сиди себе да сиди. Какую вещь куда ни положишь, там ее и найдешь», — рассуждали семейные женщины.

Так оно и шло. Если не считать единственного случая, когда новый молодой директор базы свойски хлопнул по плечу старика Митрофаньча и сказал:

— Ты, дядя, чего тут формалистику разводишь?

Тугодум Митрофаньч, несколько сбитый с толку дружелюбным жестом директора, еще соображал, что ему ответить, как вдруг раздался отчетливый, решительный голос:

— Зарвались, молодой человек! Если Владимир Митрофанович, кавалер ордена Отечественной войны, вам «ты» и «дядя», то вы просто невоспитанный щенок!

Шел этот голос не с неба, как, возможно, собиралась предположить набожная тетя Дуся, уборщица, а из угла, где сидела Мария Ивановна.

Надо было видеть побагровевшую и малость отупевшую физиономию молодого, энергичного начальника. И как он искательным взглядом прошелся по лицам. Но, должно быть, не нашел того, что искал, в достаточном количестве. Прокашлялся и извинился перед Митрофаньчем. Впрочем, позднее он попытался подсушить свой подмоченный престиж, пожал борцовским плечом, бросил кому-то из сотрудников:

— Странная какая-то женщина.

Только ведь экая это смешная уловка! Для умных людей, естественно. А нынче все умные.

Но надо отдать ему и должное. Он не остановился на этом, а вытребовал у кадровички дело Марии Ивановны и основательно перевернул его. И что-то такое обнаружил в этом деле, что счел необходимым уложить аккуратно листок к листку и завязать тесемочки деликатным бантиком.

«Проклятый живот! Ну, подвел! Проклятый кусок колбасы! Проклятый холодильник!» — бормочет Мария Ивановна, так и этак зажимая руками боль в животе.

Ей вспоминаются разговоры о старухах, которые без зазрения совести по пустякам вызы-

вают и «неотложку» и «скорую», и хнычут, и скандалят, и грозят. Сейчас и ее примут за одну из подобных старух! И врач, скрывая отвращение, примется ощупывать ее старое тело.

Она просит у случая: «Только бы не мужчина, а женщина!» — и теряет сознание.

Неожиданно твердое прикосновение ко лбу чужой руки. Приоткрывает глаза, вглядывается со смущением и вызовом. Белое и большое... Нависло... замерло... Крепкий, чистый посторонний запах. Запах мороза. Запах мужской одежды, выстуженной, только что с ветра, с воли. Мужественный, надежный, влекущий... Вот оно! Из дальней дали... Тут! Родное! Единственное! Отыскалось! Наконец-то! Наконец!

Рука дернулась схватить и удержать.

«Ты что?! Что с тобой?!» — тут же опомнилась и широко, решительно открыла глаза. И увидела все таким, каким оно и было на самом деле. Над ней склонился врач. Молодой, не старше двадцати пяти. Красивый. Глаза серые, а брови... О, какие брови! И никакого пятнышка, изъяна на чисто выбритом, сияющем молодостью подбородке.

— И что же вы такое съели нехорошее? — спросил врач бодро, почти весело, не глядя на нее. И, не дождавшись ответа, вставил себе в уши трубочки и принялся выслушивать ее сердце.

Сейчас этот залетный красавчик помнет ей живот, всадит иглу в одно место, настроит рецептик и ускачет, довольный, что отделался.

Нет, она его не обиняла. Каждый живет как может. Хотя немножко вниманья ей бы не повредило, конечно. Но она была благодарна ему уже за то, что живот ее он ощупывал как бы между прочим, с застоявшимся юморчком в суженных глазах. Не брезговал, значит.

— Стоните! — потребовал он вдруг. — Почему вы не стонете?

— Зачем? — не поняла она.

— Так ведь вам же больно.

— Обойдусь.

— А это что у вас? Операция? По поводу чего? — Он провел пальцем по всей длине старого рубца и посмотрел ей в лицо.

— Да было... Давно. — Она оттолкнула его руку и закрылась до подбородка одеялом.

— А все-таки?

За окном по обледенелому асфальту застучали чьи-то торопливые каблучки. Громче, громче. Потом тише... тише...

— И все-таки?

«Ишь, любопытство заело», — подумала она, раздражаясь, и спросила, в свою очередь:

— У меня отравление? Настоящее?

— Настоящее, — рассеянно ответил врач.

Встал, вытащил из своего чемоданчика ампулу с лекарством, ушел в кухню, принес воды, разбил ампулу, вылил лекарство в воду и дал ей выпить.

И снова сел рядом, небольно сжав пальцами ее запястье, спросил:

— Лихорадит?

— Нет, — сказала она, хотя было немножко. — Нисколько.

Было и вдруг прошло. Как будто от его сильных, терпеливых пальцев ей в руку, прямо в кровь перелилось его молодое, густое тепло и растеклось по телу.

Врач отпустил ее руку. Одинокая, брошенная рука тотчас словно промерзла насквозь.

«Ты сошла с ума!» — испугалась и перестала дышать.

— И все-таки я вас направлю в больницу, — сказал врач.

— Я знаю, что мне лучше! Теперь справлюсь. Скажите, что делать, и уходите. Возьмите тут со старухой. Молодых спасайте!

Встал. Высокий, в белом. И запах мороза, чистый, стойкий. Он режет ей ноздри остро и безжалостно, до слез.

— Уходите! — кричит она.

А он уже и сам шагнул от нее с чемоданчиком на весу.

«Правильно! — поощрила вдогонку. — Все правильно. Цацкаться еще со старьем всяким...»

Внезапно мужчина обернулся:

— Вы — старуха? Какая же вы старуха? Старухи другие.

От этих его нечаянных, убежденных слов слабая жилка вздрогнула в ней, и новое густое тепло обволокло душу, отуманило голову.

И в этот бестолковый момент он снова спросил:

— А все-таки что у вас за рубец? Откуда?

— Удар сапогом, — вдруг ответила покладисто.

— Сапогом? Простым сапогом? — Врач недоверчиво нахмурился. — Не может быть!

— Не совсем простым, не совсем, — усмехнулась она, легко простив его недоверие.

— Муж?

— Гестапо.

Это слово она выговорила легко, без особого выражения, как если бы оно было самым обыкновенным, будничным, житейским.

— Ге-ста-по? — протянул врач удивленно и тщательно, так, что сразу стало ясно: впервые в жизни он произносит это чуждое слово вслух, что до сих пор у него не было такой необходимости.

— Ге-ста-по? — учился выговаривать молодой человек. — А за что? Ге-ста-по... ге-ста-по... — осваивал, свикался.

И вдруг бросил чемоданчик, рванулся к ней, схватил за руки.

— Что это вы? — спросила насмешливо и попыталась вырваться из его рук.

Он ничего не ответил, но и вырваться ей не дал. Он смотрел на стену за ее головой так, словно вдруг стена качнулась и приготовилась падать и ему уже не до юморочка. Куда! Он смотрел на единственную фотографию в комнате. Вдруг обнаружил ее, небольшую такую, с надтреснутым уголком. Очень веселая фотография. На ней девчонка лет восемнадцати смеется: белые зубы, белые бусы на загорелой шее, кудряшки до плеч. Умела смеяться. Бедовая девчонка, чего говорить. И мог бы, небось, хоть улыбнуться в ответ.

Не улыбнулся, а огляделся вокруг, словно только что сюда попал. Заметила: наушники и стакан жидкого чая выделил взглядом особо. И еще крепче сжал ее руки.

Их глаза встретились. Поняла: освободиться не просто. И зачем? Зачем?

— Вот оно как, — сказала она и закрыла глаза, чтобы не ушло, чтобы длилось... длилось...

«Кому сказала? Кто взял ее руки? взял и не отпускает? И который теперь час? Месяц? Год? Где она? Что с ней? Что с тобой, Мария? Ты окончательно сошла с ума!»

— Должно быть, — услышала она глухой, медленный мужской голос, таким, каким он столько раз возникал в ее воображении, — вам, должно быть, сны снятся... Страшные сны?

Не размыкая глаз, призналась:

— Снятся. Часто...

И заторопилась, пока он — вот он, и руки его, и голос.

— Крысы! Наглые, грязные крысы! В душевой кабинке. Приспособили под одиночку. Стены осклизлые, пол мокрый. Лечь? Где же? На что? Сесть? Можно, а крысы? Я и они. И кто кого. Лезут! Цепляются за ноги, за голую кожу и вверх... как по дереву. Стряхну — шлеп, шлеп... И опять! Опять! Молчат и лезут, цепляются, щекочут мокрым брюхом. Тяжелые... А пахнут как!

Воскресший ужас, гадливость сорвали дыхание. Но она сейчас же овладела собой, испугавшись, что не успеет.

— Нет! Не то! — наскоро удивляется собственной опрометчивости. — Не крысы! Нет! Самое страшное было там, в общей камере. Женщины, дети. Битком. И никакой еды. И

голосок с утра до вечера и всю ночь, тоненький такой: «Мама, миленькая, дай мне бульбочку, маленькую, беленькую бульбочку! Только одну! Одну-единственную!» Проснулась однажды — не хватает... Чего? Голоска этого. Другой голос смеется-заливается. Мать его в одной рубашке посреди камеры стоит и кланяется. А у груди в юбку завернутый мальчишечка этот... Ручка висит, мотается... А она все кланяется, кланяется, волосы растрепанные, глаза счастливые: «Спасибо, люди добрые, за бульбочку. Наш папка партизан, уж как вернется, уж как отблагодарит вас! Уж и отблагодарит, что порадовали его сыночка любимого, ненаглядного...»

Вижу все это, слышу и бегу. Во сне. С чугунком картошки. Большой такой чугунок, еле держу. Картошка в нем крупная, горячая, рассыпчатая. Только бы успеть! Влетаю в камеру — свисла ручонка...

Она дышала часто, как после стремительного, резко оборвавшегося бега.

— А потом утро. То утро, то самое... Лежала и думала: сейчас позовут и добыют. Сколько ж им маяться? Одной злости извели сколько... Оконце надо мной. С ведерное донце. А уж мутное, будто заплеванное. Обидно, последний мой свет и такой нечистый. Да ведь и я какая уж чистая... В кровянице, в грязище, растоптанная... Все равно обидой живу. Потому что боюсь. Себя жалеть боюсь. Это ведь только начни. Вот и гляжу в оконце и придумываю: последний мой свет ясным должен быть, отрадным, чтоб стояла я на ветру, на просторе, чтоб глазам от солнца тепло и сладко. А тут что ж? В потемках, на тухлой соломе... Но прошла минута — смирилась. Захотелось хоть на этот жалкий свет вдосталь наглядеться. Пошевелилась, приноровилась встать. Куда там! Каждая ранка, каждый переломчик о себе напомнили и против меня пошли. Ладно, думаю, притерплюсь и все-таки постараюсь, дотянусь. Такое вдруг упрямство разобрало... И тут как раз замок в двери лягнул... Ну, думаю, вот он и конец. Вот и вся твоя песенка, Марусенька милая... Как не о себе думаю. Тоже нарочно. Тут ведь когда такой час приходит, и надо — целая политика намечается, как бы с собой половчее обойтись, как бы жизнь свою обхитрить, которая в тебе ворочается, плачет, сопротивляется.

И до того уж я как-то прочно к смерти приготовилась, что... помню, услышала вопль: «Партизаны!» — а дальше темно; очнулась — ты. Ты! Большой, в белом, с мороза, с воли... «Машенька, Марусенька...» Подхватил, понес. Не оглянулся. «Машенька, Марусенька...» Стреляли без промаха, ему в спину. Если бы оглянулся! Если бы оглянулся!

— Как же... как же вы несчастливы, — отзывается близкий сострадающий шепот. — Как же...

— Я несчастлива? — усомнилась она. — Он упал. Это верно. Упал... Но это не все! Вы думаете, убитые, мертвые падают все одинаково? Он не дал себе воли упасть кое-как, свалиться, рухнуть. Он упал, как хотел и задумал: медленно, медленно и не распуская рук. Чтоб меня не обронить, мне больно не сделать.

Задрезал где-то вдали трамвай. За ним еще один и еще...

«Утро, — определяет она. — Вставать пора, на работу пора. А я? Ну и история! Кому рассказать! Молодой, красивый мужчина и старая, разболтавшаяся баба. Пора кончать».

Врач отпустил ее руки не сразу.

Она закрыла глаза, будто ее в сон потянуло, но сквозь неплотно опущенные веки видела, как молодой человек взял в обнимку свой рабочий чемоданчик, постоял молча, поклонился и осторожно, не скрипнув, вышел.

Глаза под веками налились теплом. Впервые за столько лет... Сдали тормоза. К добру? К худу? А может, так и надо? Без тормозов? Полегче, попроще?

ПОМНИ О ДОЛГЕ!

Вероника КОНОНЕНКО

С Любовью Федоровной Ожигиной я познакомилась в общежитии Ярославского шинного завода. Она примостилась на уголке стола, положив на скатерть натруженные руки, — отдыхала после работы. Рядом девчата, окружив проигрыватель, слушали музыку. Две другие крутились возле зеркала и тут же, на столе, наглаживали наряды — собирались на свидание. Кто-то пил чай, кто-то обсуждал новости, кто-то спал, отвернувшись к стене.

В комнате, тесно прижавшись друг к другу, стояли кровати. По старательно вышитым подзорам и ослепительным подушкам в таких же расшитых наволочках можно отличить кровати пожилых работниц. У девчат все попроще. Сразу видно: обосновались ненадолго. Молодость! Все впереди: кто замуж выйдет, кто поступит учиться, кто махнет в другие края.

Молодость Любы Ожигиной кончилась в сорок первом. Ей, шестнадцатилетней, только что пришедшей на завод, как и ее сверстницам, выпала трудная доля заменять ушедших на фронт мужчин. Месяцами спали в цехах. Дежурили во время налетов, гасили «зажигалки». Когда завод пострадал от бомбежек, разгребали завалы, восстанавливали цеха. И работали, работали...

«Стоит над горою Алеша — в Болгарии русский солдат...» Эту песню Любовь Федоровна не может слушать без слез. Алеша, паренек из соседнего цеха, первая и последняя ее любовь, не вернулся с войны. Маленькая его фотография да несколько солдатских треугольников — вся ее личная жизнь...

В комнату вошла дежурная: «Девочки, поторапливайтесь, кавалеры заждались». И ко мне: «Кончайте беседовать, у нас посетителям в комнатах сидеть не разрешается...»

Любовь Федоровна вздохнула: «Такой порядок. Да и что будет, если ко всем начнут гости ходить? Нас ведь тут двенадцать...»

Мы вышли из общежития. Ожигиной не надо было спешить на работу, можно просто погулять по городу, но Любовь Федоровна шла именно к заводу, куда привыкла ходить изо дня в день тридцать пять лет. Эта дорога стала главной в ее жизни, а завод — самой жизнью.

Позже председатель цехкома Л. С. Юхтина скажет мне об Ожигиной: «Золотой человек, безотказный. Все время на Доске почета. И для общественных дел ни сил, ни времени не жалеет. Кого надо в больнице навестить, кому место в детском саду выхлопотать или помочь в чем-то — она первая».

Зам. директора по быту Ярославского шинного завода тов. Баталов признает, что общежитие, в котором живет Ожигина и несколько других кадровых работниц, старое. «Одно это такое осталось. Давно пора его расселить, да все руки не доходят».

В прошлом году на Ярославском шинном, как и на многих других предприятиях страны, приняли положение, согласно которому кадровые работники имеют преимущество при улучшении жилищных условий.

Председатель цехкома Л. С. Юхтина рассказывает:

— На заводе я больше двадцати лет. Бок о бок жила в общежитии с Любовью Федоровной десять лет. Знаю, тяжело, когда нет своего угла. И вот о чем думаю: осталась бы и я в общежитии, если бы замуж не вышла, не родила сына. Ожигина — кадровая работница, я — тоже. Моя семья давно квартиру получила, а Любовь Федоровна все еще ждет очереди. Я как председатель цехкома рада бы дать ей жилье, да не могу. Завод строит дома, в которых в основном двух- и трехкомнатные квартиры. Есть и однокомнатные, но большие. С жильем у нас еще трудно — не можем в такие квартиры поселять одиночек...

Да, положение о преимущественном праве ветеранов труда на улучшение жилищных условий выполняется, но в отношении тех, у кого семья. Одиноким же остается ждать. Справедливо ли это?

«Несправедливо!» — пишут в редакцию кадровые работницы. Пишут со всех концов страны, из Калинин и Ростова, Саратова и Оренбурга. И становится ясно: большая это проблема не только на Ярославском шинном, но и на многих других заводах и фабриках.

Из писем узнаем, что в иных местах одиноких ветеранов труда даже на очередь не ставят. А там, где и ставят, получение ими жилья зависит от того — освободится ли какая-нибудь комнатка в коммунальной квартире или не освободится. Бывает, одиночки так и стоят на очереди первыми несколько лет.

С каждым годом растет Ярославль, справляются тысячи новоселов. Но за все годы, как сказали мне в управлении капитального строительства Ярославского горисполкома, ни один завод, ни одна фабрика города не построила специального дома для малосемейных с малогабаритными однокомнатными квартирами. Иными словами, ни одна одинокая работница отдельной квартиры не получила. И вряд ли скоро получит... Интересен факт: новые

предприятия города, на которых в основном работает молодежь, в прошлом году начали строить несколько домов для малосемейных. А старейшие предприятия, где трудятся сотни кадровых работниц, такие дома строить не собираются.

Старая притча: один человек купил шесть хлебов. Его спросили, зачем он купил так много. И он ответил: «Два дам в долг детям, два оставлю себе, а два — отдам долг родителям».

Притча эта о нас и для нас. Помнить о долге — святая обязанность. Помнить о фронтовичках, о женах погибших, помнить и о тех, кого война оставила одинокими...

Мой вопрос о том, что конкретно делается для улучшения жилищных условий одиноких кадровых работниц на Ярославском шинном, был встречен с удивлением. Даже не могли сразу ответить, сколько из них живут в общежитии. Было ясно: над этой проблемой здесь никто всерьез, по-настоящему не задумывался.

А думать надо. Всем. Руководителям заводов и фабрик, парткомам, завкомам, женсоветам. Пункт об улучшении жилищных условий одиноких кадровых работниц непременно должен быть включен в коллективные договоры, в планы социального развития предприятий. Этого требует долг.

Недалеко от Ярославля Рыбинск, не будет и сотни километров — одна область. Нелегко с жильем и на моторостроительном заводе, но об одиноких кадровых работницах начали заботиться давно. Вот что рассказал мне генеральный директор Рыбинского производственного объединения моторостроения, кандидат экономических наук П. Ф. Дерунов:

— Семь лет назад отдел НОТ завода распространил анкету. В ней были вопросы, касающиеся семейного положения и жилищных условий каждого работающего в объединении. Анкета помогла выявить, сколько в коллективе одиноких кадровых работниц, какое у них жилье. Анализ подсказал — для того, чтобы улучшить жилищные условия рабочих и служащих, надо строить не «обезличенные» дома, а рассчитанные на конкретных людей, семейных и одиноких.

Вместе с заместителем генерального директора по быту В. В. Карелиным я отправилась в гости к новоселам. Заглянули к Лидии Александровне Кудрявцевой. Двадцать два года проработала она резчицей по металлу, жила в «коммуналке», а теперь получила небольшую отдельную квартиру со всеми удобствами. Поговорить, попить чайку пришли к ней соседки. Сидим, беседуем. Прасковья Ивановна Басинова детей поднимала одна, муж ее погиб на фронте. И заводу отдала почти сорок лет. Она тоже получила квартиру в этом доме. Тамара Николаевна Сидельникова — фронтовичка, на заводе с сорок пятого. Недавно было и у нее новоселье.

Смотришь на улыбающиеся лица женщин, и так хорошо становится на душе. Хочется пожелать им: живите долго, радуйтесь, принимайте гостей!

При мне в одном из цехов вручили ордер на отдельную квартиру фрезеровщице Лидии Прохоровне Корольковой, 28 лет проработавшей в объединении. В. В. Карелин сказал мне: «Теперь ни одной кадровой работницы у нас в общежитиях нет».

И я подумала: «Везде бы так!»

На моторостроительном думают и об одиноких женщинах, которым сейчас за тридцать. Подойдет очередь, никто из них в общежитии не останется: дома для малосемейных завод собирает — строить и в будущем. Получат квартиры, глядишь, у многих женщин и личная жизнь сложится.

А вот как решили вопрос с улучшением жилищных условий одиноких работниц на Павлово-Покровской прядильно-ткацкой фабрике. В Павловском Посаде на живописном берегу речки стоит нарядное здание. Бывшее общежитие заново отремонтировали, покрасили и отдали ветеранам труда. У каждой — отдельная комната. Пионеры вырастили цветы, для холлов и красного уголка фабрика закупила мягкую мебель, телевизоры. Скоро начнет работать санпост. В доме открывают пункт приема в стирку белья и магазин «Кулинария».

Я говорила с новоселами. Они очень довольны. Никто не чувствует себя одиноким. Ведь рядом подруги, с которыми прожита вся жизнь. Есть с кем поговорить, поделиться, есть кому помочь в трудную минуту.

В настоящее время по поручению Госгражданстроя архитекторы разработали проект дома гостиничного типа для одиночек и молодоженов. Проект утвержден, можно начинать строить. Такие дома обойдутся примерно в два раза дешевле домов для малосемейных, которые строятся в Рыбинске. Их строительство поможет решить проблему расселения одиноких работниц. А решать ее необходимо. И как можно скорее.

ДЕЛО «ЧАСТНОЕ, СЕМЕЙНОЕ»

Статья «Дело «частное, семейное» («Работница» № 10, 1976 г.) вызвала целый поток читательских откликов. В большинстве писем поддер-

живаются мысли, высказанные в статье. Но некоторые читатели и спорят с автором. Три письма мы помещаем здесь.

А это не позор?

Я не совсем согласна со статьей «Дело «частное, семейное». Автор ее считает, что во всех передрагах виноват муж и только он и что милиция неправильно медлит с выселением дебоширов из квартир. Но ведь очень трудно разобраться, что происходит в семьях на самом деле. Да, большей частью виноват муж, но бывает, что жена тоже скандалит и выпивает или психопатка и провоцирует скандалы, а потом во всем винит мужа... А что может сделать милиция в случаях, когда жены сами

после скандалов заявляют: «Мы поругались, подрались, но теперь помирились»?..

Ну, а когда действительно виноваты только мужья — почему женщины вовремя не уходят от них, пока дело не доходит до беды? Вот, например, Плотникова Катя, о которой говорилось в статье. Почему она не уехала от мужа к родным, когда у нее был только один ребенок? Ведь скандалить, вероятно, муж начал с первых дней семейной жизни... Так нет, жены продолжают жить с такими мужьями, рожать

от них детей, подвергать детей травле и никак не найдут в себе силы воли расстаться с мужем! Развод считают позором. А получать побои от мужа — это не позор?! Это женщины недалекого ума, они любой ценой стараются завести мужа, квартиру, детей. Но цена эта неслыханно высока, и дети в таких семьях вырастают неполноценными, нервными или даже преступниками... Так что не только мужья виноваты. Хотя я их не защищаю...

И еще вопрос: куда деться мужчине после того, как его выселили из квартиры? Ведь он не собака, да и собаку жалко выгнать. Хотя бы их пристраивали в общежитие, терпеливо перевоспитывали, если нужно, лечили...

г. Орел.

В. ИЛЬИНА

Развестись? Но...

Дорогая «Работница»! Что мне делать?..

Я замужем, мне 25 лет, растет дочурка — семь месяцев ей. А мой муж пьет и бьет меня. За что? За то, как он считает, что я «не хочу ему подчиняться». Может, я в чем-то и бываю неправа, хотя часто и не знаю, в чем. Но он всегда найдет причину обвинить — и тяжко меня «наказывает»... Он на семь лет меня старше, был женат, имеет сына от первой жены и считает, что прожил жизнь и знает больше. Моего слова нет в нашей семье...

На работе меня все уважают, я выполняю много общественных поручений, кончила техникум. А у него семь классов образования, и учиться дальше он не хочет. Почти 4 года я

работала освобожденным секретарем комитета комсомола на швейной фабрике, где было около 700 комсомольцев. И я должна была к каждому найти подход, каждого понять. С такой бедой, как у меня сегодня, приходили ко мне тогда девчата, просили совета. И вот теперь я не могу найти общий язык с одним человеком...

А ведь я с ним дружила, еще когда мне было 16. Но так случилось, что когда он вернулся из армии, женился на другой. В те времена он был очень хорошим. Это меня и сбilo с толку. Когда он снова пришел ко мне после развода с первой женой, я думала, что моя юная, первая любовь продолжится. Вскоре я вышла за него,

и сначала все шло хорошо. Он и внимателен был и заботлив, помогал и стирать, и убирать, и готовить даже — все делали вместе. А сейчас только и слышу: «Ты жена и обязана мыть посуду... Зачем я женился — чтобы стирать самому или убирать? Ты все обязана успевать, как другие». Вот какие у него понятия стали! И мне очень тяжело. Однажды я не выдержала: когда он пьяный оскорбил меня, я ударила его по лицу. Он за это так меня избил, что соседи прибежали нас разнимать...

Я могла бы вызвать милицию, развестись. Но... мне жалко его, он может быть зверем, но может быть и человеком. Живем мы уже три года, и я все пытаюсь его как-то перевоспитать. Он сопьется, если я его оставлю... А если дальше жить вместе, то нужно терпеть. Разойтись? Но не хочется лишать дочку отца. Или лучше вовсе не надо отца, чем такого?

г. Киров.

ГАЛИНА О.

Главное — действовать

К счастью, не везде такое примиренчески-бездеятельное отношение к алкоголикам, как в истории Кати Плотниковой. Не везде придерживаются мнения: «Где двое ссорятся, третий — лишний...» Об этом я и хочу рассказать.

Юго-Западный район Сызрани — один из самых новых в городе. В одном доме этого района несколько лет назад в трехкомнатной квартире со всеми удобствами справила новоселье семья: муж, жена, ее мать и двое детей. Все было хорошо. Но глава семьи Александр Иванович Руденко, работник нефтеперерабатывающего завода, стал пить, начались скандалы, а затем и драки. Не осталось и следа от бывшего благополучия семьи.

В начале 1975 года был оформлен развод, однако бывшие супруги продолжали жить под одной крышей. Судом А. И. Руденко была выделена одна из трех комнат квартиры. И скандалы продолжались. Частенько приходилось соседям выручать семью от разбушевавшегося пьяницы. К счастью, соседи оказались не просто чуткими, отзывчивыми людьми, прятавшими перепуганных женщин, детей от побоев и диких сцен. Убедившись, что своими

силами не способны образумить дебошира, они обратились за помощью к депутату горсовета Людмиле Борисовне Астраханцевой. А та сообщила о бедственном положении семьи в депутатскую группу № 7. Этой группой уже несколько лет руководит депутат Ирина Борисовна Никольская. Она всегда приходит на помощь своим избирателям. Так было и в данном случае.

Сначала пригласили бывших супругов Руденко на беседу. А. И. Руденко дал обещание исправиться. Но, как всегда, не выполнил его. Все оставалось по-прежнему. Тогда депутатская группа оформила документы и передала их в опорный пункт правопорядка.

Состоялось заседание товарищеского суда. На первый раз А. И. Руденко подвергли штрафу и вынесли серьезное предупреждение о том, что, если и впредь он будет хулиганить и нарушать правила социалистического общежития, дело будет передано в народный суд.

Это решение было направлено и на завод, по месту работы А. И. Руденко. Профком цеха не оставил без внимания сигнал депутатской группы. Цеховой товарищеский суд также

строго предупредил домашнего хулигана. Но вскоре Руденко снова явился домой в нетрезвом состоянии, нарушив покой собственных детей, соседей, всего подъезда.

Терпению общественности пришел конец. Комиссия по работе среди подростков под руководством Екатерины Николаевны Сидоровой, входящая в состав опорного пункта правопорядка, защищая детей от бесчинств отца, возбудила дело о невозможности совместного проживания бывших супругов в одной квартире. Товарищеский суд Юго-Западного района повторно рассмотрел дело и вынес решение: просить народный суд о выселении пьяницы и дебошира из квартиры.

В августе 1976 года Сызранский народный суд рассмотрел дело о выселении А. И. Руденко и, учитывая ходатайство общественности, вынес решение: Руденко выселить из квартиры без предоставления жилой площади. Он жаловался в Куйбышевский областной суд. Его жалобу суд оставил без удовлетворения.

Пьяница и дебошир получил по заслугам. Советский закон надежно охраняет покой и достоинство граждан. Надо только уметь пользоваться этим законом и от простого сочувствия таким вот бедствующим женщинам перейти к активной помощи им, к действиям.

г. Сызрань.

Л. ШЕРШНЕВА

С. Григорьев 1976

Академик Л. С. Персианинов — частый гость в отделении гипербаротерапии института, которым он руководит. Директора здесь ждут с самыми трудными вопросами.

Когда идет сеанс в барокамере, важно все, каждый оттенок в самочувствии больной. «Голова не кружится?» — спрашивает (по телефону, конечно) кандидат медицинских наук И. В. Прошина.

Фото Н. МАТОРИНА

Самое большое

БОГАТСТВО

— В наше время развитие науки невозможно без правильной организации практической работы. А сама эта организация базируется на четко выверенных научных данных. Так что связь двойная, взаимообусловленная.

Казалось бы, сколько существует на земле женщина, столько и рождает она в муках своих детей. Что могло здесь измениться? Оказывается, изменилось очень и очень многое. Современные молодые мамы, к сожалению, нередко справляются с созданием новой жизни труднее и хуже, чем их бабушки. Мы не будем вдаваться в причины этого явления: не все еще здесь ясно, не все поддается объяснению. Впрочем, врачи-акушеры имеют дело не с причиной, а со следствием. Сегодня нельзя надеяться на природу—мол, что естественно, то благо. О крепком, здоровом потомстве необходимо заботиться заранее.

Мы сейчас очень много знаем и умеем. Следим за формированием ребенка с самых ранних стадий, прогнозируем его развитие, способны повлиять на него еще в утробе матери. Если какое-либо отклонение выявлено вовремя—мы чаще всего способны его выправить с помощью корректирующей терапии. К тому же твердо установлено, что многое зависит от здоровья будущей матери, и, зная о ее состоянии, можно со значительной точностью прогнозировать исход беременности, роды и здоровье ребенка.

Доктор медицинских наук О. Г. Фролова и кандидаты наук Т. П. Бархатова, Е. И. Николаева на основании изучения пациенток двух московских женских консультаций установили, что около четверти всех беременных относятся к группе повышенного риска. Это женщины с заболеваниями сердечно-сосудистой системы (ревматизм, гипертония, пороки сердца), печени, почек, страдающие сахарным диабетом. К группе повышенного риска относятся также женщины с низким уровнем гемоглобина, отрицательным резус-фактором, а также те, у которых ранее были аборт, выкидыши, преждевременные роды,— список, как видите, большой. От неблагополучий в материнском организме ребенок сильно страдает, а иногда, не получив нужной помощи, и гибнет.

Одними из первых начали планомерную работу по выявлению беременных, относящихся к группе повышенного риска, литовские медики—на съезде, в частности, был представлен интересный доклад группы ученых во главе с профессором В. М. Садаускасом. Развитие современной науки продиктовало необходимость создания специализированной акушерской помощи. Научно обоснован и твердо установлен и контингент женщин, нуждающихся в такой помощи.

Обыкновенному традиционному родильному дому эта задача не под силу. Когда идет речь о беременности и родах женщин повышенного риска, может потребоваться вмешательство самых разных специалистов и в процессе обследования и как «скорая помощь» — на случай непредвиденных, а чаще предвиденных, ожидаемых осложнений. Да не только врачи — нужна сложнейшая и дорогая аппаратура, которую

Недавно в Москве проходил очередной, XIII Всесоюзный съезд акушеров-гинекологов. Лучшие специалисты страны собрались, чтобы наметить перспективы дальнейшего развития акушерско-гинекологической помощи, обсудить важнейшие научные проблемы, поделиться опытом, посоветоваться о нерешенном.

Наше государство никогда не жалело средств на нужды здравоохранения — эти ассигнования постоянно растут, составляя сейчас около 11 миллиардов рублей в год. У советской медицины крепкая, прекрасно оснащенная материальная база. В девятой пятилетке в строй вошло немало новых, хорошо оборудованных лечебных учреждений для женщин и детей. К строительству их привлекаются и деньги, заработанные на коммунистических субботниках. Только на средства субботников, например, в 1976 году построено 127 родильных домов, 10 больниц и 7 женских консультаций. На средства субботника строится оборудованный по последнему слову науки, крупнейший в мире Институт акушерства и гинекологии.

На съезде значительная часть — около пятидесяти — докладов и выступлений была посвящена вопросам качества и совершенствования службы здоровья. Мы попросили почетного председателя съезда, директора Всесоюзного научно-исследовательского института акушерства и гинекологии, академика АМН СССР Л. С. ПЕРСИАНИНОВА рассказать об основных научных проблемах, обсуждавшихся учеными.

невозможно иметь в каждом лечебном учреждении и целесообразно сосредоточивать в специализированных родильных домах для женщин, страдающих тем или иным недугом. Так, в Москве на базе 67-й больницы под руководством профессора Л. В. Ваниной организован родильный дом для женщин с большим сердцем, а 13-й роддом специально оборудован для выхаживания недоношенных детей. И таких примеров много. Мы считаем, что новые родильные дома непременно нужно включать в состав крупных многопрофильных больниц, где под рукой разные лаборатории, любые специалисты и аппаратура.

— Вопросам специализированной акушерской помощи и был посвящен ваш доклад на съезде?

— И мой и еще несколько десятков. Разумеется, обсуждались и другие важнейшие проблемы науки. И все же если говорить о главной линии, основном направлении съезда, то я бы сформулировал так: организационные, социальные и чисто медицинские аспекты новой отрасли акушерской науки — перинатологии.

Перинатология, или перинатальная медицина, — это наука о развитии и охране здоровья будущего ребенка (как мы говорим, плода) и новорожденного в первую неделю жизни. Задача этой науки — обеспечить рождение здорового, крепкого потомства. Не столько лечить, сколько не допускать заболеваний и пороков развития новорожденных. Интереснейшие работы по этим проблемам представил наш институт, а также ученые Литвы, Украины, Грузии. Хочу назвать доклады профессоров Н. Л. Гармашовой (Ленинград) и И. З. Закирова (Самарканд), академика АМН СССР К. В. Чачавы (Тбилиси).

— Но ведь здоровье будущих поколений всегда волновало медицину. Почему вы говорите о новой науке?

— По традиции за развитием будущего ребенка следил акушер, и только после рождения он поступал в ведение педиатров — детских врачей. Разные специальности, разные задачи. Акушеры в первую очередь заботились о здоровье матери, о благоприятном течении беременности. До недавнего времени случалось, что лечили мать, назначали лекарства, процедуры, мало представляя себе, как скажется это на состоянии ребенка.

Перинатология — сплав акушерства и педиатрии. Врач-перинатолог (или неонатолог), работающий в контакте с акушером, нужен с самых первых недель беременности — задолго до того, как плод превращается в ребенка. Весь тонкий, хрупкий, предельно уязвимый механизм этого превращения совершается под его контролем, чтобы при необходимости вмешаться, помочь, пока это еще возможно.

Так широко, комплексно проблемы перинатологии еще не ставились. Должен сказать, что здесь мы идем впереди всей мировой науки. Не

так давно советские ученые участвовали в представительной международной дискуссии по этой проблеме, и наши коллеги из стран западного мира с горечью говорили, что не в силах преодолеть организационный водораздел между акушерской и гинекологической службами, которого, как известно, не существует в СССР. Пристальное наблюдение за будущим ребенком с самого начала, самых ранних стадий возможно лишь на базе наших социальных завоеваний, при разветвленной сети женских, детских консультаций и других лечебных заведений, работающих в тесной связи и преемственности.

Доказано, что одно лишь наблюдение и контроль акушера и перинатолога, без каких бы то ни было сложных обследований, позволяют вдвое снизить осложнения в родах и смертность новорожденных. А специальные методы обследования и своевременное лечение помогают спасти и выходить даже тех малышей, которые раньше считались безнадежными.

— Вы уверены, что всегда надо возвращать к жизни ребенка, даже если известно, что он родился с тяжелыми осложнениями и вряд ли в будущем сможет стать здоровым человеком?

— Вы неправильно ставите вопрос. Сражаться до конца, до последней крупинки надежды за самую слабую искорку жизни — святой закон медицины. Но мы боремся не только за жизнь (это было бы куда проще!), но и за здоровье, полноценность будущего человека. Иначе зачем нужна была бы перинатология?

Для ясности — несколько примеров. Мать страдает заболеванием сердца — повышенный риск! Мы заранее знаем: ребенку в утробе матери приходится трудно, он получает недостаточно кислорода, хуже питается. Для него (а не только для нее!) роды — почти непосильная нагрузка. И когда наступают роды, у постели роженицы вместе с акушером — реаниматор и анестезиолог со всей своей хитрой техникой. Не пугайтесь слова «реаниматор» — вероятнее всего, никого не придется оживлять. Родится живой малыш, закричит, как положено. Раньше бы считали: все в порядке. А сейчас сражение только начинается. Да, он живой, дышит, плачет. Но мы знаем: дыхание ослаблено, обмен веществ нарушен. И надо немедленно избавить ребенка от последствий внутриутробного голода, дать то, что недополучил он от матери, выровнять, активизировать пониженный обмен веществ, все физиологические функции — только тогда он вступит в жизнь не ослабленным, а таким, как все.

В родильных домах Москвы, Ростова, Каунаса, Кишинева и многих других городов уже действуют комплексы отечественной аппаратуры для наблюдения за состоянием плода и новорожденного. Сложное электронное устройство, контролирующее жизненно важные функции организма родившегося ребенка, специальный столик для реанимации, автоматический респиратор для искусственной вентиляции легких, помогающий им быстрее расправиться, «задышать», прибор, подающий облегчающую дыхание смесь гелия и кислорода, аппарат регистрации сердечной деятельности и дыхания. Ультразвуковой универсальный аппарат для определения сердцебиения плода с первых 7—8 недель беременности — его назвали «Малыш» — в ближайшем будущем появится во всех родильных домах. Он запущен в серийное производство, в этом году будут сделаны первые две тысячи экземпляров.

— Вы часто употребляете слово «заранее»: заранее распознать надвигающуюся угрозу, заранее подготовиться, принять меры. Как же удастся врачам получать эту информацию, проникать в тайны материнского организма?

— Сейчас мы неплохо владеем тончайшими средствами ранней диагностики. Детально разработаны и широко внедряются в практику методы, определяющие состояние развивающегося плода, его сердцебиение, частоту дыхания, состав околоплодных вод. Все шире используется в акушерстве ультразвук. В нашей стране ультразвуковое обследование применяют с 1970 года, в ближайшее время, по мнению специалистов, оно станет столь же привычным в медицине, как рентген. Беременная матка, заполненная жидкостью, в которой лежит плод, хорошо проводит ультразвук — с его помощью мы и можем судить о «самочувствии» эмбриона уже с первых недель развития. Ультразвук информирует о положении плода, его размерах, выявляет отставание в развитии, дает возможность контролировать результаты лечения, очень рано определяет двойню. Ультразвуковое обследование будущей матери дает возможность распознать и неизлечимую патологию, например, слабое развитие мозга, водянку головки, и решить вопрос о сохранении или прерывании беременности в срок, когда плод еще нежизнеспособен. Одно из очень частых осложнений в родах — обвитие пуповиной шейки ребенка. Раньше не удавалось своевременно определить это осложнение, принять нужные меры. С помощью ультразвука об этой угрозе узнают задолго до родов.

— Несколько лет назад на страницах журнала «Работница» рассказывалось о предложенном вами и докторами наук Э. М. Каструбиным и Н. Н. Расстригиным новом методе обезболивания родов — электроанальгезии. Получил ли он распространение в практике?

— Конечно. Мы не только не разочаровались в электроанальгезии, наоборот, значительно расширили сферу ее применения. Как выяснилось в дальнейших исследованиях, воздействие на центральную нервную систему импульсными токами можно применять для лечения осложнений беременности, токсикозов, климактерических расстройств. Как составная часть, входит электроанальгезия и в систему современного комбинированного наркоза, применяемого при гинекологических и многих других операциях. Министерство здравоохранения СССР рекомендовало нашу методику для широкого применения в практике женских консультаций и родильных домов, ее с успехом используют в лечебных учреждениях Москвы, Гродно, Целинограда, Тбилиси, Днепропетровска, Улан-Удэ. Начато серийное производство аппарата «Электронаркон-1» ленинградским заводом «Измеритель». Аппарат запатентован, пользуется большим спросом и за рубежом.

— Какое из новых направлений в акушерстве кажется вам особенно перспективным?

— Пожалуй, баротерапия, то есть обогащение организма кислородом. Как известно, мы дышим при давлении в одну атмосферу. В барокамере — две атмосферы, кислород переносится уже не только эритроцитами, но и плазмой. Дыхание более полноценное, живительное, удается разорвать накапливающуюся месяцами кислородную «задолженность». В нашем институте при отделении патологии беременности, которым заведует профессор И. П. Иванов, организована палата с двумя портативными лечебными барокамерами: взрослой и детской. Исследования ведут доктор медицинских наук Н. Н. Расстригин и его сотрудники. Методика гипербаротерапии не нова: как известно, первыми уже несколько лет назад начали проводить лечение и операции в уникальном бароцентре Всесоюзного института клинической и экспериментальной хирургии, по инициативе и под руководством академика Б. В. Петровского. Новым и неожиданным оказался эффект воздействия такого лечения на мать, а главное — на ребенка. Несколько процедур позволяют устранить дыхательную недостаточность плода, ускорить и нормализовать его жизненно важные функции. Причем интересно: когда мы воздействуем на ребенка через маму — в выигрыше оба. А современная ультразвуковая диагностика позволяет держать лечение под постоянным контролем, действовать не вслепую, а снайперски точно.

В Москве уже сделаны операции кесарева сечения в барокамере, приняты первые роды. Во многих лечебных учреждениях действуют и терапевтические барокамеры, выпускаемые серийно промышленностью. Словом, будущее у нового метода большое.

— Еще один вопрос, живо интересующий наших читателей: почему, судя по письмам, встречаются еще осложнения после родов, гнойные и воспалительные заболевания?

— Беда в том, что современный микромир резко изменился. Болезнетворные микробы и вирусы из поколения в поколение выработали особые виды, устойчивые против существующих вакцин, сумели к ним приспособиться. Поэтому новый, недавно появившийся устойчивый стафилококк и кишечная палочка не боятся прежде губительных для них препаратов. Это очень серьезная проблема, беспокоящая ученых всего мира. В ближайшее время будет создан специальный научный пленум акушеров-гинекологов для ее обсуждения. А пока наше оружие — идеальная чистота, стерильность — такая, к какой мы привыкли и умели соблюдать в акушерских отделениях до эры антибиотиков.

— И последнее. Мы все время говорим о том, что делают врачи для здоровья наших детей. А что зависит от самих женщин?

— Без помощи матери, без ее активного, сознательного участия врач ничего не добьется. Начнем с самого простого: раннего обращения в женскую консультацию. Еще раз подчеркиваю: мы можем сделать для ребенка очень многое, но только при своевременно поставленном диагнозе. Давно известно также, какие страдания испытывает будущий ребенок, если мать курит, употребляет алкогольные напитки (это относится и к отцу), неправильно питается, переедает. Все это не проходит бесследно, и последствия иной раз таковы, что врачи оказываются бессильны. Бывает, что современные семьи «откладывают» рождение первенца на годы: сначала кончим учиться, получим квартиру, поживем «для себя». А перинатологи четко установили, что для первых родов наиболее благоприятен возраст 20—24 года, для вторых — 25—29 лет. Женщины, впервые рожавшие после 30 лет, чаще попадают в группы повышенного риска, беременность нередко осложняется, чаще бывают преждевременные или особо трудные роды. Это даже в том случае, если беременности не предшествовали аборты.

Вот и получается, что за здоровье потомства отвечаем все мы: общество, медики, семья. И нельзя жалеть сил и времени, чтобы рождались и росли здоровыми, нам на радость, наши дети — самое большое богатство...

Вели беседу
Т. КОСТЫГОВА, С. ПОЛЧАНОВА.

Клуб «Львовянка» и его председатель

Клубу «Львовянка» восемь лет. В его совете партийные работники, депутаты Верховного Совета УССР и областного Совета, ученые, ветераны партии, учителя, артисты, поэты. Клуб широко известен и в городе и в области.

А с чего начинали? На наш первый вечер народу собралось совсем мало, хоть и заблаговременно вывесили яркие афиши. И все-таки встреча, вернее, задушевная беседа с теми, кто был в зале, состоялась. В нашем городе много предприятий легкой промышленности — обувная фирма «Прогресс», трикотажная «Луч», швейная «Маяк», кондитерская «Светоч». Большинство работающих там — женщины, и конечно, есть у них желание в свободное время собраться вместе, поговорить друг с другом, получить добрый совет и просто повеселиться. Посоветовались мы в тот вечер и решили: рук не опускать, готовиться к следующей встрече.

Помещение выбрали прекрасное: Дом ученых, бывший

графский дворец. Снова закрепили афиши: «Клуб «Львовянка». Все о женщинах и для женщин». Заблаговременно объявили на предприятиях о предстоящих конкурсах кулинаров и мастеров прикладного искусства. Выяснили у работниц, на какие вопросы хотели бы они получить ответы, с кем встретиться. Словом, готовились долго. И вечер удался.

Теперь на счету клуба и встречи и заседания на самые разнообразные темы: «Люди интересных профессий», «Активные строительницы коммунизма», «Женщина и религия», «Поговорим о моде», «О такте и культуре поведения». Вечер «Встреча с поэзией», например, «Львовянка» провела в кинотеатре «Мир» в присутствии почти тысячной аудитории.

Много гостей собрала программа «Если ты мать...». С женщинами доверительно беседовали, отвечали на вопросы психолог, педагог, врач. В стихах и песнях славилась мать.

Есть у нашего клуба специ-

альная программа «Не проходите мимо». С ней мы побывали на родительских собраниях во многих школах. Выступали педагог, прокурор, врач-нарколог. Приводили примеры из жизни, говорили и о нерадивых родителях.

В том, что «Львовянка» живет и активно действует, немалая заслуга его бессменного председателя Марии Константиновны Ворониной, ответственного секретаря районного отделения общества «Знание». Мы у себя в клубе шутя называем ее «великая Воронина», но в этой шутке — доля правды. Нужно обладать огромной энергией, настойчивостью и убежденностью в необходимости своего дела, чтобы организовывать вечера, по первому зову ехать в соседний городок, на завод, в село, в школу. И все — без какого бы то ни было расчета на вознаграждение, просто из уважения к своему клубу, к его аудитории, его делам.

Как мы все переживали, когда нашего доброго и требовательного руководителя, нашу Машу, вдруг ударила беда: схоронила сына. Боялись, согнет горе человека. Но вот снова телефонный звонок:

— Ангелина, собираемся завтра в пять. Нас ждут на швейной фирме «Маяк». Тема — «Герои среди нас». — Го-

лос у Марии дрогнул. Тихо добавила: — Что же делать? Жить надо, работать надо. Поедем.

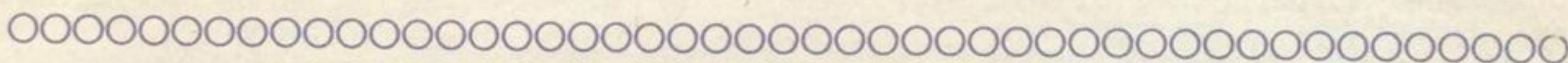
...В гостях у рабочих — участники Великой Отечественной войны, артисты, писатели. На груди у многих ордена и медали. Таким людям есть что вспомнить, есть о чем рассказать... А я думаю о нашем председателе, которая сражалась и на Курской дуге и на Украине. Семнадцатилетней пошла Маша на фронт. Росточком маленькая, на вид слабенькая. Подружки звали ее Манюня. Стала связисткой. И сосчитать невозможно, сколько километров проводов протянула она под огнем врага... Задумалась я. Даже не сразу сообразила, что мне предоставили слово для выступления: все еще стояла перед глазами девушка в солдатской шинели. О ней я и рассказала людям. Потом тихо попросила:

— Солдат Манюня, пожалуйста, встаньте.

Гром аплодисментов прокатился по залу. Взволнованная и смущенная, поднялась из-за стола маленькая темноволосая женщина — Мария Константиновна Воронина, председатель женского клуба «Львовянка».

Ангелина БУЛЫЧЕВА,
член клуба «Львовянка»

КОЛОБОК

Гульчехра СУЛЕЙМАНОВА

Веселое солнце

Рано утром
Из-за гор
Солнце глянуло
Во двор,
Потихоньку пробежало
Сквозь узорчатый
Балкон,
Осветило одеяло,
Под которым
Спит Райхон.
Солнце шепчет
Ей на ушко:
— Ты не спи,
Пора вставать!
А Райхон —
Лицо в подушку:
— Я хочу еще поспать!
Солнце девочку щекочет,
А она вставать
Не хочет.
Разгорелся новый день,
А Райхон подняться лень.
Солнце прыгнуло
На вазу.

Ваза вспыхнула,
И сразу
Сто лучей
Со всех сторон
Заплясали над Райхон.
Солнце в доме
Веселится,
У Райхон дрожат
Ресницы.
Улыбается Райхон:
— Это сон или не сон?

Шуламош

Ну и чудо, ну и каша!
Варит кашу Лола наша!
Что за каша —
Шуламош —
От котла
Не отойдешь!
Запах этой вкусной каши
Знают все соседи наши.
Что за каша —
Шуламош —
От котла
Не отойдешь!
Лола, вся в дыму и в саже,
У котла стоит на страже.
Что за каша —
Шуламош —
От котла
Не отойдешь!
Все облизывают ложки
И кричат: «Еще немножко!»
Что за каша —
Шуламош —
От котла
Не отойдешь!
Эту кашу целый двор
Вспоминает до сих пор:
«Что за каша —
Шуламош —
От котла
Не отойдешь!»

Гульпари

Может быть,
Костер пылает,
Гульпари?
Или маки
Расцветают,
Гульпари?
Или зорька
Разгорелась,
Гульпари?

В платье новое
Оделась
Гульпари!
Что за платье,
Что за краски,
Гульпари!
Из какой
Пришла ты сказки,
Гульпари?
Лучше в мире
Платья нету,
Гульпари!
Как весна
Идет по свету
Гульпари!

Перевел с таджикского
Владимир ОРЛОВ.

По синему, синему от вечернего снега Мурому иду в клуб, на репетицию. Миную старинные приземистые дома центральной улицы, за ними по веселому хороводу света в вышине угадываются кварталы новых зданий, — памятник Гастелло, художественное училище, музыкальную школу... А над городом плывет манящий запах сдобного теста, недаром на гербе древнего Муром — три калача.

А вот и клуб. Прохожу по пустынному вестибюлю в зрительный зал. Здесь сегодня тихо, сцена полуосвещена, на креслах первого ряда разложены костюмы. «Артисты» уже все в сборе, ждут только Александра Валентиновича Озерова, бессменного руководителя и режиссера агитбригады «Муромлянка» Муромского радиозавода. Не успеваю назвать себя, как появляется Озеров. Он входит быстрой молодой походкой, бросая еще с порога, словно продолжая только что прерванный разговор:

— Хорошие новости. С конвейера сошел трехмиллионный приемник. И это не все: нашему приемнику присвоен Знак качества. Непременно внесем это в сценарий. Итак, начинаем. Первым номером — «Баллада о труде».

На сцену выходит человек в синем рабочем комбинезоне. И тотчас за его спиной вырастают, словно в сказке, три богатыря. Ведь Муром — родина былинного героя Ильи Муромца. В зал летят неторопливые напевные слова:

«А трудилось во славном во Муроме испокон веков превеликое множество серебряных, чугунных, кожевенных, льняных, парусных и других дел мастеров...»

Это как бы заставка, прелюдия к тому красочному представлению, которое через минуту развернется на клубной сцене. Представления, рассказывающего о том, как и чем живут радиозаводцы сегодня. Вспомнят обо всем: и о радостных событиях, помогающих общему делу, и о том, что тормозит движение вперед. Вот и сегодняшняя репетиция прерывается:

— Александр Валентинович, в нашем цехе, в бригаде Оли Смирновой, все девушки получили право «личного клейма»...

— У Бариновой Анны Николаевны радость — уже десятая ее ученица получила рабочий разряд...

Так на моих глазах сценарий насыщался свежими фактами.

Вспомнилось, как еще в Москве, в Центральном Доме народного творчества, рекомендуя мне написать о «Муромлянке», сказали: «Действенная агитбригада». Сейчас я убеждаюсь в точности этой лаконичной и исчерпывающей характеристики. Все члены агитбригады — работники завода, отлично знающие производство, активные общественники. Каждому из них близки заботы родного коллектива. Они радуются успехам его, огорчаются, когда бывают неудачи, срывы. И не просто огорчаются — они воют.

В Муроме мне рассказали, как агитбригада не дает покоя любителям спиртного. Со сцены называются и фамилия и цех, в котором работает такой «любитель». Говорят, не одного выпивоху «вылечила» агитбригада...

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

Год рождения агитбригады — 1961-й. Именно тогда на заседании завкома профсоюза было решено: создать агитбригаду, которая острым, живым словом помогала бы бороться с лодырями, бракоделами и всем, что мешает работать и жить. Очень важно также, говорили на завкоме, рассказывать молодым рабочим об истории завода, о его славных делах, чтобы гордостью загорелись сердца: «Так вот он какой, мой, нет, НАШ завод».

«ВО СЛАВНОМ ВО МУРОМЕ...»

Но решить — это еще не все. Надо было найти, выявить талантливых ребят, умеющих петь, декламировать, наделенных чувством юмора, предстояло увлечь их идеей агитбригады. Многие зависело от руководителя, режиссера.

Обратились к Александру Валентиновичу Озерову с просьбой взять на себя руководство молодым коллективом. Выпускник ленинградской высшей школы профдвижения, сам увлеченный «синезблужник» 30-х годов, он разволновался и обрадовался одновременно. И сразу же принялся за создание агитбригады.

Ребят способных, даже талантливых, на заводе было немало, но выйти на сцену, предстать перед сотнями незнакомых и знакомых глаз поначалу многим казалось страшно. Пришлось действовать не спеша. Темы для выступлений нашлись сразу же, стоило только присмотреться хорошенько.

И вот однажды в обеденный перерыв на ящик из-под деталей, которыми был завален проход в одном из цехов, вскочила девушка и звонко объявила: «Сейчас состоится выступление агитбригады!» Несколько озорных девичьих голосов запели: «Мы задористые, провористые. Мы муромские, комсомольские...» А дальше спели частушку про те самые ящики, что представляли их первую импровизированную сцену... Потом досталось бракоделу из второго цеха и начальнику котельной за нерегулярную подачу воды в душевую: с чайниками, кувшинами, чашками прошествовали комичные фигуры под транспарантом с надписью «душ»...

Результатов этого первого выступления долго ждать не пришлось: проход в цехе от ящиков освободили так быстро, что никто не успел заметить, когда же это произошло. Налажена была вскоре и работа душевой, а

заядлый бракодел перестал давать брак.

Двадцать пять программ подготовила за пятнадцать лет своей работы агитбригада. Она участник всех городских и областных смотров художественной самодеятельности. Артисты агитбригады — лауреаты городских и областных конкурсов. В 1967 году на республиканском смотре радиозаводцы получили звание народного коллектива и Диплом I-й степени.

Я НЕ СМОГУ ИНАЧЕ...

Есть у самодеятельности и другая, не менее важная сторона воздействия на людей — это приобщение их к творчеству, к искусству. Открываются неведомые самому себе резервы способностей, возможностей, доброты и широты интересов, увлеченности.

Нина Антонова, участница агитбригады, рассказывала:

— У меня как-то голос пропал — ларингит. На репетицию без голоса? Осталась было дома. Но поймала себя на том, что держу в руках сценарий и думаю: «Как же они без меня?» И не выдержала — побежала в клуб. Бегом! Думала, что репетицию сорвала. А они спокойно себе репетируют. Увидели меня, говорят: «Зачем пришла? Иди домой, лечись». И поняла я вдруг очень важную вещь: они-то смогут без меня, а вот я уже не смогу поиному...

Нина Антонова — контролер ОТК. В цехе она «выслушивает», как доктор, приемотрансляционные радиоузлы для колхозов — работа сложная и ответственная.

Сергей Антонов, муж Нины, — инженер на том же заводе. Оба ветераны агитбригады, пришли в нее в самый первый день. У обоих хорошо поставленные, сильные голоса. Сын тоже растет певуном.

Общность интересов и увлечений. Думаю, что это немаловажное условие семейного счастья.

Люба и Яков Свердловы — постоянные участники всех выступлений агитбригады. Это тоже хорошая, дружная семья. Жаль, не удалось мне повидать Любу. По профессии она монтажница, занимается в агитбригаде да еще и школьным танцевальным ансамблем руководит: когда я была в Муроме, Люба уезжала на семинар хореографов в Александров.

Не могу не рассказать еще об одной «муромлянке» — Алле Медына. Когда Алла поступила на завод ученицей монтажницы, она была застенчивой, нелюдимой. Увидела однажды выступление «Муромлянки», и захотелось самой стать участницей агитбригады. Но как перешагнуть через барьер досадной застенчивости? Решилась! Пришла в агитбригаду, и словно подменили девушку! Все звонче и уверенней звучал ее голос на репетициях. И на работе почувствовала себя увереннее. Нынче Алла Медына — монтажница высшего разряда. За успехи в работе награждена орденом Трудовой Славы третьей степени. Она кандидат в члены городского комитета партии. Кстати, муж Аллы тоже участник художественной самодеятельности. Только работает он на другом заводе, а то было бы в «Муромлянке» три супружеских пары.

* * *

...Идет, шагает по стране Первый Всесоюзный фестиваль самодеятельного художественного творчества трудящихся. Миллионы советских людей всех возрастов и самых разных профессий участвуют в нем.

Не все участники этого массового соревнования будут лауреатами, неизвестно, будет ли в числе лауреатов и «Муромлянка». Но всегда будут яркими и разящими выступления талантливого коллектива из Муроме.

З. ИЛЬИНА

Последний штрих

Мы, женщины города Бахмача, всегда заранее готовимся к празднику Восьмое марта. Продуманы прически и платья, улажены, если они были, семейные и производственные конфликты, гарантированы высокие трудовые достижения и хорошее настро-

ение. И все же чуть грустно оттого, что в нашей подготовке есть некоторый пробел, хотя речь идет всего лишь о последнем штрихе... губной помаде. Давно уже нет ее в наших магазинах — ни бесцветной, ни алой, ни перламутровой, никакой.

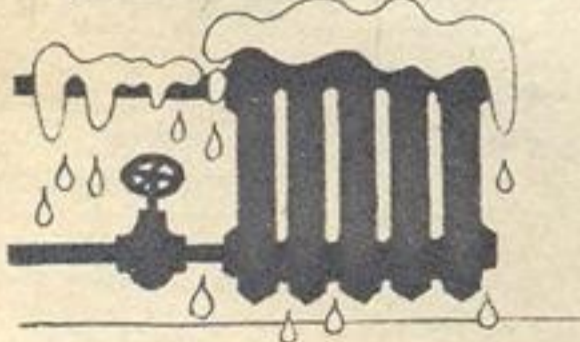
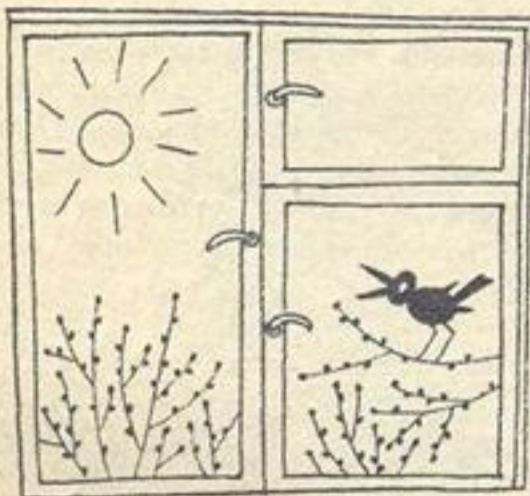
ПЕРСОЛЬ

А-А-А-ПЧХИ!

Продукция филиала Семипалатинского кожевенно-мехового объединения — меховые куртки и варежки — пользуется бойким спросом, валом валият благодарности от потребителей. Но работников объединения душат не слезы благодарности — их душит шерсть. Она витает в воздухе, потому что вентиляции, несмотря на неоднократные требования коллектива, нет как нет.

— А-а-а-пчхи! — чихают работницы.
— Апчхи! — так реагирует на это руководство объединения и профсоюз.

Отложим до зимы

«Вот уже двенадцать лет как построен наш дом, и не было ни одной зимы, чтобы мы не замерзли, — пишут жильцы дома № 7а по Парковому

проспекту в городе Оренбурге, — помоги нам, «Персоль»!»

Оно, конечно, поддать бы кое-кому жару не помешало бы. Однако «Персоль» считает, что жильцы затеяли несвоевременный разговор: весна на носу, скоро тепло наступит. Вот настанет тринадцатая зима, тогда и поговорим... Чего зря летом сани готовить! Не сомневаемся, что и 5-е домоуправление, к которому относится холодный дом, разделит наше персольмнение. Так что отложим пока, товарищи, эти заботы...

У ЗЕРКАЛА

— О, не буди меня, дыхание весны! — сладко пел репродуктор в бане города Моспино Донецкой области. Но предупреждение запоздало — дыхание весны уже разбудило беспочвенную фантазию жительниц города. Разглядывая себя в зеркале, они размышляли о том, что неплохо бы сделать «химию» или перманент; сбросить годиков пять с помощью стрижки «сэссун», красящего шампуня «Черный тюльпан» или какой-нибудь этакой «Фантазии на весенние темы». А еще женщинам привиделось, как модные стрижки и укладки украшают не только их головы, но и создают особый микроклимат в семье и на работе... Но равнодушное зеркало отражает лишь непричесанную нетерпеливую очередь к единственному на весь город креслу «дамского зала», втиснувшегося в коридор городской бани...

Запланированная для парикмахерской пристройка «строится», говорят, уже третий год.

Рисунки Г. ОГОРОДНИКОВА

Лук —

ОТ СЕМИ НЕДУГ

Среди множества поговорок, которые русский народ сложил про овощи, самая удивительная: «Лук — от семи недуг». Народ, в ту пору не знавший не то что химию и микробиологию, но и просто грамоту, сумел на основе многолетних наблюдений дать меткую, научно обоснованную характеристику бактерицидных свойств лука... Заслужил ли этот овощ свою ставшую поговоркой славу?

Первыми узнали вкус дикого лука афганские, иранские и туркменские пастухи и охотники, бродившие по горным лугам. В горах не хватает влаги и слой земли неглубок. Но лук приспособился к жизни в горах: у него много тонких, как струнки, корней, от засухи его защищает «рубашка» плотно обтягивающих луковичу сухих чешуек. Чем их больше, чем толще «рубашка», тем дольше луковича может храниться.

Родовое имя всех луков «аллиум» — жгучий. Это же имя носит чеснок. Стоек и силен запах любого из аллиумов. Если корова на пастбище пожевала листья дикого лука, запах передается молоку — пить его неприятно. Но когда мы едим рыбу, окрошку, шашлык, лук придает кушанью остроту, вкус и запах.

Луков великое множество: лук душистый, лук-шалот, лук многоярусный, у которого вместо соцветий на стебле повисают воздушные луковки-бульбочки, лук-поррей, знаменитый тем, что в нем, единственном из овощей, количество витамина С к весне не понижается...

Многолетний лук-батун вообще не имеет луковичу, зато его листья можно собирать уже ранней весной. Пышным кустом в сто ветвей разрастается шнитт-лук. Лук-слизун называют «салатным» из-за его нежного и сочного листа. Но самый распространенный лук — репчатый. У него все идет впрок: и зеленое «перо» — богатый витаминами лист и сама луковича-репка.

Большинство поклонников перца — южане. Белокочанная капуста была и осталась русским национальным овощем. Лук же интернационален, любая страна считает его своим. Три тысячи лет назад в Древнем Египте луком и чесноком клялись, о чудодейственной силе лука можно прочесть у Гомера и в скандинавских сагах, рецепт лукового супа составили французы, родной язык героя книги «Приключения Чиполлино» итальянский, луковка служила моделью церковного купола для зодчих Византии, России.

В старой России крестьянину трудно было прокормить семью. В деревнях, где мужчины уходили в город на заработки, огородничество становилось женским делом, порой даже профессией. Лук растили целыми районами, по-старинному «гнездами». В «гнезде» создавались сорта. В этом участвовало не одно поколение: лучшие луковичу, отобранные на семена, мать передавала дочке, бабушка — внучке. Арзамасскому сорту (его и теперь выращивают в Горьковской области) более трехсот лет.

Знаменитый на всю Европу бессоновский лук, который возили продавать за границу, выведен в пензенском «гнезде». Самый сладкий, белозерский, — в вологодском, самый урожайный, мячковский, — в подмосковном, скороспелый стригуновский — в курском и т. д. Из сортов лука народной селекции многие в ходу и сейчас.

И еще одну науку преподали внучкам вологодские, псковские, рязанские, ростовские и прочие луковые бабушки: плести луковичные связки-косы и развешивать их в доме. Так они хорошо сохраняются, а главное, случись беда, заведется в округе «прилипчивая» болезнь — до больницы по бездорожью не доберешься. А лук — под рукой.

В великую целебную силу растений из рода аллиум верили не только в России. Чтобы уберечь дитя от болезней, грузинка надевала на шею ребенку ладанку — зашитую в материю маленькую головку чеснока. Так же делали матери в Индии за тысячи километров от кавказских гор. Лук и чеснок жевали перед боем римские воины — считалось, что это повышает силу и бойцовские качества. В Англии, чтоб раззадорить петухов, которые должны были драться для потехи публики, птицам давали поклевать чеснок.

Но, пожалуй, ни в одной стране лук и чеснок не были так популярны, как в Древнем Египте. Лук входил в состав трав для бальзамирования мумий, чесноком и луком лечили все болезни, начиная от насморка и кончая проказой. Конечно, по меньшей мере наивно надеяться с помощью чеснока спасти больных от смерти. В древней медицине с наивностью соседствовала прозорливость. Доказательством тому служит дошедшая до нас запись времен постройки пирамиды фараона Хеопса (Хуфу) — величайшего из каменных сооружений мира.

В течение двадцати лет десять тысяч рабов обтесывали, перетаскивали, пригоняли друг к другу камни. В жарком климате при большой человеческой скученности велика угроза массовых заболеваний. Древние медики нашли простое и дешевое средство, чтоб предотвратить распространение инфекции. Согласно записи; рабам ежедневно выдавали лук репчатый, лук-поррей и чеснок.

Но дать научное объяснение тому, что они применяли на практике, ни строители пирамид, ни русские крестьяне, авторы поговорки про лук, не могли. Это удалось осуществить только в наше время, когда в 1928—1930 годах профессор Томского университета Б. П. Токин открыл фитонциды.

У себя в лаборатории профессор наблюдал за движением бактерий в нанесенной на предметное стекло капле воды. Но вот по соседству под тот же стеклянный колпак была поставлена чашечка с кашицей из натертого лука. Прошло десять минут — и движение в капле прекратилось. Бактерии были мертвы.

Кто же их умертвил? Ваши старые знакомые, заставлявшие вас прослезиться, когда вы чистили лук. Внутри луковицы между сочными чешуйками, как в колыбельках, дремлют детки — ростки. От порчи, гнили и прочих болезней их охраняют невидимые стражи. Разрезав луковицу, вы выпустили невидимок наружу. Эти летучие химические вещества профессор Токин назвал фитонцидами, от греческого «фитон» — «растение» и латинского «цидо» — «убиваю».

Оказалось, что фитонциды лука и чеснока могут защищать не только свой родной овощ, но и нас с вами. Они убивают стафилококков,

стрептококков, туберкулезную бациллу, возбудителей тифа, — ни одна вредная для человека бактерия не может устоять перед ними. Фитонциды лука способствуют заживлению гнойных ран. В нашей фармакологии появилось новое лекарство против дизентерии — сативин, изготовленное из чеснока.

У каждого растения свои фитонциды. По отношению к другим растениям они могут быть дружественными или враждебными. Сирень, к примеру, вянет в одном букете с ландышем, магнолия задерживает рост некоторых трав, но конопля, напротив, защищает горох от тли, картофель не болеет фитофторой в соседстве с луком.

В своей книге профессор Токин приводит примеры различного применения фитонцидов в сельском хозяйстве, в пищевой промышленности, в быту. Обработка фитонцидами лука повышала сохранность яблок и моркови, опрыскивание растений водным раствором из сухих чешуек лука помогало избавиться от паутинного клещика.

А скольким людям лук и чеснок оказывают бесплатную помощь на дому! Те, у кого редеют волосы, втирают в кожу головы луковый сок. Настой на медицинском спирту очищенных долек чеснока растворяет отложения на стенках кровеносных сосудов, что очень важно для страдающих атеросклерозом. И самая простая домашняя профилактическая мера: пожуйте две-три минуты лук, и ваш рот продезинфицирован: в нем не осталось микробов... Нет, не перечислишь добрых услуг, которые оказывает овощ всех народов, завещанный нам прапрапрабабушками, «лук — от семи недугов».

Н. НАДЕЖДИНА

В гостях у Чиполлино

Круглая луковка — веселый сказочный Чиполлино — имеет богатую кулинарную биографию. Предлагаем вашему вниманию несколько европейских рецептов, в которых репчатый лук не приправа к кушанью, а основной компонент.

ЛУКОВЫЙ ПАШТЕТ ПО-ПОЛЬСКИ

Мелко нарежьте большую луковицу, добавьте нарезанное чуть покрупнее (или натертое на крупной терке) кисло-сладкое твердое яблоко (типа антоновки), размятое вилкой крутое яйцо, посолите, заправьте двумя-тремя ложками сметаны и ешьте, намазывая на хлеб с маслом.

САЛАТ С ЛУКОМ ПО-ПОЛЬСКИ

Нарежьте кольцами две крупные луковицы, залейте сметаной, приправьте солью, сахаром, перцем, обязательно дайте постоять полчаса и подавайте с отварным картофелем.

ЛУКОВОЕ ПЮРЕ ПО-ФРАНЦУЗСКИ

Отварите в подсоленной воде 5—6 картофелин (600 г) и 7—8 луковиц (500 г), слив воду, разомните сваренные овощи, хорошо взбейте вилкой, добавив по вкусу молоко и масло. Приправьте пюре солью, перцем. Перед подачей можно добавить два-три сырых желтка.

Едят это блюдо в горячем виде.

ЛУКОВЫЙ СОУС ПО-ФРАНЦУЗСКИ

Порубленный репчатый лук слегка обжарьте на сливочном масле, добавьте томатную пасту (1 чайная ложка на 500 г лука), соль, перец, немного мясного бульона или вбды. Прокипятите, чтобы лук хорошо разварился, затем протрите через сито.

ФРАНЦУЗСКИЙ ЛУКОВЫЙ СУП

500 г репчатого лука нарежьте кольцами и слегка обжарьте. Добавьте соль, перец, $\frac{3}{4}$ литра мясного бульона и кипятите 15 минут. Обжарьте на масле с двух сторон 4—6 ломтиков белого хлеба. Разлейте суп по порциям в огнеупорные мисочки, положите в каждую по ломтику поджаренного хлеба, посыпанного по вкусу толстым слоем тертого сыра, и поставьте в духовку.

ЗАПЕЧЕННЫЙ КАРТОФЕЛЬ С ЛУКОМ

Три большие луковицы нарежьте ломтиками и обжарьте в масле. 7—8 картофелин разрежьте на ломтики в полсантиметра толщиной и уложите слоями в кастрюлю или глубокую сковородку, чередуя ломтики картофеля с поджаренным луком. Каждый слой овощей слегка посолите и поперчите. Верхний пласт должен быть из

картофеля. Полейте молоком и поставьте на небольшом огне в духовке на час.

МАРИНОВАННЫЙ ЛУК

Рекомендуется мариновать мелкий лук. Луковицы на 2—3 минуты опустите в кипяток, затем быстро охладите. Очищенный от наружных чешуек, шейки и корневой мочки лук подержите в подсоленной воде, затем, слив ее, заливайте кипящим маринадом.

Для 1 л маринада нужно примерно пол-литра воды, столько же шести-процентного уксуса, две ложки соли, по вкусу сахар и пряности: корицу, гвоздику, бадьян, душистый перец, красный перец, лавровый лист (можно и не все специи).

Маринованный лук мягче, сочнее, менее острый, чем свежий. Он хорош в винегретах, салатах, на гарнир.

Можно приготовить маринованный лук совсем быстро: нарезать кольцами, ошпарить кипятком (это обязательно — чтобы горечь ушла) и залить маринадом, причем не требуется тщательно соблюдать рецептуру, положите то, что есть в доме. Обязательные компоненты — уксус, соль и по вкусу сахар. Через несколько часов можно такой лук есть. Он вкусен сам по себе, как закуска, в салате. Банка с таким луком может стоять в холодильнике неделю-полторы, не теряя вкуса.

В. КРЕЙЕР

Хозяйке

на заметку

● Половинкой разрезанной луковицы легко очистить от ржавчины нож.

● Загрязненную сумку можно вычистить, быстро и энергично протирая кожу разрезанной луковицей. Когда лук станет грязным — срежьте слой и продолжайте чистить. Под конец протрите сумку до блеска чистой мягкой тряпкой.

● Вы схватили насморк? Натрите на терке луковицу, выжмите сок, смочите им маленькие тампончики из ваты и заложите их в ноздри, глубоко вдыхая при этом несколько раз. Пов-

торяйте такую процедуру в течение всего дня.

● Если у вас слабые, редеющие волосы, делайте время от времени для них питательную маску. Смешайте чайную ложку меда, сырой желток, ложку растительного (или касторового, репейного) масла, две чайные ложки шампуня и сок натертой луковицы. Нанесите эту смесь на кожу головы, завяжите полиэтиленовой косынкой, сверху чем-нибудь теплым и через час-два вымойте шампунем.

● Зеленые перья лука-поррея имеют ценное свойство: стоит ими потереть место, укушенное оводом или комаром, как боль тотчас же проходит. При укусе пчелы лук также помогает, но предварительно нужно вытащить пчелиное жало из ранки.

● Собираясь жарить лук, обвалите его в муке — лук получится золотистый, хрустящий и не подгорит.

● Бульон станет золотистым, если добавить в него немного промытых луковых чешуек.

● Перед закладкой в суп коренья и лук рекомендуется обжарить, чтобы во время варки не улетучивались ароматические вещества.

● Лук лучше подрумянится, если добавить в масло немного сахарного песка.

● Луковый запах со сковороды можно удалить, насыпав на горячую сковороду влажные листочки спитого чая.

● Чтобы нож и вилка не пахли луком, протрите их растительным маслом или сухой солью. Или разрежьте этим ножом морковь.

● Если лук замерз, положите его в холодную воду.

● Когда режете лук, смочите нож в холодной воде: не будет щипать глаза.

● Еще один способ, чтобы не плакать: нарежьте лук, нацепите на кончик ножа маленький кусочек хлебного мякиша.

● Чтобы уменьшить горечь лука, нарезав его, два-три раза промойте под струей воды.

МОДА

ЭТИ МОДЕЛИ ПОЛЬСКОЕ
ВНЕШНЕТОРГОВОЕ
ПРЕДПРИЯТИЕ
«ТЕКСТИЛЬИМПЭКС»
ПРЕДЛАГАЕТ ДЛЯ ЭКСПОРТА В
СССР В 1977—1978 ГОДАХ.

textilimpex

Фото Н. МАТОРИНА

СОЛНЕЧНОЕ ПЛАМЯ

«Кажется, неиссякаемая юность стихийных сил проявляется в маорийке. В уме ее — легкость воздуха, во взгляде — беспокойная глубина вод; ее сильные ноги так плотно стоят на земле, словно корни деревьев, а солнечное пламя, медной смуглотой опалившее ей кожу, живет в ее чувствах», — писал Гоген.

Портрет юной женщины из племени маори — одно из самых серьезных произведений Поля Гогена. И, безусловно, самый прекрасный из созданных им женских образов. Имя женщины — Тохотауа. Она родилась на полинезийском острове Тахуата, соседнем с островом Доминик в Маркизском архипелаге, где поселился художник. Тохотауа была женой друга Гогена Хаапунани, танцора и колдуна.

Изображение этой женщины появляется в картине Гогена «Варварские сказания» и во многих других. Ее легко узнать по копне огненно-рыжих волос. Этот золотисто-рыжий цвет привлекает Гогена — он для него как бы олицетворяет свет дня, тепло солнца. Мягким золотистым светом окутана и сама фигура Тохотауа. Смуглый цвет ее кожи, ее глаза и волосы как бы концентрируют в себе солнечное сияние. Женщина одета так, как обычно одевались жительницы Океании, поза ее непринужденна.

В отличие от художников-импрессионистов Гоген, стремясь очистить создаваемый им образ от мимолетного, случайного, воспроизводит не остановленное мгновение, а состояние, которое может длиться и в котором живет Тохотауа. Это позволяет художнику проникнуть в самую суть натуры модели, открыть ее ха-

актер: ум, природное величие, духовную силу.

Познакомившись с Тохотауа, Гоген не устает восхищаться естественностью и гармонической цельностью этой женщины.

Простота и цельность отличают и сам портрет. Никаких лишних деталей. Линии мягко и плавно сливаются в общий четкий и ясный контур, напоминающий строгие фресковые росписи, всегда привлекавшие к себе Гогена. Портрет написан крупными, широкими мазками, которые, сочетаясь, создают особый цветовой ритм. Это, безусловно, портрет, но не только Тохотауа предстает перед нами. За ней — ее народ, древняя культура ее племени — маори. Нежный поэтический образ лишен суетности и кокетства, которые так раздражали Гогена в европейских женщинах. Даже веер в ее руках выглядит не как украшение, а как символ, необходимый по маорийским представлениям настоящей красавице.

Таити, Маркизские острова, Полинезия... Именно эти далекие острова Тихого океана вспоминаем мы, произнося имя Поля Гогена. Знаменитый французский художник Поль Гоген (1848—1903) прожил во Франции большую часть своей жизни. Но не Франция, а Океания, ее жители стали тем источником творческого вдохновения, которого так недоставало художнику на родине.

Поль Гоген родился в Париже в дни бурных июньских событий 1848 года. Его отец, уроженец Орлеана, был сотрудником известной парижской газеты, мать происходила из семьи южноамериканских испанцев, завоевателей Перу. Бабушка Поля с материн-

ской стороны Флора Тристан, родившаяся в Перу, активно выступала в защиту идей социального прогресса и женской эмансипации. Гоген очень гордился общественной деятельностью бабушки. Может, именно от нее он унаследовал свободный нрав, страстный темперамент и презрение к обывательскому благополучию.

Отец будущего художника вынужден был эмигрировать из Франции, и Гоген вместе с родителями поселился на берегу Тихого океана в Лиме. Здесь, в экзотической стране древних инков, мальчик прожил до шести лет, затем вернулся во Францию, учился в лицее, а закончив его, стал моряком. В 1871 году Гоген покинул флот и, возвратившись в Париж, женился на датчанке Метте Гад, поступил в одну из меняльных контор и зажил внешне покойной, размеренной жизнью.

Знакомство 27-летнего Гогена с художниками-импрессионистами взорвало это кажущееся спокойствие. Сначала он просто пропадает в мастерских своих новых друзей, а вскоре и сам берет в руки кисть, все свободное от биржевых операций время посвящая искусству. Он настолько совершенствуется как живописец и скульптор, что начиная с 1876 года выставляет свои работы вместе с художниками-импрессионистами. Страсть к живописи совершенно захватила Гогена. В 1883 году он бросает место биржевого маклера, решая посвятить всю жизнь творчеству. Это приводит к семейному конфликту. Метте и ее копенгагенские родственники не одобрили подобного решения, и супруги Гоген расстаются.

Художник тяжело переживает разрыв с женой и особенно разлуку с

детьми, утешаясь лишь мыслью о том, что рано или поздно придет время, когда он сможет своим творчеством прокормить семью. Но картины не находили покупателей, и единственным заработком Гогена стала расклейка афиш. Об этих нелегких днях художник впоследствии вспоминал: «Я знал нищету, голод и все, что вытекает из них. Но все это — ничего или почти ничто, с этим можно примириться. Но ужасно то, что это мешает работать, развивать интеллектуальные способности. Правда, страдание обостряет талант, но когда его слишком много, оно может его убить».

Несмотря на нищету, художник продолжает упорно работать. Все годы, всю жизнь этот мастер, уверенный в своем оригинальном таланте, с удивительной убежденностью доказывает окружающему миру свое право на признание. «Я примирился с мыслью, — пишет он, — что долго буду оставаться непонятым. Если бы я создал что-то, что другие создали до меня, я был бы в собственных глазах пустым плагиатором. Но когда я стараюсь придумать что-то новое, меня презирают. Ну так я предпочитаю быть презренной личностью, чем плагиатором».

В конце 80-х годов вокруг художника группируются молодые живописцы, поэты, писатели, составившие впоследствии Понтанвенскую школу. Представители этой школы мечтают покорить своим смелым искусством Париж. Но Гогена подобные планы уже мало трогают, и в 1887 году он решает уехать из Франции в Панаму, к сестре. Поездка оказалась неудачной, пожив немного в Панаме и на острове Мартинике, Гоген, полубольной, возвращается в Париж. И снова годы нищеты...

Именно в это время он мечтает отправиться в Океанию, на Таити, где, по рассказам, жители так же естественны, как окружающая их дикая природа. Условности же буржуазной цивилизации, ложь и лицемерие на каждом шагу, как никогда, угнетают художника. Распродав с аукциона свои работы, заручившись рекомендациями официальных лиц к таитянским колониальным властям, Гоген покидает в апреле 1891 года Париж.

С этого момента жизнь художника навсегда будет связана с островами Океании. «Там, на Таити, я смогу по крайней мере кончить свои дни без заботы о завтрашнем дне и вечной борьбы с глупцами», — писал он одному из своих друзей. Но и последние годы жизни Гогена полны борьбы и нужды. Со свойственной ему резкостью Гоген портит отношения с поселенцами-французами, затевает сложную борьбу с местными колониальными властями.

Его преследуют, обвиняют в тяжких грехах... Он неизлечимо болен. И все равно художник чувствует себя счастливым в этом краю. Живет среди полинезийцев в бамбуковой хижине, изучает религию, мифологию племени маори. Он восхищен и самими таитянами — жизнерадостными, радушными, беспечными. Их жизни, их красоте и посвящает он свои работы. Пишет соседей, друзей.

«Было так просто писать вещи такими, какими я их видел, — сообщает он, — класть без намеренного расчета красную краску рядом с синей. Меня завораживали золотистые фигуры в речушках или на берегу моря. Что мешало мне передать на холсте это торжество солнца?»

Почти все, что было создано в Полинезии, художник отсылал в Париж известному торговцу картинами Воллару. Картины Гогена появлялись на выставках, постепенно разрушая ту стену непонимания, которая возникла между творениями художника и зрителями.

Умер художник в мае 1903 года и был похоронен на острове Доминик.

На первой странице обложки: На Чегет (фрагмент). Художник Н. Трындык.

В приложении к этому номеру: Вязание — самый модный воротник; выкройки платьев-свитеров.

<p>Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА. Редакционная коллегия: А. П. БИРЮКОВА, И. Г. ВОЛОБУЕВА, Д. Т. КАРАСЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО, М. И. РОЖНЕВА, З. Н. ТИМОФЕЕВА (зам. главного редактора), А. Г. ХРИПКОВА, Р. А. ЭЛЬДАРОВА.</p>	<p>Сдано в набор 23/ХП-1976 г. А 09206. Подписано к печ. 17/И-1977 г. Формат 60 × 90¹/₈. Усл. печ. л. 5,43. Уч.-изд. л. 9,56. Тираж 13000000 экз. (1-й завод: 1—11 238 550 экз.). Изд. № 297. Заказ № 31.</p>
<p>Адрес редакции: 101458, Москва, А-15, ГСП-4, Бумажный пр., 14.</p>	<p>Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП-4, улица «Правды», 24.</p>
<p>ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ: промышленного—250-11-72; международной жизни—250-44-80; литературы и искусства, коммунистического воспитания—250-12-30; семьи и быта, науки и антирелигиозной пропа- ганды—250-11-93; художественного оформле- ния—258-14-13; писем—250-57-38; массовой работы—250-44-80; зав. редакцией—253-30-05.</p>	<p>Оформление художника Г. П. ГОРСТИНОЙ Технический редактор Н. И. МАКАРОВА.</p>

ПОЛЬ ГОГЕН. ДЕВУШКА С ВЕЕРОМ.

В Русу Чобану

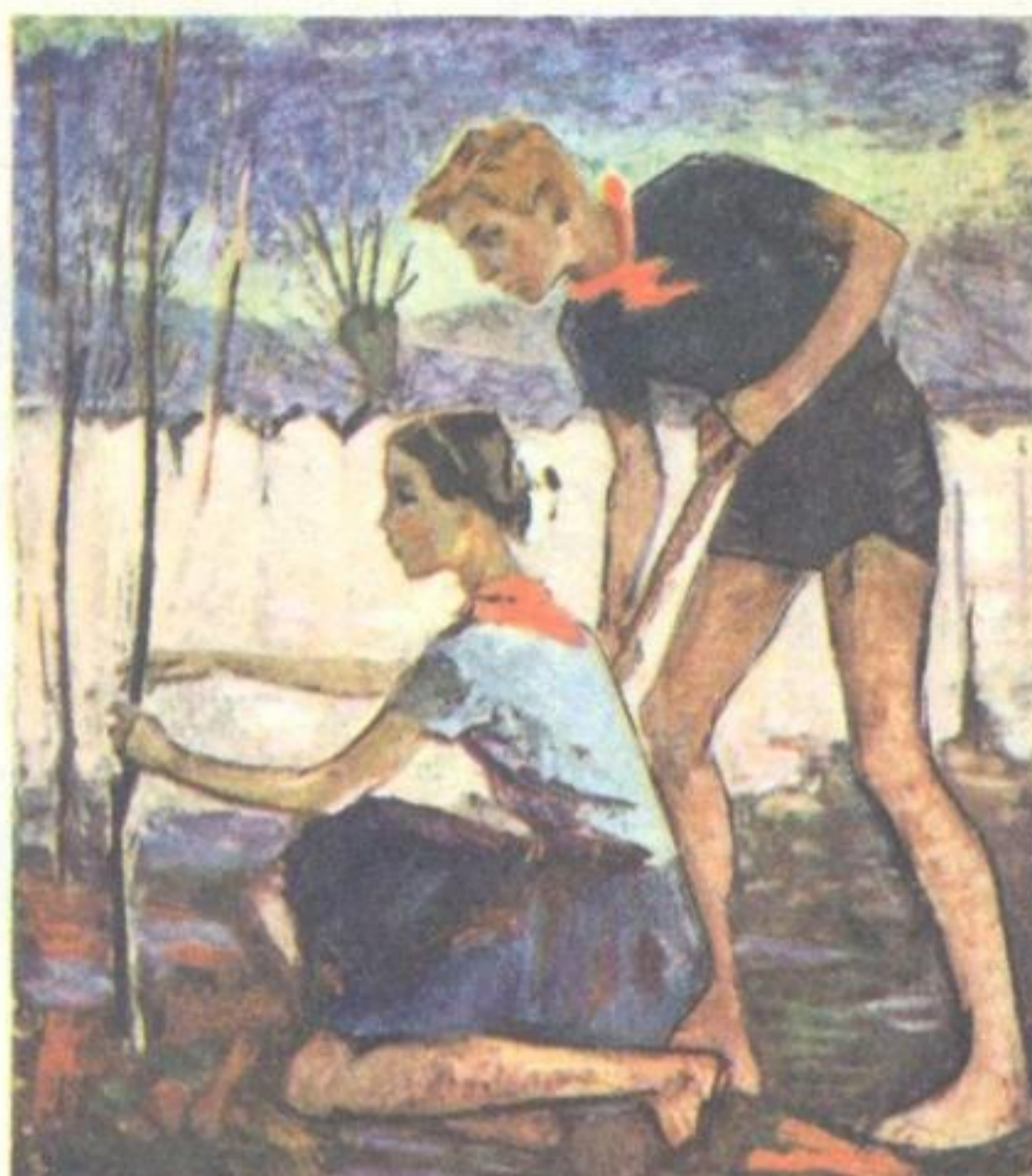
мастерства, так и осталась в поре дерзкого экспериментаторства. Слово ей тесно в рамках одного освоенного жанра, словно ей скучно останавливаться на одной стилистике.

Просторная мастерская — общая, здесь и работы мужа, своеобразного и талантливого художника Глеба Саинчука, и работы сына. А эта — ее, и та, и та... И когда рассматриваешь их одну за другой, не перестаешь удивляться: неужели все они одной кисти? До чего же разные!

Нет жанра, в котором не работала бы Руссу-Чобану. Она писала полотна на исторические темы и бытовые, и пейзажи, и натюрморты. Любит картины обобщенно-философского звучания — именно таков «Поезд дружбы», который вы видите здесь; в нем мечты художницы о мире и взаимопонимании между людьми, ее вера в поколение юных, которому завтра брать на свои плечи судьбу человечества. Писала портреты поэтов и рабочих, доярок и студентов, актеров и общественных деятелей. И для каждого она ищет свой, особый ключ выявления индивидуальности человека.

Это ли не творческое бесстрашие — уходить от найденного, не тиражировать собственные удачи?

Автопортрет... Когда увидела его впервые, я с оторопью отметила: да ведь художница к себе почти безжа-

Посадка деревьев.

Бесстрашие поиска

С Валентиной Георгиевной Руссу-Чобану, лауреатом Государственной премии Молдавской ССР, мы познакомились два года назад. Я приехала в Кишинев писать об известном скульпторе. И вот этот старый мастер, в прошлом ученик Бурделя, переживший на своем веку многое и в жизни и в искусстве, в одной из бесед назвал мне имя — Валентина Руссу-Чобану. Имя, и прежде знакомое по выставкам и репродукциям.

— Вы выделяете ее среди женщин-художниц? — уточнила я.

— Что значит среди женщин? — насмешливо буркнул мастер. — Это в спорте бывает забег отдельно для мужчин, а отдельно для женщин. Валентина — художник. И нашему брату у нее поучиться. Ее бесстрашию...

Бесстрашие? В чем же оно?

...Когда пьесе Иона Друцэ «Птицы нашей молодости» приняли к постановке в Малом театре, встал вопрос о художнике. Нужен был человек, умеющий лаконичными средствами передать национальный колорит, подчеркнуть романтическую приподнятость пьесы-притчи. И в Москву пригласили Руссу-Чобану, хотя она вовсе не театральная художница. «Что вы! — сказала она. — Я это не умею». «Но вам интересно?» «Еще бы!»

И она имела смелость согласиться, оставила срочные дела, переселилась в Москву, гостиничный ее номер загромодили эскизы. За каждую деталь воевала с застенчивым упорством. И теперь вспоминает ту горячку репетиций с большим удовлетворением. Потому что проверила себя в новом качестве.

Бытует выражение «ищет себя». И принято считать, что ищет себя художник в начале творческого пути. А про Руссу-Чобану можно сказать, что она, вот уже три десятка лет самоотверженно отдающаяся искусству, достигшая крепкого профессионального

лостна! Разве в женском естестве изобразить себя явно постарше? А зачем утрировать суховатую напряженность рта и подбородка, на самом деле куда более мягких и женственных? Почему вдруг написать себя в очках, которые вообще-то она надевает редко и которые сообщают ее лицу несвойственную официальность?

Я не решилась расспрашивать Валентину Георгиевну, потому что в са-

мом начале нашей беседы, коротко изложив свои биографические данные, она предупредила: «Объяснять картины не люблю и не умею... Все, что хотела, сообщила — цветом, композицией, ритмом...» Про автопортрет сказала лишь, что его желал вместе с другими работами приобрести музей, но ей хочется оставить его в семье — «для сына, для будущих внуков».

И стало понятно, что портрет как-то особенно дорог ей. Может, в нем удалось то, чего требовал от портретиста Белинский — «не одно внешнее сходство, а вся душа оригинала». В данном случае — душа художника. Сколько в глазах, увеличенных линзами очков, молодого интереса к жизни! Какие они теплые и всепонимающие, эти глаза!

В стеклах очков отражаются окна, стража мир. В этой превосходно найденной детали ключ к пониманию образа: для человека искусства главное — его сопряженность с миром.

Сосредоточенность Валентины Руссу-Чобану, какой изобразила она себя в автопортрете, не созерцательная, не элегическая. Она предисловие к новой работе, к новому бесстрашному поиску.

Т. РЯБИКИНА

Поезд дружбы.